

Муза Сергеевна
Борман-Колесникова

**ПРЕДКИ
И ПОТОМКИ**

Семейная хроника

**СЕМЕЙНАЯ
ХРОНИКА**

Муза Сергеевна Борман-Колесникова
(1901–1975)

**Муза Сергеевна
Борман-Колесникова**

ПРЕДКИ И ПОТОМКИ

Семейная хроника

PENOME

Санкт-Петербург
2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2)-4
Б82

*Издание осуществлено
при поддержке Е. А. Колесникова*

Борман-Колесникова, М. С.

Б82 Предки и потомки. Семейная хроника / Муза Сергеевна Борман-Колесникова ; подгот. и ред. Е. А. Сеничевой. — СПб. : «Реноме», 2018. — 288 с. : ил.

ISBN 978-5-91918-969-5

Муза Сергеевна родилась в смешанной петербургской семье. Мать её принадлежала к родовитому русскому дворянству, а отец — к немецким разночинцам. С детства Музу окружали интересные люди: морские офицеры, писатели, предприниматели, инженеры. Отвечая на вопросы родных, в последние годы жизни она рассказала обо всех всё, что знала и помнила. За прошедшие сорок с лишним лет интерес к жизни предков у многочисленных потомков не угас, поэтому внуки Музы Сергеевны решились на издание этой книги.

Издание предназначено для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1
ББК 84(2)-4

Ограничение по возрасту 12+

*Запрещается воспроизведение частично и/или целиком
без письменного разрешения правообладателя.*

ISBN 978-5-91918-969-5 © Е. А. Сеничева, подготовка к изданию, 2018
© Оригинал-макет. ООО «Реноме», 2018

Предисловие редактора

В 1971–1973 годах бабушка собирала и обрабатывала материалы своих воспоминаний. В 1974-м они были напечатаны на машинке в нескольких копиях. К началу XXI века книгой заинтересовались подростки правнуки. Тогда же нам стали доступны персональные компьютеры и множительная техника. И я, старшая внучка Музы Сергеевны, с финансовой помощью её младшего внука Евгения взялась обеспечить родственников семейной историей. Машинопечатная книга была отсканирована, оцифрована, ксерокопирована и переплетена в 15 экземплярах, и этого оказалось мало. Но оцифрованный текст и фотографии можно было сохранить и размножить на дисках. Теперь Женя предложил издать книгу в большом количестве экземпляров, и я снова взялась за работу. Новая книга несколько отличается от оригинала. Издание типографским способом даёт возможность разместить больше фотографий в лучшем качестве, чем предполагает ксерокопирование. А в бабушкином издании фотографии были вклеены вручную. Издавая семейную хроника, трудно удержаться и не добавить новые сведения о рождении и успехах потомков. Кроме того, за сорок с лишним лет появились новые сведения и о предках, например о Елене Владимировне Бекиш — внучке Боклевских, Юлии Михайловне Антоновском. Были изданы книги и архивные материалы Ариадны Владимировны Тырковой-Вильямс. Всё это находит отражение в новом издании.

Нужно также особенно отметить, что текст рукописи не менялся, сохранены характерные для автора обороты и выражения, исправлялись только опечатки. Дополнительные вставки редактора касаются только лиц, упомянутых Музой Сергеевной.

2018 год

Наверное, здесь самое место рассказать о личности автора — Музе Сергеевне Борман-Колесниковой — всё, что помним о ней мы, её внуки. Хотя в городе мы жили на разных квартирах, наша семья была очень тесно связана с бабушкой и дедушкой. Каждое воскресенье мы обедали у них. Родители привозили нас с сестрой на Красную улицу (теперь Галерная), где в старинном, пушкинского времени доме, в огромной комнате, размером с приличную современную квартиру, жили с 1945 года бабушка Муза Сергеевна и дедушка Евгений Евгеньевич. Родители уходили на очередную выставку или просто в какой-нибудь музей, а мы оставались, когда же стали постарше, то ходили вместе с родителями. Вечером был семейный обед, затем чай, а потом сонных нас доставляли домой. Бабушка была прекрасной кулинаркой. Готовила она всегда из самых лучших продуктов. Теперь такое трудно представить, но к бабушке несколько раз в неделю домой приходила молочница и приносила творог и сметану. Другие продукты — мясо, рыбу, зелень, овощи — дедушка и бабушка покупали на рынке. Много деликатесов бывало у бабушки на столе, но самые прославленные — заливное из судака и пирог с капустой. Пироги бабушка пекла довольно часто, а в 60-е годы, когда мука отсутствовала в продаже и распределялась по талонам, бабушка умудрялась печь пироги из размоченной вермишели, и было вполне вкусно.

Кроме семейных обедов устраивались и большие праздничные приёмы, человек на двадцать пять. Я вспоминаю встречи Нового года в компании с молодыми друзьями моих родителей (я была старшим ребёнком в этом кругу и поэтому что-то помню) — бабушка веселилась и танцевала больше всех. Она умела организовать вокруг себя веселье с загадками, гаданиями, розыгрышами. В первый день Нового года приходили гости посOLIDнее — братья и сестра дедушки с семьями, а в конце 60-х годов и брат бабушки Георгий Сергеевич. Тоже подавался обильный обед на старинных скатертях, фамильном фарфоре и серебре. Тут танцев было поменьше, но зато было много детей — раздавали подарки, играли, приходили Дед Мороз и новорожденный Новый год, а дядя Жорик (Георгий Сергеевич) пел, аккомпанируя себе на гитаре.

Также большой приём устраивался 3 февраля, в день дедушкиных именин. Дни рождения бабушки и дедушки праздновались уже на даче в Ушаках. Бабушкин день рождения, 10 мая,

проходил обычно очень скромно (по их меркам) — было, как правило, ещё холодно и дачное хозяйство не было полностью развёрнуто. Зато день рождения дедушки, 6 сентября, превратился в грандиозный Традиционный сбор, который существует и по сей день, так как день рождения их внука Евгения — 5 сентября, а день рождения нашей мамы — 7 сентября. Мы и теперь собираемся в эти дни в Ушаках и не только поздравляем Женю, но и вспоминаем всех наших родных.

Церковные праздники бабушка и дедушка не отмечали, правда, на Пасху красились яйца, делалась очень вкусная пасха и пёлся крендель (вместо кулича), но в церковь их не носили и сами не ходили. И бабушка, и дедушка были воспитаны в атеистическом духе и не только не соблюдали никаких обрядов, но и не интересовались религией. Росли они на книгах Чехова и Горького, и это тоже, видимо, сыграло роль в формировании их мировоззрения. Вообще, они очень много читали и любили обсуждать прочитанное. Бабушка и дедушка всегда были в курсе книжных новинок, и не только изданных официально. Ещё в 1968 году я прочла потрясший меня «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург — напечатанную на машинке рукопись дала мне бабушка, а где она её взяла, я и не спрашивала. Бабушка хорошо разбиралась в литературе и старалась собрать для нас приличную библиотеку, так как от богатых библиотек их родителей мало что осталось. Но с книгами в продаже становилось всё трудней и трудней, зато появилось много толстых литературных журналов, которые внимательно прочитывались. Кроме того, сколько я себя помню, дедушка выписывал «Литературную газету»; сначала она выходила три раза в неделю и состояла из одного листа, потом стала приходиться только по средам, толщиной в шестнадцать страниц. Когда в 70-е годы выписать её стало очень трудно, взрослые члены семьи «нажимали на все педали», но у дедушки всегда была его любимая газета. Также я помню, что всегда покупался журнал «Огонёк», но в те годы его красочные страницы шли в основном на оформление школьных сочинений, а до того короткого периода, когда «Огонёк» зачитывали до дыр, бабушка и дедушка, к сожалению, не дожили.

Бабушка и дедушка неплохо знали французский и немецкий и иногда читали романы на этих языках, но не часто, только чтобы не забыть язык. Бабушка, правда, сделала перевод

французской книги по стилям в мебели для эрмитажной библиотеки по просьбе М. И. Артамонова, тогдашнего директора Эрмитажа, с семьёй которого она дружила. Дедушка иногда переводил с немецкого научные статьи для папы, когда тот работал над докторской диссертацией или писал свои книги. Но в основном в той жизни, которую я помню, знание языков им пригодилось очень мало.

Ни бабушка, ни дедушка не были театрами, но бабушка старалась показать нам с сестрёнкой всё лучшее, что мог предложить тогда детям театральный Ленинград. Она выстаивала огромные очереди за билетами в Кировский театр, водила нас на лучшие ёлочные представления.

На Мойке, 12 первый раз я была с ней году в 1958-м. Экспозиция тогда размещалась в нескольких комнатах, и я помню, что бабушка обратила внимание на безделушки, стоявшие на каминной полке, похожие на те, что были у неё дома. Она написала об этом С. С. Гейченко — директору Пушкинского музея-заповедника в Михайловском; он заинтересовался, приехал, забрал безделушки (может быть, купил, но вряд ли), завязалась переписка, которая продолжалась до конца бабушкиной жизни. Бабушка оставила завещание, по которому мебель, доставшаяся ей в наследство от матери и относящаяся к пушкинскому времени, должна быть отправлена в Пушкинский музей-заповедник, что и было в точности исполнено.

Скончалась Муза Сергеевна 26 сентября 1975 года от ишемической болезни сердца. Это произошло через две недели после похорон её любимой подруги и двоюродной сестры — Екатерины Владимировны Поссе, дома, в присутствии кардиологической бригады, которая должна была доставить её в больницу. Всю жизнь она была очень здоровым человеком и сама признавалась мне, что не знает, что такое усталость. Но в 70 лет у бабушки вдруг резко проявилась болезнь сердца, вероятно, наследственная, так как и отец её, и мать, и оба брата умерли в результате сердечных приступов. Бабушку кремировали, и урну с прахом захоронили в могиле её матери на Волковском лютеранском кладбище, в той же ограде, где находятся могилы Борманов — её деда и бабки. Через семь лет, в 1982 году, там же была захоронена и урна с прахом её мужа Евгения Евгеньевича Колесникова.

2001 год

ПРЕДКИ И ПОТОМКИ

Семейная хроника

Мотивы составления данной семейной хроники

Годы молодости нашего поколения протекали в такой период, когда русские люди не только не гордились славой отцов, но вообще старались забыть о наличии каких-либо предков. Да и материальные условия жизни являлись настолько трудными, что все отвлечённые идеи были выброшены из сознания, внимание полностью поглощалось заботами о непосредственном существовании. Последствия мировой войны, после 20 лет восстановительной деятельности, потеряли свою остроту, и наша смена, главным образом внуки, начали задавать вопросы о старине и предках. В одном из литературных журналов была статья академика С. Б. Веселовского: «Род Пушкиных и их роль в истории». Эта статья осталась в моей памяти и побудила меня думать над этой темой. Тем более что наши предки были земляками Пушкина и даже вели с ним знакомство на Псковщине и в Петербурге.

Моя мать Вера Дмитриевна и мать моего мужа София Владимировна Тырковы были двоюродными сёстрами и принадлежали к старому дворянскому семейству. Это древний русский дворянский род, имевший земельные поместья в Новгородской и Псковской губерниях.

Примерно в 1923 году я держала в руках родословную Тырковых. Это была просто копия на простой, не гербовой бумаге, написанная от руки. Она валялась вместе с другим бумажным старьём на веранде колесниковского дома в Улькове. Это была какая-то куча архивных документов, привезённых из

родового дома Тырковых — Вергежи, когда оттуда выселялась его хозяйка София Карловна Тыркова. Все эти бумаги остались в ульковском доме, когда из него, в предельно срочном порядке, в 1929 году были выдворены Колесниковы и дом пошёл под деревенский клуб. При немцах этот дом сгорел.

Я помню, что эта родословная имела начало ещё до царствования Ивана Грозного, что сперва в ней преобладали имена Яков и Василий, а примерно к концу пошли Дмитрий и Алексей. К сожалению, больше я ничего не запомнила.

Пытаясь найти какие-либо сведения в литературных источниках, я обнаружила, что в официальных списках нужные мне данные появляются только в начале XVII века и заканчиваются концом XIX века. Жизнеописание наших родителей мне пришлось составить по собственным воспоминаниям, за точность в датах я полностью ручаться не могу. В Военно-морском музее мне удалось найти материалы об участии лейтенантов Тырковых в японской войне, они мне показались впечатляющими. О более дальних предках Тырковых — Назимовых, Путятинных — я даю выписки из печатных источников, с которыми мне удалось ознакомиться в Публичной библиотеке и из которых я почерпнула множество интересных сведений, относящихся вообще к девятнадцатому столетию.

В процессе написания этой хроники мне пришлось обращаться ко многим лицам, которые давали мне соответствующие советы по использованным мною материалам. Я выражаю им мою глубокую благодарность.

Всё началось с Морского музея, где я встретила самое предупредительное отношение со стороны сотрудника музея Алексея Павловича Куликова.

В Пушкинском Доме мне очень помогла Антонина Петровна Холина, познакопившая меня с сотрудницей краеведческого музея г. Острова, которая указала мне на существующий Сборник русских дворянских фамилий.

Я послала письмо профессору Руслану Григорьевичу Скрынникову и получила от него ценную консультацию о новгородских писцовых книгах.

Я запросила узбекского писателя Миркарима Асимова об источниках сведений о переводчице Тыркове, и он любезно мне ответил.

Сотрудница Государственной публичной библиотеки Нина Сергеевна Соколова мне очень помогла в ориентировке в каталогах библиотеки.

В вопросах геральдики моей советчицей была Галина Адольфовна Эрлих.

Основные фотонегативы были засняты художником Николаем Фомичом Борущко, а затем многое напечатано Владимиром Евгеньевичем Колесниковым.

Мои кузины Екатерина Владимировна Поссе, Марина Константиновна Ратькова и Мария Константиновна Тыркова часто дополняли мои воспоминания и были болельщицами моей работы. Михаил Владимирович Колесников обеспечил напечатание всех книг. Кроме того, мне всегда помогал, проверял и исправлял мою работу мой муж Евгений Евгеньевич Колесников.

Ещё раз хочу выразить мою искреннюю признательность всем, кто поддерживал моё желание и помогал мне выполнить поставленную перед собой задачу.

Прошу не считать данный труд литературным произведением или историческим документом, так как я ни в коей мере не писатель и не историк. Это только попытка воссоздать родственные зависимости и попутно отметить некоторые личности и эпизоды, характеризующие эпоху, которые невольно останавливают на себе внимание.

Если кто может к этому что-либо добавить, то всегда можно дописать и вклеить несколько листков. Сказать, будто это всё, что я помню, было бы неверно, так как я знаю ещё множество романтических историй о моих сверстниках и то, что мне рассказывала моя мать о её поколении. Почти о каждом названном лице может быть написан самостоятельный роман, но это не входит в мою задачу, так как требует писательского таланта, которого у меня нет. Я могу только протокольно излагать известные мне факты.

Я надеюсь, что данная хроника в какой-то мере будет способствовать тому, что мои родственники, зная свою родовую зависимость, спаяннее и дружнее будут держаться ещё несколько поколений после нас.

В поколении наших родителей из Бабина и Вергежи было одиннадцать человек мужского пола Тырковых. В младшем существующем поколении имеется только два мальчика: Константин и Дмитрий. В назидание этим последним носителям древнего русского имени должна послужить данная хроника. Кроме того, и к сведению всех потомков по женским линиям — Колесниковых, Борман, Комлева, Васильевых, Завьяловых, Коневцовых, Шамовых, Ратьковых, Глаговских, Нестерович, Бюриг, Назаровых, Робачевских, Курова, Сеничевых, Фадеевых, Суслениковых, Антоновских и др.

Завет потомкам

Когда в осенний непогожий вечер
Вы соберётесь тесною семьёй
И заведёте медленные речи
О том, что было давнею порой,

Возьмите с полки этот манускрипт.
Он там давно недвижимо лежит,
Он вам поможет память освежить,
Покажет ясно, кто, как может жить.

Все формы жизни сильно изменялись,
Где предки плакали, потомки там смеялись,
Но сущность бытия осталась неизменной,
Для каждого из нас, как прежде, очень ценной.

В пыли веков, в ряду столетий
Находим предков мы своих.
Как много разных выражений
На лицах видим мы у них!

Но, углубясь в черты портретов,
Мы без сомненья в них найдём
И вдохновение поэтов,
И тихий непробудный сон.

В иных видна готовность к бою,
И знаем мы из старых книг:
Охотно жертвовать собою
Ведь не один из них привык!

Прошли года, и нить событий
Порвалась где-то на пути,
Теперь вести рассказ о прошлом
Кого-то надобно найти.

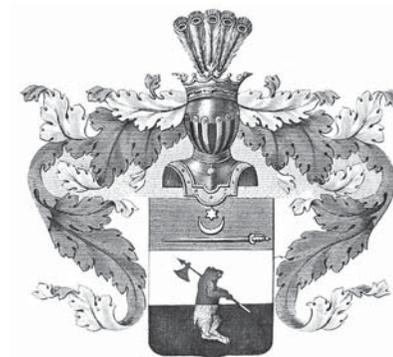
Опять пойдут чредою стройной
Отцы и дети, их дела.
Под маской призрачно-спокойной
Жизнь вновь покажется мила.

Передавая нить рассказа,
Хочу спокойно отдохнуть,
Пусть новый автор раз от раза
Всё ярче освещает путь!

РОДОСЛОВНАЯ РОДА ТЫРКОВЫХ

Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской Империи (ч. 5, отд. 1, № 68)

«Герб рода Тырковых. Щит разделён горизонтально на три части, из коих в верхней в голубом поле изображены: серебряная шестиугольная звезда и под нею того же металла луна, рогами вверх, и меч, остриём обращённый в правую сторону; в средней серебряной и нижней чёрной частях поставлен медведь с секирою переменных с полями цветов.

Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нём короной и пятью павлиньими перьями. Намёт на щите голубой, подложенный серебром.

Фамилия Тырковых. Ждан и Никита Яковлевичи от Государя Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича в 7125/1617 году, также и Ивана Михайловича Тыркова от Государей, Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и Государевны Царевны Великой Княжны Софии Алексеевны за верную службу, храбрость и мужественное ополчение пожалованы поместьями. Равным образом и другие многие Тырковы Российскому Престолу служили дворянские

службы в разных чинах. Всё сие доказывается жалованными на поместья грамотами и родословною Тырковых».

Родословная книга князей и дворян Российских и выезжих, изданная по самouverнейшим спискам (В 2 ч. М.: Универ. тип. Н. Новикова, 1787), содержащая в себе:

«1. Родословную книгу, собранную и сочинённую в разряде при царе Феодоре Алексеевиче, и по временам дополненную, и которая известна под названием Бархатной книги.

2. Роспись алфавитную тем фамилиям, от которых родословные росписи в разряд поданы, с показанием, откуда те рода произошли, или выехали, или которых известий нет; также какие роды от тех родов произошли, по каким случаям названия свои приняли и, наконец, под каким номером те родословные находятся в Разрядном Архиве.

3. Роспись, в которой выезжие роды показаны все вместе по местам их выезда.

4. Роспись алфавитную, служащую вместо оглавления, в которой показаны все фамилии, содержащиеся в обеих частях сей книги, число которых простирается до 930 тыс.».

Ч. II. С. 350–420.

«Назимовы выехали из Греции, родословная № 347».

В данной книге Тырковы не записаны. Номера их родословной я нигде не нашла. Предполагаю, что самую первоначальную родословную Тырковых надо было искать в Новгороде, так как записанная родословная в списках Руммеля и Голубцова начинается с 1618 года, после получения герба от московского царя. Боярский род Тырковых существовал много раньше, что доказывается основателем города Томска «боярским сыном Василием Тырковым», в упомянутую родословную не внесённым. В литературных источниках, где описывается Новгородский край, говорится о том, что при введении московских порядков в Новгороде было очень много уничтожено различной документации, остались лишь «старые письма» — 1498–1501 годов.

Андриевский А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пяттина по писцовым книгам 1498–1576 гг. (М., 1914):

«Из родословной Тырковых явствует, что они награждались вотчинами в Водьской пяттине. <...>

Вытекшая из озера Ильмень река Волхов отделяла Обонежскую пяттину от Вотской. Река Луга — Вотскую от Шелонской... Раньше писали Водьская, так как существовало финское племя Водь. Водьская земля — незначительная часть Вотской пяттины».

Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. II (СПб., 1887. С. 55):

ТЫРКОВЫ

I*

1. *Яков Тырков* — жил в конце XVI столетия.

II

2. {1}** *Ждан Яковлевич* — за службу с князем Скопиным-Шуйским пожалован вотчиною в Новгородском уезде (1618).

3. {1} *Никита Яковлевич* — новгородский дворянин (1614), за службу с князем Скопиным-Шуйским пожалован вотчиною в Новгородском уезде (1618).

4. {1} *Семён Яковлевич* — новгородский помещик (1626).

III

5. {2} *Григорий Жданович* — новгородский помещик (1626).

6. {3} *Михаил Никитич*.

* Номер поколения

** Номер отца

IV

- 7.{6} *Иван Михайлович* — пожаловано ему в вотчину село Холуи в Новгородском уезде (1687).

V

- 8.{7} *Богдан Иванович.*

VI

- 9.{8} *Самойло Богданович* (1693).

VII

- 10.{9} *Богдан-Мина Самойлович*, 1693 г. р. — помещик Воцкой пятины, в полковой службе (1704). Определён для надзора за имуществом П. И. Ягужинского (1730).
- 11.{9} *Матвей Самойлович*, 1700 г. р. — поручик (1717).

VIII

- 12.{10} *Александр Богданович* — майор.
- 13.{10} *Пётр Богданович* — новгородский помещик (1784).
- 14.{10} *Михаил Богданович* — новгородский помещик.
- 15.{10} *Алексей Богданович* — новгородский помещик (1787).
- {10} *Феодосия Богдановна* — замужем за Трубниковым.

IX

- 16.{12} *Александр Александрович*, 1753 г. р. — заседатель Лужского уезда (1792), коллежский асессор. Жена Варвара Игнатъевна (ум. до 1792 г.).
- {13} *Анна Петровна* — за действительным статским советником Набоковым.
- {13} *Елизавета Петровна* — за коллежским асессором Андреем Андреевичем Балкашиным.

- {13} *Евдокия Петровна* — за майором Бровциным.

- {13} *Наталья Петровна.*

- 17.{14} *Михаил Михайлович* — секунд-майор.

- 18.{15} *Дмитрий Алексеевич* — отставной капитан (1800). Ум. 1823 г. Жена — Анна Евфимовна Путьягина.

X

- 19.{16} *Александр Александрович*, 1781 г. р. — унтер-офицер лейб-гвардии Семеновского полка (1792).

- 20.{16} *Пётр Александрович*, 1784 г. р. — вахмистр лейб-гвардии Конного полка (1792).

- {16} *Ирина Александровна*, 1774 г. р. — за майором Николаем Семёновичем Скобельцыным.

- {16} *Варвара Александровна* (1782–1822) — за лейб-гвардии Преображенского полка штабс-капитаном Феодром Васильевичем Татищевым (ум. в 1829 г.).

- 21.{18} *Алексей Дмитриевич* (1793–1853) — коллежский советник, предводитель дворянства Новгородского уезда. Жена — Татьяна Яковлевна Ивкова (ум. после 1853 г.).

- 22.{18} *Александр Дмитриевич* (1799–7.11.1843) — выпущен из Импер. Царскосельского лицея офицером в армию в 1817 г. Однокашник Пушкина.

- {18} *Варвара Дмитриевна* — замужем за князем Влад. Алекс. Ширинским-Шихматовым.

XI

- 23.{21} *Дмитрий Алексеевич* (26.10.1821–5.05.1885) — флота капитан-лейтенант. Ум. в селе Бабино. Жена — Мария Петровна Назимова (1843–1905).

- 24.{21} *Сергей Алексеевич*, 1824 г. р. — флота мичман (1844). Жена — Евдокия Алексеевна, крестьянка дер. Апраксин Бор Новгородской губ.

- 25.{21} *Фёдор Алексеевич*, 1832 г. р. — коллеж. сов. (1878).
 26.{21} *Василий Алексеевич*, 1834 г. р. — член Херсонского окружного суда. Камер-юнкер (1875).
 27.{21} *Владимир Алексеевич* (1835–1912) — мировой посредник Новгородского уезда. В первые пять с половиной лет действительный статский советник. Жена — София Карловна Гайли (из шведов).
 {21} *Анна Алексеевна*, род. 29.07.1818 г.
 {21} *Александра Алексеевна*, род. 10.04.1819 г.
 {21} *Наталия Алексеевна*, род. 25.12.1819 г.
 {21} *Мария Алексеевна*, род. 25.03.1822 г.
 {21} *София Алексеевна*, род. 17.09.1825 г.
 {21} *Барвара Алексеевна*, род. дек. 1826 г.
 {21} *Вера Алексеевна*, род. янв. 1829 г.

XII

- 28.{23} *Пётр Дмитриевич*.
 29.{23} *Сергей Дмитриевич*.
 30.{23} *Константин Дмитриевич*.
 31.{23} *Михаил Дмитриевич*.
 32.{23} *Владимир Дмитриевич*.
 33.{23} *Николай Дмитриевич*.
 34.{23} *Леонид Дмитриевич*.
 35.{24} *Алексей Сергеевич*.
 36.{26} *Николай Васильевич*.
 37.{26} *Владимир Васильевич*.
 38.{27} *Виктор Владимирович* — коллежский секретарь (1884).
 39.{27} *Аркадий Владимирович*.
 40.{27} *Алексей Владимирович*.
 41.{27} *Сергей Владимирович*.

Родоначальником другой отрасли этого же рода был Мелентий Павлович Тырков, наследовавший в 1613 году поместья своего отца в Воцкой пятине. Его потомок: Михаил Степанович — отставной секунд-майор, помещик Гдовского уезда (род. в 1736 г.), от брака с Марфой Яковлевной Ширвановой имел одну дочь Анну Михайловну, 1779 г. р.

В роспись не вошли:

1. *Афанасий*
  2. *Герасим*
  3. *Зук*
  4. *Иван*
  5. *Пётр*
  6. *Феодор*
  7. *Богдан Иванович*
  8. *Втор Феодорович*
  9. *Елизарий Феодорович*
- } новгородские помещики (1626).
10. *Самойло Дмитриев* — новгородский дворянин Воцкой пятины (1626).
  11. *Михаил Богданович* — новгородский дворянин Воцкой пятины в 1650 г.
  12. *Богдан Самойлович* — служилый новик Воцкой пятины (1665).
  13. *Павел Михайлович* — служилый новик Воцкой пятины (1665).
  14. *Самойло Тырков* — сборщик полотняных денег в Новгородском уезде (1669).
  15. *Никита Самойлович* — новгородский помещик (1685).
  16. *Иван Иванович* — верхотурские дети.
  17. *Михайло Иванович*
  18. *Алексей Иванович*
- } боярские дети.

19. *Пётр Тырков* — подпоручик Псковского драгунского полка (1748).
20. *Тырков* — подпоручик Бутырского полка под Бендерами.
21. *Дмитрий Тырков* — подпоручик, заседатель Кирилловского земского суда (1780).
22. *Пётр Тырков* — артиллерийский подпоручик (1804).
23. *Антон Тырков* — новгородский дворянин.
24. *Иван Антонович*, 1771 г. р. — майор (1806). Помещик Орловской губ. Жена — Варвара Ивановна Шапарова, дочь полковника.
25. *Иван Иванович*, 1812 г. р.
26. *Павел Михайлович* — кавалер ордена Св. Владимира (1827).
27. *Михаил Алексеевич*, 1813 г. р. — флота капитан-лейтенант. Новгородский помещик.

В конце XIX века основные ветви Тырковых жили в старинном имении Вергежа на реке Волхове и в более молодом — Бабине (ст. Бабино, Николаевская ж. д.).

Часть II

ТЫРКОВЫ ИЗ ВЕРГЕЖИ

Алексей Дмитриевич Тырков (1793–1853)

Тырков Дмитрий Алексеевич, по родословной за № 18, был капитаном. Алексей Дмитриевич Тырков (по родословной № 21), унаследовавший от него Вергежу, — был коллежским ассессором и предводителем дворянства Новгородского уезда. Он был участником депутации местного дворянства, отправленной к Николаю I в июне 1831 года после усмирения бунта военных поселений. По словам сына Алексея Дмитриевича, отец его заведовал делами графа Аракчеева и, по смерти последнего, печатывал его бумаги, не только как предводитель дворянства губернии, но и как ближайший к Аракчееву человек.

У Алексея был брат Александр (1799–1843) — лицеист первого выпуска и сестра Варвара, которая была замужем за князем В. А. Ширинским-Шихматовым.

Моя мать Вера Дмитриевна вспоминала о своём деде Алексее Дмитриевиче Тыркове, который умер в 1853 году, так что лично она его никогда не видела, но слышала о нём. Считался он аракчеевцем, крепостником и «крутым» помещиком. Но уже в годы маминой молодости среди старых бумаг было найдено письмо, адресованное Алексею Дмитриевичу, содержащее просьбу продать несколько человек из крепостных. На письме оказалась собственноручная надпись Алексея Дмитриевича: «Людьми не торгую». Очевидно, либеральные идеи не были чужды даже «крутым» помещикам ещё до освобождения крестьян.

В своей книге «На путях к свободе» Ариадна Владимировна Тыркова пишет, что старик Яков Иванович Ивлев, крестьянин одной из деревень по берегам Волхова, отец которого, Иван

Иванович, был современником аракчеевских поселений, говорил: «При Аракчееве не худо было, жили справно. А что драли — велика беда? С народом без строгости никак невозможно!» Вот так! Нет худа без добра! Эти меры вполне можно было бы рекомендовать применять к современным тунеядцам.

От моей матери, урождённой Тырковой, мне пришлось слышать некоторые семейные предания, но, возможно, она и сама не очень много знала, так как была в семье почти младшая, а отец её умер, когда ей исполнилось 10 лет.

Дмитрий Алексеевич Тырков (мой дед), помещик села Бабино Новгородской губернии, был старшим из братьев, но по каким-то причинам, соображениям своей матери, Татьяны Яковлевны, он не был оставлен хозяином в родовом имении Вергежа на реке Волхове. Ему было выделено новое место, и он сам строил свою усадьбу.

У Дмитрия Алексеевича Тыркова были братья: Сергей, Василий, Михаил, Владимир.

Сергей Алексеевич после выхода в отставку поселился в своём имении Бронница, близ Апраксина Бора. Он был женат на простой крестьянке; у него родились две дочери и сын. Прасковья Сергеевна была замужем за Есиновским, Мария Сергеевна — за Митрофановым. Есиновских было три брата. Со старшим — Серёжей — мы дружили. После войны он не вернулся в Россию, остался в Англии. Его жена с сыном и дочерью приехали без него. Алексей Сергеевич рано овдовел, имел одну дочь — Наташу.

Были у мамы двоюродные братья Васильевичи. Они были туберкулёзные и не оставили потомства.

Владимир Алексеевич Тырков (1835–1912)

Владимир Алексеевич (дед моего мужа) остался в родовом имении Вергежа.

В книге воспоминаний «То, чего больше не будет», выпущенной московским издательством «Слово» в 1998 году, его дочь Ариадна Тыркова-Вильямс так рассказывает со слов отца о разделе имущества после смерти Алексея Дмитриевича:

«...в семье пошли имущественные споры, в которых бабушка Татьяна Яковлевна, несмотря на свои хорошие манеры и налёт европеизма, большой мудрости и сдержанности не проявила. Дедушка заранее, на случай своей смерти, купил для неё в Новгороде дом, деревянный, с мезонином, хороший, просторный, благоустроенный. И деньги ей оставил. Три старшие дочери были выделены раньше, когда они выходили замуж. Для двух младших, незамужних, было отложено 50 000 рублей, проценты с которых обеспечивали им приличное существование, тем более что жили они с матерью. К сыновьям переходили земли и деревни с крепостными. Но дедушка в завещании не распределил недвижимое имущество, а главное, не указал, кому из сыновей должно перейти родовое гнездо, Вергежа. В России не было прав старшинства, и все пять братьев имели равные права, равные доли. Землемеры и стряпчие распределили тысячи дедовских десятин, с лесами, угольями и живыми душами, на пять равных долей. Наследники никак не могли сговориться, кому какую часть брать. Решили тянуть жребий. Моему отцу было шестнадцать лет. Он ещё был в училище и целиком признавал авторитет старших братьев, предоставив им разбираться в дележе. Тянули жребий по старшинству. Владимир как младший — последний. Стали разворачивать билетки, и вдруг — Вергежа. Судьба...». (*Здесь и далее более мелкий шрифт — дополнения ред.*)

Владимир Алексеевич Тырков — правовед. Он принимал участие в реформах Александра II, был судебным следователем и мировым судьёй в Петербурге. До 1881 года жил с семьёй в доме № 35 по Николаевской улице (ныне улица Марата). Занимался общественной деятельностью, учредил в Новгородском уезде Чудовское сельскохозяйственное общество. Умер он в Петербурге 30 апреля 1912 года на 78-м году жизни. Он был женат на Софии Карловне, урождённой Гайли (1837–1931), дочери генерала аракчеевских военных поселений, шведского происхождения. Её мать звали Эмма Осиповна, урождённая Гребская. У Владимира Алексеевича и Софии Карловны было семь человек детей — Виктор, Аркадий, Алексей, Сергей, Мария, Ариадна, София.

Усадьба Вергежа представляла собой образец архитектуры XVIII века. Фотография дома имеется в Академии художеств в Ленинграде.

*Владимир Алексеевич Тырков
и София Карловна Гайли
накануне свадьбы 3 апреля 1855 года*

*Владимир Алексеевич
и София Карловна Тырковы
в день серебряной свадьбы
3 апреля 1880 года*

Это было родовое поместье Тырковых, расположенное в шестидесяти верстах от Новгорода на реке Волхов. Большой дом, фасадом с колоннами выходивший на высокий и крутой берег реки, производил весьма благоприятное впечатление. Рядом находился небольшой парк с великолепной липовой аллеей. К парку примыкал большой фруктовый сад, заканчивавшийся защитным рядом громадных елей. Фасад здания, выходивший во двор, не представлял собой ничего интересного. Перед ним находился большой круглый цветник, весь обсаженный шиповником и розами. Цветами до конца своей жизни занималась сама хозяйка София Карловна. Она была настоящим садоводом. Ещё она ухаживала и за пчёлами, так как имелось несколько ульев. Большие хозяйственные постройки — скотные дворы, конюшни, людская, погреб — и ещё небольшой жилой дом, называвшийся флигелем, замыкали усадьбу, отгораживая двор от полей, которые тянулись сзади и очень далеко, лес виднелся только километра за два. Вергежа находилась в 12 верстах от

железнодорожной станции Волхов. Зимой на станцию ездили на санях прямо по льду реки, а летом дорог по суше не было. Всё транспортное сообщение осуществлялось на лодках и плотах. По Волхову ходили в день несколько пассажирских пароходов. Против Вергежи они давали гудки, и навстречу выезжала лодка, которая и принимала сходящих с парохода пассажиров. С берега к дому надо было подниматься по очень высокой лестнице.

Напротив Вергежи, на том берегу Волхова, стояло село Высокое. Там была церковь, которую построили, главным образом, благодаря хлопотам Владимира Алексеевича и частично на его средства. В церковь обычно ездили на лодках. Владимир Алексеевич был религиозен. В Вергеже около дома, в саду, имелась часовенка, где он сам, иногда собрав внуков, читал им Евангелие и молитвы. В этой часовне несколько икон были написаны самой Софией Карловной, которая была способной художницей и много работала в области прикладного искусства.

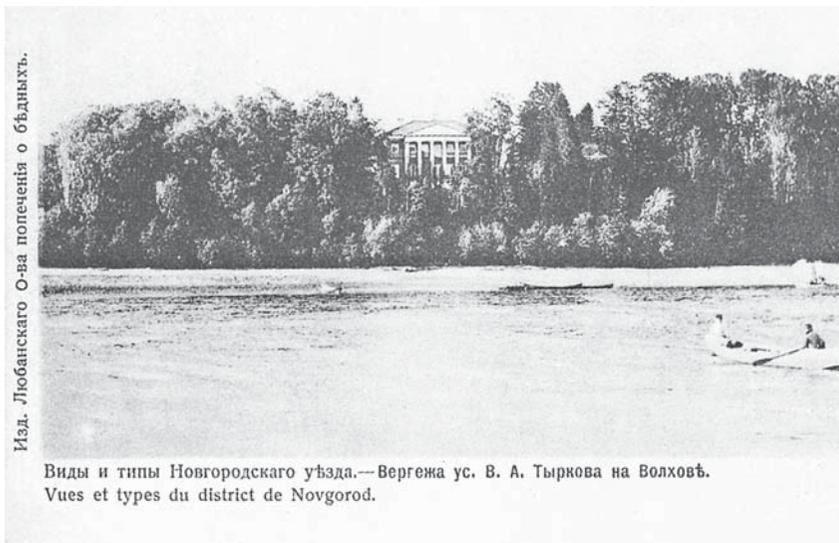
*Эмма Осиповна Гайли
с внуками
Виктором и Аркадием*

Портик на фасаде дома

*Берег Волхова
и лестница к дому*

Изд. Любанского О-ва попечения о бѣдныхъ.

Виды и типы Новгородскаго уѣзда.—Вергежа ус. В. А. Тыркова на Волховѣ.
Vues et types du district de Novgorod.

Открытка с видом на дом с берега Волхова

Липовая аллея

*Деревня
на месте дома.
Американская
правнучка
Ариадны
Владимировны
Тырковой с мужем.
2009 год*

Хотя фасад дома отличался прекрасной архитектурой, внутри отсутствовало какое-либо убранство. В столовой и гостиной, выходящих окнами на Волхов, стояла только самая необходимая мебель. Немного предметов красного дерева имелось в спальне Софии Карловны и в комнатах Аркадия Владимировича, т. е. в тех помещениях, которые были заняты постоянно. Остальные комнаты, где располагалось большое количество наезжавших членов семьи, были просто пустыми. В них стояли самые простые железные кровати с тюфяками и несколько стульев, в некоторых ещё имелись или столы, или комод. Никаких картин или предметов старинного убранства я там не увидела. Считалось, что дому этому 400 лет. Действительно, в некоторых местах полы оказались выбиты и сучки выпячивались настолько, что о них можно было споткнуться.

Толмачев А. Л., Цуканов П. Д. Век Любани (СПб.: Лига Плюс, 2001):

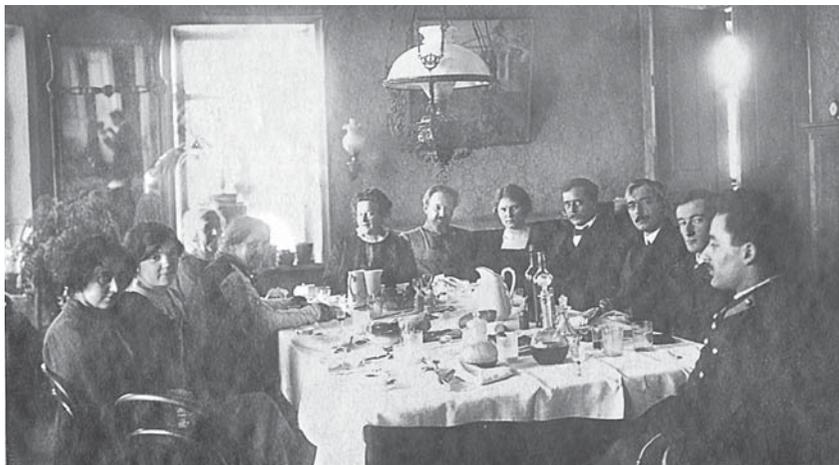
«...вверх по течению Волхова <...> пароход проплывает мимо знаменитого по стихам Г. Р. Державина имения Званки, которое после смерти поэта пожертвовано его вдовой для основания

женского монастыря. Дальше на левом берегу мелькает очень старый, темный дом, чуть не допетровских времен, окруженный столетними липами. Это Вергежа старика В. А. Тыркова, под старость лет значительно полежавшего под влиянием своих детей, участвовавших в революционном движении. Известны дочь его, видный деятель кадетской партии, и сын, народовец, опубликовавший воспоминания. После революции, несмотря на заступничество центральных властей, имение было разорено».

Конечно, фасад дома подвергался ремонтам и перестройке. Говорили, что прабабушка Татьяна Яковлевна, когда окончательно рассорилась с сыновьями при разделе, вывезла все вещи в Новгород, не осилив только одну люстру в гостиной. Отсутствие пышного убранства в доме не мешало постоянному присутствию множества гостей. В связи с большой общественной деятельностью Ариадны Владимировны Тырковой и её

Вергежа. 1897 год. На крыльце сидят: Владимир Алексеевич, Сергей Владимирович, мальчики Антоновские; стоят слева: Евгений Евгеньевич Колесников, Ариадна Владимировна; справа: Мария Владимировна Антоновская и ее муж

Обед в Вергеже, на котором присутствует Герберт Уэллс (четвертый справа). 1914 год

литературными знакомствами здесь бывали деятели кадетской партии, например профессор Струве, английский писатель Уэллс, писатель А. М. Ремизов. Однажды мы встретились в этом доме с новозеландским писателем, который совершенствовался в русском языке. Звали его Артур Кириллович, а фамилия его нас не интересовала. Ещё часто гостила приятельница Марии Владимировны, шведская писательница Саксен. Кроме того, дом всегда был наполнен шумом, который производила молодёжь. В саду и парке кипела жизнь, было весело! Часто с песнями катались на лодках.

Старшие дети — Виктор (1857–1933) и Мария (1863–1935)

Старший сын Владимира Алексеевича — Виктор — окончил правоведение и был юристом. В Петербурге, на Невском, он имел свою нотариальную контору. Большие неприятности в связи с проигрышем в карты и растратой чужих денег заставили

*Виктор Владимирович
Тырков*

*Мария Владимировна Тыркова.
1884 год*

его отойти от юридической деятельности. В преклонном возрасте он проживал в Вергеже без определённых занятий. После 1917 года был избран народным судьёй в Селищах на Волхове.

Старшая из дочерей, Мария Владимировна, была замужем за Юлием Михайловичем Антоновским. Был он юристом — мировым судьёй, известным в литературных кругах как переводчик произведений Ницше. Конец жизни Марии Владимировны оказался достаточно трагичным. В 1935 году проводилась кампания по очистке Ленинграда от «чуждых» элементов. Мария Владимировна жила вместе со своим сыном Николаем. Он был рядовым рабочим на винном заводе «Арагат», где простой работницей трудилась и его жена. Николаю Юльевичу как урождённому дворянину и бывшему офицеру было предписано выехать из Ленинграда в пятидневный срок вместе с женой и матерью. Мария Владимировна в этот момент лежала больная с воспалением лёгких. Они просили отсрочки для выезда, но таковой не получили.

Семья Антоновских.
Около 1912 года

Марию Владимировну вынесли с высокой температурой на носилках, так и погрузили в вагон. Назначение было на станцию Челкар в Казахстане. Не доезжая до места, ещё в поезде, она умерла. Николай Юльевич в родной город так и не вернулся. Впоследствии он жил под Рыбинском (Большое Село, Дуниловское торфопредприятие. — *Это примечание Антоновской Аси Сергеевны — его племянницы*). Там и умер в 1955 году.

По материалам, имеющимся у правнука Антоновских Андрея Марковича Антоновского

Юлий Михайлович Антоновский (1857–1913) окончил Императорское училище правоведения, служил чиновником Министерства путей сообщения. С 1898 года до конца жизни был мировым судьёй в разных районах Санкт-Петербурга. Был кандидатом от партии кадетов на первых выборах в Думу в 1906 году, состоял в масонской ложе «Полярная звезда» Великого востока Франции.

Со всем этим он был лучшим в России того времени переводчиком немецких философов. Антоновский перевёл «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше, «Ценность жизни», «Великие люди в литературе» и др. Е. Дюринга, «Сущность христианства» Л. Фейербаха.

У супругов Антоновских было двое детей: Николай и Сергей.

Николай (1889–1955) в 1907 году окончил Императорскую Николаевскую Царскосельскую гимназию. Поступил в артиллерийское училище, был участником Первой мировой войны.

В 1930-е годы он жил в Ленинграде на 8-й Советской, д. 57, кв. 30. В 1935-м Николай был арестован. Обвинение — социально опасный элемент. Антоновский с женой Егоровой Марией Александровной и его мать Мария Владимировна были сосланы в Казахстан. В дороге Мария Владимировна умерла 5.04.1935 г., тело её было снято с поезда и захоронено в г. Бузулук Оренбургской области 6.04.1935 г. После ссылки, которая продолжалась 17 лет, Николай Юльевич с женой жили в центральной России. Он умер в 1955 году, а Мария Александровна — в 1968-м.

Реабилитирован Николай Юльевич Антоновский 31 августа 1989 года.

Его младший брат Сергей Юльевич Антоновский (10.06.1892–10.03.1982) в 1910 году закончил Царскосельское реальное училище Николая II и поступил в Московский сельскохозяйственный институт. С 1916 по 1926 год Сергей провёл на Сахалине. Он был направлен закупать продовольствие для армии, вёл закупки в Японии и в Китае. Там и познакомился со второй женой — Скрипкиной Таисией Сергеевной.

Таисия Сергеевна происходила из купеческой семьи, родом из г. Козельска Московской губернии. Купцы занимались торговлей хлебом. Таисия Сергеевна окончила Бестужевские курсы и добровольно уехала на Дальний Восток учителем литературы и русского языка.

Сергей Юльевич работал агрономом в разных местах России. Был признанным специалистом по выращиванию картофеля и организации тепличных хозяйств. С 1936 года жил в Москве. В 1942–1943 годах служил в блокадном Ленинграде. Пережив Гражданскую и Великую Отечественную войну, был мастером на все руки.

Семья имела (и имеет) дачный участок под Москвой недалеко от Переделкина, где Сергей Юльевич с успехом применял свои знания и умения.

Сергей Юльевич был дважды женат. От первого брака дочь Вера (1912–1972), её супруг — Жуков Пётр Павлович. Дети

от второго брака с Таисией Сергеевной Скрипкиной — сын Марк (1928–2000), дочь Ася (1934–2012).

Сергей Юльевич Антоновский скончался 10.03.1982 г., не дожив трёх месяцев до 90 лет. Похоронен на Переделкинском кладбище.

Народоволец Аркадий Тырков (1859–1924)

Второй сын, Аркадий, известен как народоволец. Свои воспоминания он печатал в журнале «Былое» за 1906–1907 года. О народовольце Тыркове Аркадии Владимировиче имеются очерки в «Новгородской правде» от апреля 1963 года, от мая 1965-го и биографическая статья от апреля 1965 года «Последние из могикан», выдержки из которой приводятся ниже:

«Тырков Аркадий Владимирович родился 12 февраля 1859 года в семье крупного помещика-дворянина Новгородской губернии, в его родовом имении Вергежа. Это имение в своё время представляло собой образцовое хозяйство, а большой жилой дом на берегу Волхова был настоящим художественным произведением, снимки которого и сейчас хранятся в Академии художеств. Близкое соприкосновение его семьи с населением окружающих сёл и деревень обусловило раннее знакомство Аркадия Владимировича с бытом народа, сделало его революционером-народником. Закончив гимназию, Аркадий Владимирович поступил в Петербургский университет и дошёл до четвёртого курса юридического факультета. Кружковая студенческая жизнь и знакомство с политическими процессами направили его мировоззрение в сторону освободительного движения. В конце 1879 года Аркадий Владимирович познакомился с представителями «Народной воли». На первых порах он выполнял различные мелкие поручения. Скоро его личные качества были оценены, и уже к осени 1880 года он получил предложение принять на себя одну из ответственных ролей. При подготовке к покушению на царя Тыркову было поручено принять участие в работе наблюдательного отряда наряду с Перовской, Елизаветой Оловянниковой, Тычининым

и Сидоренко. Их обязанность состояла в том, чтобы под руководством Перовской изучить выезды царя из Зимнего дворца и определить наиболее верный момент для окончательного удара. Тщательно продуманное и подготовленное покушение на царя увенчалось успехом. 1 марта 1881 года Александр II был убит. Царская охранка начала массовые аресты революционеров. С Перовской Аркадий Тырков сотрудничал вплоть до её ареста. Вместе с ней подыскивали возможности попытки освободить Желябова. 10 марта 1881 года арестовали Перовскую, с 13 на 14 марта был схвачен Тырков, одновременно с Оловянниковой и Тычининым. С Оловянниковой Аркадия Владимировича связывали узы первой любви. Последний раз он с ней встретился в окружном суде на комиссии врачей-психиатров. Девушка не вынесла тюремных условий и сошла с ума, но и в этой обстановке она узнала его. Арест Аркадия Тыркова был произведён по доносу изменника Рысакова. «В последнем показании Рысакова имеется новое указание на человека по имени Аркадий, занимавшегося агитацией среди рабочих, к выяснению его личности приняты меры», — доносил прокурор Петербургской судебной палаты Плеве). (Как после революции выяснилось, многих революционеров предал совсем не Рысаков, а провокатор Петровский-Окладский. Чтобы оставить скрытной эту фигуру, его показания приписывали Рысакову.) Существует семейное предание, что Аркадий Владимирович стоял с бомбой на запасных путях проезда царя. Но в судебном следствии удалось скрыть, что назван был Аркадий-студент, и в университете оказался только единственный Аркадий. После ареста Перовской Аркадий Владимирович несколько дней возглавлял всю оставшуюся группу народовольцев.

Аркадий Тырков — студент

«16-го сего марта при исследовании деятельности студенческого кружка были допрошены студенты Санкт-Петербургского университета Любомирский и Тырков... Студент Тырков отвергнул показания, сделанные на него Рысаковым. Отказался от знакомства с Перовской».

Сам Аркадий Владимирович в своей статье «К событиям 1-го марта 1881 года» об этом пишет, что, когда в Петропавловской крепости на допросе Плеве устроил ему очную ставку с Перовской, не думая о себе, а только желая спасти её, на вопрос Плеве: «Знакомы ли вы?» — он ответил: «Нет, не знаком».

«Аркадий Тырков был предан суду в 1882 году по делу 22 террористов. Но, так же как и Оловяникова, суда он не дождался. Заболел тяжёлой нервной болезнью. Поэтому третий процесс народовольцев состоялся только над 20 лицами. Не попав на процесс, Тырков после долгих мытарств по тюрьмам был помещён в Казанскую психиатрическую лечебницу, а в 1884 году сослан административным порядком в Восточную Сибирь «навсегда». Только в 1896 году срок его пребывания был ограничен 20 годами. Все эти годы Аркадий Владимирович прожил в отдалённом Минусинском округе Енисейской губернии. Здесь, в ссылке, и встречался с ним Владимир Ильич Ленин. Феликс Яковлевич Кон, находившийся там же в ссылке, вспоминает такой эпизод: каждый год к политическим ссыльным приезжал по поручению царя жандармский чиновник. Целью его было опросить ссыльных, не раскаялся ли кто из них в своих убеждениях. И если таковые находились, предлагал им написать прошение царю о помиловании. Амнистия давалась быстро. В тот раз желающих подать прошение не нашлось. И тогда царский прислужник, выведенный из себя, обратился к Тыркову:

— Господин Тырков, отказ других я ещё как-то могу понять. У них определён срок. Отбыв его, им можно будет вернуться домой. Но ведь вы-то сосланы бессрочно! На что же вы надеетесь?

— Я надеюсь на конституцию, которая всё же будет принята в России, — последовал ответ революционера».

В 1904 году Аркадий Владимирович после двадцатилетнего пребывания в ссылке получил право вернуться в европейскую

Россию и поселился в Вергеже. Он занялся сельским хозяйством. Кроме того, он уделял много внимания организации потребительских обществ, создавая кредитные товарищества, и тем самым снискал к себе благодарное отношение жителей окрестных сёл.

В этот период он встречался с видными революционерами и писателями. В 1905 году к нему в Вергежу приезжал Феликс Кон. Насколько высоко Владимир Ильич Ленин ценил заслуги Тыркова как старого подпольщика-революционера, видно из того, что он нашёл время проявить о нём заботу и 22 июня 1920 года дал такое письмо в Наркомзем и Наркомпрод:

«Предлагаю обеспечить гражданина Тыркова, одного из последних могижан геройской группы народовольцев, участника мартовского процесса об убийстве Александра II, — ныне гражданин Тырков в весьма преклонных годах — двумя-тремя десятинами земли из бывшего его имения и 2 коровами для семьи. Распоряжения провести срочно Народному комиссару земледелия т. Серёде и Народному комиссару продовольствия т. Цурюпе (или его заместителю) по соглашению по телефону с местным губисполкомом.

Председатель СНК В. Ульянов (Ленин).

Прошу наркомов подписаться: согласны или нет? Напомните мне, чтобы было сообщение об исполнении от Наркомзема».

(Ленинский сборник, т. XXXV, с. 134; также: В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, с. 636, от 22.06.1920 г.)

После 1921 года Аркадий Владимирович получил пенсию как «ветеран революции». Ему с женой предоставили право жить

Аркадий Владимирович Тырков. 1922 год

в большом доме в своих двух комнатах. Однако его 88-летней матери было предложено выселиться как нетрудовому элементу и бывшей помещице. София Карловна сперва переехала к младшей дочери в трёх километрах от Вергежи на хутор Бор (собственно, это была только дача), а осенью 1923 года уехала в Англию к старшей дочери. Аркадий Владимирович был женат на сибирячке Елене Павловне, урождённой Шапиро. Как будто она была дочерью фотографа в Минусинске. Дама она была достаточно интеллигентная, очень начитанная. Всё большое хозяйство по дому она вела умелой рукой. Аркадий Владимирович умер в феврале 1924 года от пневмонии и похоронен на кладбище при церкви в селе Высоком на реке Волхове. После его смерти Елена Павловна не осталась в деревне, а переехала в Ленинград.

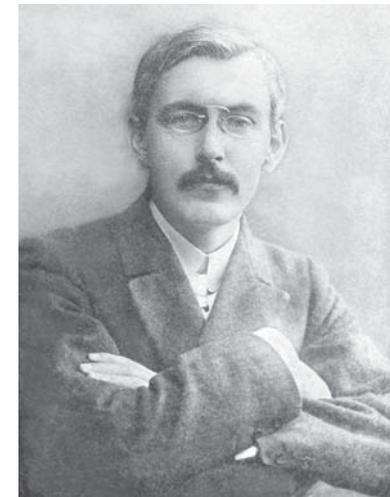
Как видно из статьи в «Новгородской правде», Аркадий Тырков не был судим одновременно с остальной группой народовольцев, так как был переведён в Казанскую психиатрическую больницу. Это стоило его отцу 75 тысяч рублей, которые удалось вручить кому-то, чтобы устроить этот перевод. Для того чтобы сразу реализовать такую значительную сумму, Владимиру Алексеевичу пришлось заложить имение и все земли, ему принадлежащие, т. е. около трёх тысяч десятин. О выплате по этим закладным всей семье пришлось заботиться почти до самой революции. Материально это заметно отразилось на всём быте большой семьи. Жили очень скромно. Дочери выходили замуж бесприданницами. Зато большой вергежский дом и парк всегда были наполнены молодёжью, весельем и романами.

Писательница и журналистка Ариадна Тыркова-Вильямс (1869–1962)

Тыркова Ариадна Владимировна считалась в семье красавицей, умницей с самыми передовыми стремлениями. Её ближайшей подругой в гимназические годы была Надежда Константиновна Крупская. Ариадна Владимировна вращалась среди самых

Ариадна Владимировна Тыркова.
1898 год

Гарольд Васильевич Вильямс

передовых женщин того времени. Она принимала участие в революционной деятельности кружков и при одном провалившемся мероприятии была арестована, сидела в тюрьме, а когда была выпущена на поруки, в связи со здоровьем, то бежала за границу, где прожила два года. В Швейцарии встречалась с Владимиром Ильичом Лениным и Надеждой Константиновной Крупской. Вернулась в Россию после 1905 года. Все эти интересы плохо сочетались с обязанностями замужней женщины. Замуж она вышла за Альфреда Николаевича Бормана, корабельного инженера, главным образом потому, что он слишком настойчиво ухаживал. Имея двух детей, они всё же разошлись. Она стала профессиональной писательницей-журналисткой. Сперва она писала под псевдонимом «Вергежский», а позже под своей фамилией Тыркова-Борман (по первому мужу), Тыркова-Вильямс (по второму браку). В Ленинградской публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина имеются её романы, статьи и книга о Пушкине. Из зарубежной литературы — «На путях к свободе» (Нью-Йорк, 1952). Это воспоминания о периоде конца XIX века

и до 1907 года. Свои записки о детстве и юности она печатала в парижском журнале «Возрождение». Ариадна Владимировна была одним из активных деятелей партии кадетов. В 1918 году как жена английского подданного (уроженца Новой Зеландии) она переехала в Лондон. Её муж, Гарольд Васильевич Вильямс, был журналистом и лингвистом. Считалось, что он знаком с 22 языками, а Ариадна Владимировна в своих воспоминаниях упоминает, что позже он знал около 50 языков. В Лондоне Вильямс стал работать редактором иностранного отдела «Таймс». Ариадна Владимировна умерла в Нью-Йорке в 1962 году. До последних лет жизни (92 года) она продолжала заниматься литературным трудом.

Алексей (1865–1890) и Сергей (1867–1914)

Младшие сыновья Владимира Алексеевича Сергей и Алексей умерли сравнительно молодыми.

Алексей был женат на Надежде Анатольевне Томашевской. У них была одна дочь — Надежда. Она стала артисткой, а после 1917 года уехала за границу. Надежда Анатольевна после смерти мужа вторично вышла замуж, за Владимира Васильевича Меншуткина. Их три сына — Володя, Вася и Митя — росли в обществе тырковской молодёжи, считались как бы родственниками. На самом же деле никакого родства между нами не было.

Сергей был любимцем всей семьи и окружающих. Красивый блондин, среднего роста, очень живой, доброжелательный, любезный с дамами, за что и пользовался у них большим успехом. Был музыкален и приятно пел. Имел и отрицательные черты: не раз проигрывался в карты, чем создавал большие затруднения своим родителям, тем не менее его обожали. В качестве примера его безрассудной удали приводился случай, когда он с парохода прямо во всей одежде прыгнул в Волхов и вплавь добрался до берега, где его встречали аплодисментами и слезами одновременно. Имя его — Сергей Владимирович — стало нарицательным для определения легкомыслия и привлекательности. Сергей был

Алексей
Владимирович
Тырков

Сергей Владимирович
Тырков.
1885 год

Евгения Сергеевна
Кельина
(урожд. Тыркова)

женат на Евгении Александровне Фрикен. Жили они, в связи со слабым здоровьем дочери, в Евпатории и только летом приезжали в Вергежу. Сергей Владимирович имел среднее образование, служил в каком-то управлении в Крыму. Умер в 47 лет. У него было четверо детей: дочь Евгения и три сына, Саша, Володя и Алёша.

Евгения Сергеевна была замужем за Кельиным. Она пережила блокаду Ленинграда, а в 1944 году умерла от осложнения после гриппа. Её дочь Алла замужем за Суслениковым, имеет двух сыновей. Старшие два сына Сергея Владимировича — Саша и Володя — погибли в войнах 1914–1920 годов. Алексей Сергеевич (1897–1973) — ветеринарный врач. У него одна дочь — Елена. Таким образом, по вергежской линии продолжателей тырковского рода не осталось.

Сонечка Тыркова (1874–1955)

Самая младшая дочь Владимира Алексеевича — Сонечка — окончила гимназию Стоюниной и продолжала своё образование на математическом факультете Бестужевских курсов. Не столь яркая, как старшая сестра Дина, она была шатенкой. Хороший

Софья Владимировна
Тыркова

цвет лица, большие лучистые глаза, правильные черты лица делали её не менее очаровательной. Она покорила какой-то особой мягкостью, незлобностью и доброжелательностью. Всегда деятельная, неунывающая, с большим сознанием своего долга. В молодости Сонечка считалась хохотушкой, но и в старости любила посмеяться. После второго курса она вышла замуж за Евгения Евгеньевича Колесникова, который был на 14 лет старше её, но был собой молодец, статный, красивый, обходительный с дамами, так что не-

удивительно, что он сумел покориť её. Софию Владимировну не занимали наряды и моды, она всегда была скромно, но очень аккуратно одета. Много заботы она посвящала воспитанию своих четырёх детей. Она была хорошей хозяйкой и умела сама стирать. Читала художественную литературу и интересовалась мировой политикой. Она прекрасно ездила верхом, стреляла из мелкокалиберного ружья, сопровождая мужа на охоте. Она умела со всеми быть в хороших отношениях, никогда ни с кем не ссорилась, всем стараясь помочь. Все окружающие её очень любили и уважали. С мужем и четырьмя детьми она проживала в Петербурге до зимы 1917 года, когда всей семьёй переехали жить на свой хутор на Волхове. Здесь она управляла всем хозяйством. Понемногу дети все разъехались. Когда в 1929 году умер Евгений Евгеньевич, при ней оставался только младший сын Пётр. Не прошло и полгода после смерти Евгения Евгеньевича, как началось их выселение. Софья Владимировна была признана лишенкой как «дочь помещика» (сама была уже бабушкой), но никаким репрессиям не подвергалась, так как успела уехать к дочери в город. Пётр недолго был в заключении в Новгороде: он обвинялся в «разбазаривании своего имущества по деревням» (был продан один собственный буфет). Вызволил Петра из тюрьмы один сыщик, приятель его будущего тестя.

Вся усадьба была конфискована — со всеми домашними вещами и хозяйственным оборудованием, лошадью и коровой. Но это тоже имело свои последствия: при паспортизации в 1932 году Петру отказали в выдаче паспорта как подвергавшемуся раскулачиванию. Тогда София Владимировна ездила в Москву к Надежде Константиновне Крупской, с которой она была знакома ещё с детства. По ходатайству Надежды Константиновны преследование прекратилось. София Владимировна и второй раз обращалась к Надежде Константиновне, когда её старший сын Евгений с семьёй подвергся высылке в Сибирь, так как брат его жены находился в заключении. Во второй раз Софию Владимировну не допустили лично повидаться с Крупской. Только с особого разрешения они переговорили по телефону. Надежда Константиновна и в этот раз помогла.

София Владимировна умерла в возрасте 81 года от сердечной слабости.

Часть III

ТЫРКОВЫ ИЗ БАБИНА

Судьбы семи братьев Тырковых
и их сестры Верочки

Дмитрий Алексеевич Тырков (1821–1885)

Дмитрий Алексеевич Тырков получил образование в кадетском корпусе. Сперва был морским офицером. Дослужившись до чина капитан-лейтенанта, вышел в отставку и стал жить помещиком. Получив для имения село Бабино, что на речке Равани, он сперва перенёс все крестьянские избы с прежнего их места по реке на новые места вдоль шоссе, а на месте деревни расположил свою усадьбу. Это было ещё до освобождения крестьян.

Примерно в это же время он женился на своей троюродной сестре Марии Петровне Назимовой. Мать Марии Петровны звали Любовь Фёдоровна, урождённая Гавриленко. О ней мне известно только, что она хорошо рисовала. Сохранились вышивки её авторства. Назимовы были псковскими помещиками — большая семья, богатая и именитая. Были среди них адмиралы, генералы и другие государственные деятели. Путятины также находились в родстве с Назимовыми. Адмирал Евфимий Васильевич Путятин, пожалованный графством за успешную дипломатическую деятельность на Дальнем Востоке, был дядей Марии Петровны и её крёстным отцом.

Мария Петровна с детства страдала припадками безумия, но была очень хороша собой, богата и образованна. Врачи говорили, что с замужеством припадки пройдут. Дмитрий Алексеевич был значительно старше её и не так богат. Он женился на ней, обожал её всю жизнь. У них было 12 человек детей, из которых восемь достигли взрослого возраста: Пётр, Сергей, Михаил, Константин, Владимир, Николай, Вера, Леонид.

*Дмитрий Алексеевич и Мария Петровна Тырковы
с сыновьями Петром и Сергеем. 1870 год*

Мария Петровна никаким хозяйством не занималась, только одевала красивые платья и читала французские романы. Много французских журналов и романов моя мать, Вера Дмитриевна, перевезла из большого дома в Бабине в наш дом в деревне Вороний Остров, хутор Лядинка. Там они и погибли после нашего выселения. Там же находились и хозяйственные книги, которые велись в бабинском хозяйстве под руководством отца старшими детьми, пока все они не уехали учиться в кадетский корпус. Впоследствии почти все стали морскими офицерами.

Дед умер, как тогда называлось, от разрыва сердца в 1885 году. Вследствие болезни бабушки старшие сыновья, Пётр и Сергей, приняли опеку над всем имуществом и над малолетними младшими детьми. Бабушка Мария Петровна умерла примерно в 1905 году, в возрасте около 62 лет. Я помню, как её хоронили из бабинского большого дома. Гроб стоял в зале.

Бабино. Сентябрь 1920.

*Дом в усадьбе Бабино.
Рис. Н. К. Ратьковой
(племянницы по жене
Владимира Дмитриевича
Тыркова). 1920 год*

Крыльцо дома в Бабине

Она была тёмной брюнеткой, почти без седины. Крестьянки очень плакали, хотя они с ней никогда не соприкасались. Когда бабушка ещё жила дома при муже, она после рождения каждого ребёнка впадала в буйное сумасшествие и месяца два жила изолированно в пустых комнатах. Ту прислугу, которая с ней грубо обращалась, она, находясь уже в нормальном состоянии, от себя отстраняла. О разбитых вещах никогда не спрашивала. Но под конец жизни просветления у неё почти не наступали.

По словам моей матери, дед был очень вспыльчив, и в такие минуты раздражения ей полагалось подать ему стакан холодной воды на подносе. Он не был религиозен и никогда не ходил в церковь.

Дмитрий Алексеевич и Мария Петровна, а также их дети, умершие до революции, похоронены возле церкви в селе Бабино.

Пётр (1863–1898) и Сергей (1864–1928)

Пётр Дмитриевич был старшим из братьев. Он обладал исключительным обаянием и красотой. У него были очень тонкие черты лица, и в связи с тем, что у него рано появилась седина, его прозвали «маркиз», также его звали «наш старик». Он был окружён всеобщим обожанием и одновременно пользовался большим авторитетом. Был он военный моряк в чине лейтенанта. По возвращении из кругосветного рейса ему предстояло арктическое плавание. Он стал готовиться к условиям северной экспедиции. Приучал себя обтиранием снегом и ледяной водой.

Однажды утром, весной 1898 года, после такой процедуры ему стало плохо, он потерял сознание и к вечеру умер. Это случилось в имении Бабино. Врач был привезён из Любани (15 км), но в то время медицина ещё не умела справляться с такими сердечными явлениями. Петру Дмитриевичу было всего 35 лет. Считалось, что он умер от разрыва сердца. Пётр Дмитриевич со вторым братом Сергеем были после смерти отца, когда моей маме было всего 10 лет, назначены опекунами её и младших братьев. Известие о смерти брата Петра мама получила на юге. Оно потрясло её настолько, что оставило след в её характере на всю жизнь. Всякая телеграмма повергала её в панику.

Женат Пётр Дмитриевич не был, но его невестой называлась княжна София Николаевна Багратион-Мухранская. Багратионы приходились Тырковым дальними родственниками, так как одна из бабушек — Феодосия Тыркова — была выдана замуж

за Трубникова, а последняя Трубникова вышла за Багратиона. Имение их находилось в Трубниковом Бору, в 3 км от Бабина. В период революции и при немцах старинные дома были сожжены. Сгорел и прекрасный парк с прудами и аллеями, разбитый по плану Версальского.

Второй брат, Сергей, был совсем другой. Блондин — единственный из братьев. Несколько замкнутый, уравновешенный, с мягким характером, не так ярок и обаятелен, как старший брат. Карьерой военного моряка он не был особенно увлечён и после смерти отца сразу ушёл в отставку. Он принял на себя управление всем хозяйством в Бабине. Нужно считать, что имение включало в себя приблизительно 1500–1700 десятин земли и хозяйство примерно в 100 голов скота. Усадьба состояла из двух домов и всех хозяйственных построек: скотных дворов, амбаров, сараев, гумна с ригой, была и специальная людская, даже с крыльцом. Эта часть усадьбы с меньшим домиком, флигелем, после раздела досталась Сергею Дмитриевичу. А при большом доме, в котором остались братья Владимир и Николай, были построены все новые хозяйственные здания.

Сама усадьба стояла на петле, образованной рекой Раванью. Берега речки использовались лесопромышленниками для выгрузки дров, сплавляемых в весеннее половодье из дальних лесов за 30–40 вёрст от железной дороги. Здесь же станция была рядом. Летом долготье распиливали, укладывали кострами и грузили на поезда. К следующему сезону берега были свободны. За пользование берегами хозяевам земли платили соответствующие деньги. Все эти дела требовали хозяйского наблюдения. Сергей Дмитриевич вскоре женился, по сватовству, на учительнице из семьи своих родственников и соседей Рокачевых. Наталия Арефьевна была дочерью чиновника почтового ведомства в Новгороде. Отец её давно умер. Воспитала её мать Настасья Егоровна. В Новгороде у них был дом с флигельком во дворе. Наталия Арефьевна была подходящей женой Сергею Дмитриевичу. Она имела гимназическое образование, хорошо играла на рояле. Она подготовила маму к поступлению в гимназию.

*Петр Дмитриевич и Сергей
Дмитриевич Тырковы. 1889 год*

*Петр Дмитриевич
Тырков. 1891 год*

У Сергея Дмитриевича была только одна дочь — Нина. Она была замужем за Николаем Михайловичем Ратьковым. Их сын Андрюша умер от скоротечного гриппа в возрасте 18 лет. Сергей Дмитриевич впоследствии служил в Новгородском земстве и губернском управлении. Революция выбросила его за борт. После выселения из усадьбы семья жила в Ленинграде. Наталия Арефьевна зарабатывала игрой на рояле, сопровождая кинокартинами. Последние два года Сергей Дмитриевич лежал разбитый параличом. Скончался он в 1928 году. Наталия Арефьевна умерла в блокаду, когда Нина, уже вдова, была насильно эвакуирована, и старушка мать оставалась одна.

Нина Сергеевна жива и сейчас. Она работала библиографом по иностранной технической литературе до 78 лет и вышла на пенсию только в связи с тем, что сломала ногу и больше года не могла ходить.

Михаил (1865–1930) и Константин (1866–1914)

Третий брат Михаил окончил Морской корпус, но в связи с тем, что на выпускных экзаменах лезть на мачты и реи отказался, был выпущен в артиллерию и отправлен на Кавказ. Он был женат на Ольге Фёдоровне и имел двоих детей — девочку Любочку и мальчика. Оба они умерли в раннем возрасте. Ольга Фёдоровна ушла от мужа. Михаил Дмитриевич на Кавказе увлёкся религиозными идеями. Впоследствии вышел в отставку с пенсией в 25 рублей и сделался странником-богомольцем. Своего дома не имел, вёл бродячий образ жизни. Пенсию свою отдавал разным людям, кто умел её у него выпросить. Моё первое знакомство с этим дядей случилось в Бабине, где был большой дом из 13 комнат и небольшой парк кругом. Были там две чудесные берёзовые аллеи, а между ними проходила дорога, ведшая к самому дому. Вот в этих аллеях мы, дети, и гуляли с гувернанткой-немкой, особой совсем девического возраста. Вдруг появился перед нами мужчина в соломенной шляпе, белой рубахе почти до колен, в кальсонах вместо брюк. Наша учительница тут же упала в обморок, и он ретировался с наших глаз. В дальнейшем кто-то из родных снабдил его брюками, а те, что у него раньше были, он, оказывается, отдал какому-то совсем нищему, рассчитывая, что в большом доме кто-нибудь из родных его выручит, как оно и вышло. Другой раз я его видела в подрыснике, так как он собирался постричься в монастырь. В монастыре надо было внести приличный вклад или выполнять простую грубую работу. Вклада у него не было, и работать он не хотел — возможно, и потому, что, присмотревшись к монастырским порядкам, он обнаружил в них слишком много мирского. В монахи он не постригся. Ходил он по разным церквам, в основном там, где были престольные праздники, где скапливалось много богомольцев. Характер у Михаила Дмитриевича был весёлый, даже несколько балаганный. Он любил смешить людей. Помню, он однажды для потехи моей бабушки Терезы Густавовны и нас, детей, в тарелку с простоквашей положил селёдку и редиски и всё это съел. Другой раз, раздевшись совсем

голым, как для купания, ловил вместе с моим братишкой Петей щучек в ручье, а воды там было по щиколотку. Мама была возмущена нарушением приличий и издали на него кричала, сколько могла. Мы со вторым моим братом бежали по бережку и веселились, пока и нас не прогнали в дом. Как-то Михаил Дмитриевич выпросил у мамы дамскую драповую телогрейку с вышивкой сутажом, и в этой пелерине он одно время и ходил из деревни в деревню, пока какая-то красotka у него её не выпросила. Он был небольшого роста, с красивыми чертами лица. В особенности выделялись большие чёрные глаза при совсем белой, седой бороде. Но это уж я его помню таким незадолго до его смерти. Перед войной 1914 года Михаил Дмитриевич вздумал поехать в Иерусалим поклониться святым местам. Деньги на это ему дали добрые люди. Отец мой отказался финансировать данное мероприятие, считая это «совершенно никчёмною блажью». «А если ты уж так стремишься к Христовой благодати, то иди пешком. Если бы у меня и были лишние деньги, я бы их отдал на образование бедным детям». Вот были его слова, которые я слышала. Но другие, более богомольные родственники снабдили Михаила Дмитриевича деньгами, и он отправился не пешком. Вернулся он уже во время войны. Окончательно связался с религиозной средой. Иногда заходил к нам. Выпрашивал какое-нибудь вспомоществование, одежду или деньги. Однажды я его видела на Васильевском острове у церкви. Он стоял и просил милостыню. Тогда он мне сказал, что это его крест. Я знаю, что деньги он часто отдавал нуждающимся, а сам опять шёл просить. В нашей семье его образ жизни не вызывал уважения. Мои родители считали, что он просто лодырь и не хочет себя утруждать полезным трудом. Но существует и иная точка зрения: «не единым хлебом сыт будет человек». Незадолго до смерти дяди Миши мы хоронили нашего родственника Константина Петровича Боклевского — профессора и декана кораблестроительного факультета Политехнического института, крупного специалиста в области кораблестроения. Только от учреждений доставили 12 венков. Это был человек, действительно принесший большую пользу стране. Весь институт участвовал

в похоронах, студенты на руках несли гроб до самого кладбища. Чувствовалось, что покинул нас человек очень нужный, уважаемый. Невольно напрашивалось сравнение. На похоронах Михаила Дмитриевича скопление народа было не меньшее. Венков от учреждений, конечно, не было, зато каждый, кто пришёл проводить его в последний путь, пришёл со своей личной скорбью. Много наблюдалось проявлений искреннего горя. Очевидно, он был нужен значительному числу людей. Многие, в особенности люди, испытавшие горе, потерявшие близких, находили утешение в беседах с ним. Он не был ни изувером, ни сектантом, не являлся и большим знатоком Священного Писания, тем не менее он пользовался большим авторитетом среди верующих, считался святым старцем. Умер Михаил Дмитриевич около 1930 года, похоронен на Волковском кладбище у ограды Литераторских мостков. До войны на его могиле всегда горела лампадка, были свежие цветы. Блокада развеяла его почитателей, и теперь на могиле даже нет таблички с именем; я не знаю, где она.

Четвёртый брат Константин также окончил Морской корпус. Морскую службу нёс в Архангельске. Там он закалялся. Всю зиму ходил в одной морской накидке и в конце концов совсем испортил себе сердце, так что пришлось выйти в отставку. После этого он служил в Гидрографическом управлении под начальством будущего академика А. Н. Крылова. Примерно в 1905 году Константин женился на урождённой Юденич Александре Петровне. Она была из кронштадтской морской семьи, в её родне были такие имена, как Мурашова, Тамара. Константин Дмитриевич среди братьев выделялся как молчальник. Был он человек повышенной моральной чуткости и необыкновенной принципиальности. Он избегал каких-либо конфликтов и ссор. Но иногда вся его замкнутость прорывалась, и он шумел и возился с нами, детьми, как никто другой. Из писем моего отца к матери я могу понять, что отец считал, будто Константин своих детей (которых тогда ещё не было) такими выкриками и свистками доведёт до психоза или идиотизма. Я помню дядю Костю, когда он приходил к нам. Он садился в такое креслице, с которого его протянутые ноги заставляли проходящих в дверь

спотыкаться. Тут он дремал. Я его спрашивала, почему он не сядет на диванчик, который стоял в стороне. Дядя мотивировал выбор места тем, что он на вахте и не должен крепко засыпать. Это была такая его манера. Также он садился в поезде на боковые места и протягивал ноги через проход. При поездках на праздники или каникулы мы часто сталкивались большими компаниями в поездах, так как они не так часто ходили, как современные электрички.

При разделе бабинских угодий Константин Дмитриевич выбрал себе участок недалеко от станции Бабино, но по другую сторону линии железной дороги, чем основное поместье. Свою усадьбу он назвал «Маячок». У Константина Дмитриевича было четверо детей: старшая дочь Мария, сын Дмитрий и близнецы Пётр и Татьяна, родившиеся весной 1914 года. В том же году летом была сильная засуха, и возникло много лесных пожаров. В одно из воскресений Константин Дмитриевич взял топор и пошёл обследовать, где именно горит лес, — дым от пожара виднелся невдалеке. Определив, что это горит лес, принадлежавший крестьянам деревни Лука, он пошёл в эту деревню, поднял там народ, заставил их запрячь телеги и забрать лопаты, топоры и всё то, что нужно для тушения. С жителями деревни он вернулся к месту пожара. Расставил всех по местам, сделал все нужные распоряжения и пошёл обратно. Не дойдя до дома, уже у самой дороги в усадьбу, он упал лицом в траву. Так его и нашли. Топор отлетел далеко вперёд. Очевидно, он быстро шёл и сразу на ходу умер. Константину

Константин Дмитриевич Тырков с женой Александрой Петровной (урожд. Юденич). 1903 год

Дмитриевичу было в это время 48 лет. После его смерти на семью продолжали сыпаться всевозможные беды. Сперва война, которая началась в то же лето. Потом революция, из-за которой они лишились отцовской пенсии. И дальше — выселение помещиков из их домов, которое было произведено за два года до начала раскулачивания. После выселения семья перебралась в Ленинград. Александра Петровна зарабатывала как портниха, работая на швейной фабрике. Из четырёх детей высшее образование получила только старшая дочь Мария, благодаря своей настойчивости, несмотря на многие неприятности, которые ей пришлось преодолеть (в связи с дворянским происхождением). Младший сын Петя, всеобщий наш любимец, в 1941 году погиб в первые же месяцы войны, в боях на Белорусском фронте.

Владимир (1869–1916) и Николай (1871–1931)

Следующий из братьев, Владимир, был наиболее дружен с моей матерью. Они и лицами были очень похожи. Красивы были все Тырковы: брюнеты с ярким цветом лица, с выразительными чёрными глазами. Характером Владимир Дмитриевич обладал волевым и крутым, он мог сгоряча и «набить морду». Я сама однажды видела, как он сапогом лупил валявшегося совершенно пьяного пастуха, в то время как лошади травили крестьянский овёс. Ему была присуща особая педантичность. Нарушение режима становилось событием. Существовала такая семейная поговорка: «Это было тогда, когда Володя ходил на мельницу и остался без завтрака!» Очевидно, размеренная морская служба наложила на него столь сильный отпечаток, что остаться без завтрака являлось эпизодом эпохального значения. Владимир Дмитриевич был высококвалифицированным специалистом. Кроме того, зная иностранные языки, в особенности французский, считался светски воспитанным морским офицером, благодаря чему его назначали на встречи с иностранными гостями и он получил несколько иностранных орденов. Владимир Дмитриевич очень жалел, что у него нет сына, и называл моего

брата Жорика своим «зоном». Он даже брал его однажды на свой миноносец, где брат провёл в плавании несколько дней. Потом в плавание ещё брали племянника Митю. Владимир Дмитриевич любил мальчиков, а меня он звал не иначе как Яшей — это была моя кличка в играх. Из всех братьев у него складывалась наиболее удачная карьера, но внезапная скоропостижная смерть оборвала его жизнь в возрасте 48 лет. Он скончался в Гельсингфорсе «от разрыва сердца». К этому времени он был командиром линкора «Император Павел I», имел чин контр-адмирала, считался одним из самых боевых командиров Балтийского флота. Женат был Владимир Дмитриевич на Вере Михайловне, урождённой Акинфиевой. Её отец был действительным тайным советником военно-морской медицинской службы, начальником Кронштадтского военно-морского госпиталя, так что Вера Михайловна происходила тоже из морской семьи. Её сестра Наталья была замужем за капитаном 1-го ранга Ратьковым Константином Михайловичем, который служил в Либавском флотском экипаже и после участия в военных действиях, в 1916 году, был произведён в генерал-майоры. В начале войны 1914 года эта семья с четырьмя детьми эвакуировалась из Либавы, обстреливаемой немцами, и поселилась в бабинском доме. Таким образом, возникла тесная дружба между тырковской молодёжью и ратьковской. Впоследствии Дмитрий Николаевич Тырков женился на Марине Ратьковой, а Михаил Ратьков стал вторым мужем Зои Николаевны, урождённой Тырковой.

*Владимир Дмитриевич
и Николай Дмитриевич
Тырковы. 1904 год*

После смерти Владимира Дмитриевича его вдова и дочь Верочка проживали в своём доме в Бабине, вместе с семьёй Ратьковых. В 1920 году Верочка вышла замуж за соседа по имени Арвида Алексеевича (Альбертовича) Компаньена. Он был голландским подданным. Но уже его отец, также и он, родились и воспитывались в Петербурге. Когда в 1926 году стали выселять бывших помещиков, Веры Михайловны уже не было в живых. Арвида Алексеевича родственники звали в Голландию. После нескольких лет хлопот в 1933 году Компаньены с двумя детьми — Людмилой и Володей — уехали в Голландию. У Арвида Алексеевича не было никакой специальности, к тому же они совсем не знали голландского языка. Сперва их поддерживали родственники-коммерсанты, потом они приспособились, но жили очень скромно. Всё же детям они сумели дать высшее образование. Володя Компаньен приезжал в 1968 году на съезд энтомологов. Материально они живут не хуже нашего.

Сведения, которые удалось получить в Военно-морском музее, к сожалению, ограничены. История действий военно-морского флота в империалистическую войну осталась не написанной. А посему и участие в ней Тырковых нашло отражение лишь в полученных ими наградах, и то только до 1916 года.

**Список личного состава судов флота боевых
и административных учреждений Морского ведомства
(Изд. Статистического отд. Главного Морского штаба,
1914–1916):**

С. 99

ТЫРКОВ 2-й — Владимир Дмитриевич (1868–1916)

С. 101

Владимир Дмитриевич — капитан 1-го ранга Балтийского флотского экипажа. Начальник 5-го дивизиона миноносцев Балтийского моря. Минёр I степ. с 1896 г. Рождение 22.12.68 г.

Православный. Женат. 1 дочь. В службе с 1886 г. Мичман (1889).

В чине лейтенанта: командиром миноносца «Разящий» (1904); миноносца «Скорый» (1904–06); миноносца «Искусный» (1906–08); старший офицер транспорта «Ангара» (1908); командиром эскадренного миноносца «Финн» (1908–11).

О Р Д Е Н А :

Анна 3-й степени с мечами и бантом (18.06.04); Владимир 4-й степени с мечами и бантом (12.12.05); Станислав 2-й степени (1908);
Анна 2-й степени (12.1911);
Серебряная медаль — 1896 г.;
Серебряная медаль с бантом участнику Русско-японской войны 1904–05 гг. (1908);
Золотая сабля «За храбрость» (22.12.1908);
Золотой значок за окончание курса Морского корпуса;
Светло-бронзовая медаль «100 лет Отечественной войны 1812 г.» (1912);
Светло-бронзовая медаль к 300-летию царствования дома Романовых (1913);
Нагрудный знак защитников крепости Порт-Артур (1914).
Иностранные:
Французский Почётного легиона офицерский крест (1909);
Шведский — Меча командор 2-го кл. (1909).

С. 177

ТЫРКОВ 3-й — Николай Дмитриевич (1871–1931)
1880–1922 гг. — находился на службе Балтийского флота.
С 1915 г. командир миноносца «Гром». Минёр I степени.
С 1915 г. капитан I ранга.

О Р Д Е Н А :

Станислав 3-й степени (1898);
Анна 4-й степени «За храбрость» (1904);
Анна 3-й степени с мечами и бантом (1904);
Анна 2-й степени (1914) и к ней мечи (1915);

Владимир 4-й степени с мечами и бантом (1916).
 Серебряная медаль — 1896 г.;
 Серебряная медаль за Русско-японскую войну 1904–05 гг. (1906); Нагрудный знак защитникам крепости Порт-Артур (1914);
 Серебряная медаль к 300-летию Дома Романовых (1913);
 Серебряная медаль памяти 200-летия Гангутской победы (1915).

Участие братьев Тырковых в Русско-японской войне отражено в труде «**Русско-японская война 1904–1905 гг.**»:

Книга 2, с. 380, алфавит. (Участие В. Тыркова и Н. Тыркова в Русско-японской войне 1904–1905 гг.)

Тырков Вл. Дм. (лейт.) с.: 56, 60–63, 306;

Тырков Ник. Дм. (лейт.) с.: 56, 60–63, 66, 141, 151, 228, 230, 302, 306.

Книга 3, с. 185

Тырков (лейт.) с.: 158, 159 (Вей-ха-вей).

Книга 4, с. 361

Тырков-2 Вл. (лейт.) с.: 9, 28, 38, 39, 333 (отход в Чифу, 4)

Книга 2: «Действия флота на южном театре от перерыва сообщения с Порт-Артуром до морского боя 28 июня (10 августа) в Желтом море. Работа исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском Генеральном Штабе, 1913 г.

С. 60

Экспедиция лейтенантов Тырковых

Обстоятельства этого предприятия были следующие:

Еще ранее был составлен план заграждения Кинджоуской бухты с китайских джонок (докладная записка лейтенанта Тыркова Н. Д. от 3 мая 1904 г. Архив войны (шк. 3, д. 133, с. 207). Исполнение этого поручения было возложено на лейтенантов В. Тыркова-2 и Н. Тыркова-3 (рапорт командира миноносца «Разящий» от 12 мая 1904 г. Архив войны (шк. 3, д. 133, с. 264).

Владимир Дмитриевич Тырков — командир миноносца «Разящий», Николай Дмитриевич Тырков — командир миноносца «Бурный». Адмирал Витгефт решил ограничить защиты левого фланга минным заграждением в бухте Кинджоу, каковое и было поставлено 8 (21) мая экспедицией лейтенантов Тырковых. Малое число мин и неблагоприятные условия постановки их способствовали тому, что эти мины не принесли ожидаемой пользы.

С. 61

Экспедиция лейтенантов Тырковых (докл. записка Н. Тыркова-3 от 3 мая 1904 г., рапорт командира миноносца «Разящий» В. Тыркова-2 от 12 мая 1904 г.).

...Ранее был составлен план заграждения Кинджоуской бухты с китайских джонок. Исполнение этого поручения было возложено на лейтенантов Тырковых (В. Тырков и Н. Тырков).

5 мая, набрав 19 охотников из нижних чинов разных судов и погрузив мины и материалы в вагоны, лейтенанты Тырковы отправились в 11 час. 30 мин. в Инчендзы. В 1 час дня погрузили мины и материалы на 22 китайские подводки. Лейтенанты Тырковы отправились верхом к морю искать подходящую бухту для погрузки мин на джонки, бухта была найдена в 10 верстах от станции. Ввиду могущего быть обстрела со стороны неприятеля работы велись ускоренно, без перерывов. В 9 часов вечера прибыло 40 человек сухопутной команды. В 11 час. 30 мин. команда первый раз приостановила работу, так как весь день не ела, и, подкрепившись, тут же расположились на ночлег. 6 мая с 5 час. 30 мин. работы возобновились. Мины спустили ближе к берегу и начали их проверку. Нашли подходящую джонку, и когда вели ее в бухту, то наши же открыли по ней стрельбу, но никто не пострадал. Джонка оказалась вполне подходящей, но грот-мачта ее была разрушена, вследствие чего пришлось ее заменить новой, использовав телеграфный столб. В 10 час. работы закончились. 7 мая работы продолжались. С помощью подъемной лебедки приступили к погрузке мин на джонку. К часу дня погрузка была закончена, и проведена пробная постановка мин без колпаков. Велись переговоры со штабом генерала Фока, чтобы

предупредить повторение обстрела со стороны сухопутных войск. 8 мая в 3 час. 30 мин. утра приступили к работам. Ветер и течение были неблагоприятными, и джонку стало отжимать от берега. Видя беспомощное положение джонки, так как ее старались окружать неприятельские суда, лейтенанты Тырковы стали на якорь и начали верповаться. До 5 час. 30 мин. вечера удалось сделать 12 завозов по 140 сажень. Все время работал на шампуньке с завозкой якоря матрос с команды крейсера «Забияка» Егор Умников, человек поразительной энергии, и работу производил с веселым лицом и прибаутками. Видя, что команда утомилась и дольше верповаться нет сил, и сознавая опасность ночевать в море вблизи неприятеля, лейтенанты Тырковы решили начать своз команды по частям. В 5 час. 30 мин. первые 6 охотников были посажены на шампуньку, и тот же матрос Умников стал юлить к берегу. К 7 час., возвращаясь, он сообщил, что ни неприятеля, ни наших на берегу не видно. После возврата Умникова уничтожили все признаки минного заграждения. В 7 часов на двух шампуньках съехали на берег и пошли пешком к горам с целью выйти на лощину к железной дороге. Хотя Наньгуаньлин был близко, но его обошли ущельями, так как не были уверены, в чьих он руках. Шли с песнями, чтобы наши заставы могли издали узнать своих. В 10 час. 30 мин. встретили цепь сухопутных стрелков и вышли на железную дорогу между Наньгуаньлин и Инчендзы, где и получили приют и гостеприимство от наших солдат и офицеров. 9 мая в 2 час. партия села на поезд и в 5 часов была в Артуре, исполнив данное поручение, несмотря на неблагоприятные обстоятельства. Всего было поставлено в Кинджоуской бухте 15 мин.

Рассказ односельчанина села Бабино Дмитрия Григорьевича Ивановского. Однажды в престольный праздник — день Флора и Лавра, 31 августа — в деревне Вороний Остров, что в 5 км от Бабина, у жительницы этой деревни Марии Григорьевны мы встретились с её братом Дмитрием Григорьевичем, одним из старейших колхозников села Бабино. Дмитрий Григорьевич был участником японской войны, но не был ни матросом, ни солдатом, а служил в каких-то военных ремонтных мастерских.

Он рассказал, как он встретился с «Колей Тырковым». Увидав на одном из кораблей знакомую фигуру, он сказал соседу: «Сейчас пойду целоваться с тем офицером!» — и действительно, взойдя на мостик, доложил: «Я Митька из Бабина, сын Григория Ивановича». Николай Дмитриевич, несмотря на свой офицерский чин, расцеловал его и с вестовым отправил в каюту, велел покормить, дать чарку водки и рубль денег. А затем велел прийти вечером, когда он будет на вахте. Так Дмитрий Григорьевич ещё несколько раз бывал у лейтенанта Тыркова в гостях. «Ведь это Володя (Владимир Дмитриевич Тырков) вывез знамёна из Порт-Артура. Мы гордились нашим Тырковым, — говорит Дмитрий Григорьевич, — они были молодцы, герои и хвататы!» Слышать такой отзыв от простого народа, притом после революции, было для меня очень лестно. Впрочем, по официальным данным, Владимир Дмитриевич только конвоировал на своём миноносце «Разящий» миноносец «Статный» с командиром лейтенантом бароном Косинским, который вывозил знамёна. Но существовала такая версия, что приказы были отданы лейтенанту Косинскому, а знамёна скрытно находились у лейтенанта Тыркова. Вот и глас народа с этим совпадал. За вывоз знамён из Порт-Артура В. Д. Тырков 2-й был награждён золотым оружием.

Наиболее беспокойная судьба у шестого брата, Николая Дмитриевича Тыркова. С молодых лет он обладал неукротимым характером. Прозвище его было Тырков-Орала. Был он ярким патриотом. Его любимыми словами были: «правда-матка» и «матушка-Россия». Он был аполитичен, в смысл революционных идей не вдавался, но в какой-то степени сочувствовал революционерам. Был он в высшей степени принципиален, честен и бескорыстен. Меньше всего он радел о собственной карьере. Согласно с существовавшими законами, он азартно боролся со злоупотреблениями, казнокрадством и несправедливостями. Это был вообще самый колоритный человек, которого мне пришлось встретить в своей жизни, хотя я его помню уже в пожилом возрасте. Он обладал каким-то необычайным очарованием — благодаря своей эксцентричности, приветливости,

жизнерадостности; от него исходили особые флюиды доброжелательства. Это был, безусловно, талантливый и одарённый человек. Он сочинял стихи — к случаю; был музыкален: играл на гитаре и очень приятно пел баритоном песни и романсы. Его родные дети и мы, его племянники, звали его просто Колей, а подчинённые ему матросы между собой звали его «наш Коля». Матросы его любили и уважали, а непосредственные командиры опасались его прямоты и при приёмах высокого начальства, боясь, что он может своими экспансивными выходками (хотя всё по законной форме) испортить торжественность принятого ритуала и тем самым как-либо повредить их карьере, обычно отправляли Николая Дмитриевича в срочную командировку или в краткосрочный отпуск. В начале его службы ему было предложено совершенствоваться в судовой артиллерии, а он настаивал на том, чтобы специализироваться по минному делу. Мины были тогда новинкой в военном флоте. Свой конфликт с начальством он довёл до того, что его посадили на гауптвахту, где он и отсидел 19 дней, пока ему не разрешили то, на чём он настаивал. Этот инцидент происходил почти сразу после его женитьбы, и молодая жена носила ему передачу. Наверное, ему нравилась эта необычная ситуация; он любил ошарашить и удивить своим поведением. Николай Дмитриевич, так же как и его братья, был морским офицером Балтийского флота. Минёр I степени. Герой Порт-Артура. Начальство его ценило за деловые качества: образованность, распорядительность, высокую квалификацию и боевую храбрость. Но неукротимый его характер привёл к тому, что вскоре после окончания японской войны пришлось выйти в отставку. Он стал служить в инспекции по судоходству на Волге и Каме. В этот период он стал увлекаться оккультными теориями, стал вегетарианцем. Но при этом соблазнял себя грешными ситуациями и не всегда от греха отказывался. В первый же день войны 1914 года Николай Дмитриевич телеграммой морскому министру просил принять его добровольцем в действующий флот. Он был принят и назначен командиром миноносца, а к моменту революции являлся командиром крейсера «Адмирал Макаров», в чине капитана

1-го ранга. Николай Дмитриевич революцию принял восторженно. Поздравлял команду и целовался с матросами, чем заслужил косые взгляды остального офицерства. Но потом было признано, что он этим предотвратил большие неприятности, которые имели место на других кораблях и грозили кровавой расправой с командирским составом. При Временном правительстве его назначили комендантом Кронштадта.

Деятельность Временного правительства разочаровала Николая Дмитриевича. Но он считал, что это правительство законное и он обязан ему подчиняться. Находясь в Кронштадте, Николай Дмитриевич пытался восстановить возможную для того момента дисциплину. Он говорил: «В шторм или в бою не митингуют, а подчиняются». При этом он избегал арестов или иных репрессий, больше наводил страху шумом, криком и блиц-решениями.

Легенды о неукротимом Николае Дмитриевиче Тыркове

Во время японской войны при гибели «Петропавловска» на судне находился великий князь Кирилл Владимирович — молодой человек лет восемнадцати. Когда судно затонуло, великий князь очутился в воде. На спасение гибнувших людей были направлены спасательные шлюпки. На одном из ботиков находился командир миноносца «Бурный» лейтенант Тырков 3-й — Николай Дмитриевич. Великого князя он выхватил из воды за шиворот. При этом он не преминул воспользоваться случаем безнаказанно обозвать его «паршивцем» и «растяпой». Впоследствии на это не последовало никаких реакций. За спасение же члена царской фамилии, наверное, его должны были бы награждать, но за такое слишком вольное матросское обращение весь инцидент был обойдён молчанием. Ни в каких документах описания этого случая не может быть. Об этом говорили находившиеся с Николаем Дмитриевичем в ботике люди, и воспоминания сохранились лишь в кругу семьи. Можно лишь уточнить по отчётам военно-морского флота в японскую войну, что лейтенант Тырков 3-й принимал участие в спасении пострадавшей команды с погибшего броненосца «Петропавловск».

В бытность Бирилёва морским министром он однажды посетил судно, командиром которого был Николай Дмитриевич Тырков (примерно 1906 год). Судно только пришвартовалось, пришло из какого-то рейса, причём было захвачено штормом. Команда занималась уборкой. Бирилёв грубо отозвался о порядке на судне. Он сказал, что лучше застрелиться, чем командовать таким образом. Николай Дмитриевич считал, что должен был бы его вызвать на дуэль за оскорбление, но так как это несвоевременно, подал рапорт с жалобой на грубость и необоснованность высказывания Бирилёва. Ему не советовали этого делать, и все боялись, что последуют какие-либо репрессии. Но как только стало известно, что на Бирилёва подан рапорт, поступило ещё несколько жалоб на грубое его обращение. Бирилёв был снят с должности, Николай же Дмитриевич вскоре вышел в отставку.

Возможно, его характер трудно доставался начальству, но его деловые качества — честность, храбрость, распорядительность, высокая грамотность по специальности и боевой порыв — создавали ему репутацию боевого командира. Как будто он был представлен к чину контр-адмирала, но революция помешала осуществлению производства, а документальных этому доказательств у нас не имеется.

Во время своего пребывания в военном флоте Николай Дмитриевич использовал своё знакомство с речной флотилией Волги, где он до войны работал инспектором судоходства. Он настоял на том, что нефтеналивные суда компании «Нобель» должны быть реквизированы для нужд войны и использованы как тральщики. Компания, конечно, этому сопротивлялась, и её поддерживал морской министр (кажется, Григорович). Николай Дмитриевич съездил в Ставку к царю Николаю II как к Верховному главнокомандующему, с докладом, подробно обосновывающим, почему эти суда очень подходят для использования их в качестве тральщиков.

Интрига компании вместе с морским министром потерпела поражение. Суда были реквизированы и использованы в военных целях как тральщики.

Из книги «Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. Дневники. Письма» (М.: РОССПЭН, 2012. С. 161):

«Николай Дмитриевич Тырков рассказал мне, как он эту осень (1915 г.) вёл два миноносца по Неве в Кронштадт. Уже шёл ранний ледоход. Надо было спешить. Он за сутки предупредил инженеров Охтинского моста, что в такой-то час придёт, и просит развести мост. Он шёл на миноносце, которым командует. Только что спущенное быстроходное судно. Таких мало, и они нам очень нужны. Он вёл второй миноносец того же типа. Подошли. Мост не разведён. Послал механика узнать, в чём дело. Говорят, машина неисправна, развести нельзя. А лёд напирает. Ещё немного, и прижмёт. Опять посылает механика посмотреть машину. Тот не знает её устройства, ничего не может сказать. Мост не разводят. Тогда Коля посылает старшего офицера с командой. «Приказываю немедленно развести мост. Если не выполните приказания, вас арестуют, приведут на миноносце, тут же разберут, в чём дело, и если вы виноваты, командир вас через ½ часа повесит». Ей-богу, Диночка, повесил бы. Может быть, был бы не прав, а всё-таки повесил бы.

Они, верно, это тоже поняли. Через пять минут мост был разведён, и миноносцы прошли. Если бы не такой правдивый человек рассказал, можно было бы не поверить».

Известен случай (описанный в книге «Кронштадт» Г. Ф. Петрова, с. 223), когда капитан 1-го ранга Тырков, комендант Кронштадта, получил приказ арестовать Владимира Ильича Ленина, якобы находившегося на линкоре «Заря Свободы». Не вдаваясь в подробности, «кто это — какой-то Ленин», Николай Дмитриевич решил поступить так, чтобы не ослушаться начальства, но никого и не арестовывать. Он собрал всю команду корабля в одно место и дал распоряжение найти и выдать «этого Ленина». Он решил так: если в команде есть предатели и они выдадут того, кто прячется, значит, он им не нужен и это сделают сами матросы, или же ему помогут поглубже спрятаться. Во всяком случае, он ответственность переложил на матросов. Пишется, что Тырков ушёл посрамлённым. На самом деле так и было задумано. Не знаю, был ли там на самом деле спрятан Ленин. Деятельность коменданта

Тыркова в Кронштадте не была одобрена Временным правительством. Боялись повторных взрывов и кровопролитий. В то время матросы диктовали обстановку. Николая Дмитриевича отозвали, и он вышел в отставку.

Октябрьский переворот Николай Дмитриевич уже переживал в своём имении Грядка в трёх километрах от станции Бабино. Это была его усадьба, построенная им уже после раздела с братьями. После Октября работников уже не держали. Все работы в усадьбе выполнялись членами семьи. Николай Дмитриевич в основном занимался пастьбой скота. Местные поселяне и власти относились к бывшим помещикам совершенно равнодушно, но Новгород присылал иногда инструкторов, которые наводили «порядок». Так как Николай Дмитриевич был известен как боевой офицер и ещё в доме у него было два зятя, бывшие моряки, то приезжие руководители не отважились идти к нему в усадьбу сами по себе. Они привлекли эскорт человек из тридцати деревенской молодёжи. Посещение началось с утра пораньше с того, что обстреляли дом и через окно прострелили одному зятю грудь. Потом ознакомились с обстановкой, с отсутствием наёмного труда и т. д. — в общем, ушли ни с чем. После этого Николай Дмитриевич, видя, что здесь ему не место, как только представилась возможность, вернулся на работу инспектором речного судоходства. Уже не помню, в каком году его посадили в тюрьму и продержали там шесть месяцев, не предъявив никакого обвинения. После этого он стал писать прокурору и в разные другие инстанции, даже в стихах. И неожиданно получил совершенно секретное назначение по испытанию подводных лодок в Чёрном море. Возмущённый встреченными беспорядками и различными неувязками, которые тормозили его работу и которые вообще можно было приравнять к вредительству, он стал конфликтовать с местным ГПУ. По своей горячности дошёл до того, что в одного из чекистов он запустил табуреткой. Прямого суда над ним не последовало, но его отозвали в Ленинград и уволили. Сам он возбудил какой-то судебный процесс, который кончился ничем. Но на службу его

больше не принимали. Он стал работать вахтенным матросом в порту, на каких-то баржах. В это же время в устье Невы потерпел крушение пассажирский пароход «Буревестник», и в газетах писали: почему это такой специалист, как капитан 1-го ранга Тырков Н. Д., занимается не требующей квалификации работой, командование же пассажирским транспортом доверяют не заслуживающим доверия неучам, что влечёт за собой аварии с человеческими жертвами. Эта статья никаких последствий не вызвала, и Николай Дмитриевич продолжал работать матросом на барже, пока не заболел. Болел он довольно долго и умер незадолго до Нового года в 1931 году.

Николай Дмитриевич был женат дважды. Вера Ивановна Подьяпольская из семьи военных Кронштадта была его первой женой. Свадьба их отличалась тем от общего обычая, что они, позвав гостей в имение Бабино, за два дня до этого уже обвенчались в Кронштадте. Дядя Николая, Владимир Алексеевич Тырков (помещик из Вергежи), принял это как оскорбление, нанесённое гостям, очень сердился и уехал с обидой. После свадьбы молодые жили в Кронштадте.

Впоследствии оба брата — Тырков 2-й и Тырков 3-й — считались во флоте самыми опытными офицерами по вопросам электротехники. Когда возникла надобность в электрификации Зимнего дворца, Управление дворцами обратилось в Морское ведомство с просьбой выделить знающих электротехнику морских офицеров для ответственного наблюдения и инструктажа работ во Дворце. Морское ведомство рекомендовало братьев Тырковых, но их кандидатуры категорически отвергли, в связи с тем, что их двоюродный брат Аркадий Владимирович Тырков был народовольцем, принимал участие в убийстве царя Александра II и находился в то время в пожизненной ссылке в Минусинске.

У Николая Дмитриевича и Веры Ивановны было трое детей: Зоя, Гали и Дмитрий. Сперва они жили в Кронштадте. После того как он вышел в отставку и начал службу на Волге, семья жила с ним вместе. Когда же после раздела бабинского имения

они организовали своё отдельное хозяйство в четырёх верстах от села Бабино на речке Грядке и назвали имение Грядка, то семья осталась жить безвыездно в своей усадьбе, а Николай Дмитриевич служил и жил на Каме и Волге. Такая жизнь привела к отчуждению супругов, но после революции Николай Дмитриевич первые годы жил с семьёй. Затем, уехав в Петроград, он поселился на квартире у свояченицы, Софии Ивановны Малечкиной. Она была вдова, и вскоре они поженились. Последние лет десять своей жизни он прожил с нею в хорошем согласии.

Старшая дочь Николая Дмитриевича Зоя была замужем два раза. От первого брака осталась дочь Ариадна Сергеевна Шамова. От второго брака — Анна Михайловна Ратькова, отец которой в 1938 году был загублен в концлагере при постройке Байкало-Амурской магистрали. Аняте было всего несколько месяцев, а отцу — 36 лет.

Вторая дочь — Гали — была замужем за двоюродным братом и братом мужа сестры Зои, за Александром Шамовым. Её дочь Галина, хотя и вышла замуж за Карташова, но оставила свою фамилию, которую передала и дочке Марине, и внучке Ольге.

Леонид (1879–1898) и Верочка (1875–1949)

Младший и седьмой мамин брат Леонид не окончил корпуса. Был он не очень способный и тугодум. Даже внешне в нём отсутствовало то очарование, которое было присуще старшим братьям. Из корпуса он был выпущен вольноопределяющимся и служил в армии.

Девятнадцать лет он умер от воспаления слепой кишки. Это было примерно в то же время, когда умер Пётр Дмитриевич. Таким образом, мама в одном году лишилась двух братьев, что чрезвычайно отразилось на её характере. Она стала пессимистичной и постоянно ожидала какой-нибудь неожиданной неприятности.

Мой дед, Дмитрий Алексеевич Тырков, умер от разрыва сердца, внезапно, в своём имении в селе Бабино. Моей матери, Верочке, тогда исполнилось 10 лет. Ее мать была психически

Верочка и Леня Тырковы.
1885 год

Леонид Дмитриевич
Тырков

ненормальной и после смерти мужа находилась в специальном лечебном заведении. Воспитанием девочки занимались старшие братья — морские офицеры Сергей и Пётр. Первоначально они поместили её для получения воспитания и образования, так как оба были холосты, в Училище Св. Елены. Там она пробыла только один год. Её пришлось взять из Училища, так как она не могла сочетать свой необузданный характер с институтской дисциплиной. Постоянно подвергалась наказаниям, была слишком экспансивна и бурна в поведении, и начальство предложило опекунам взять её. К этому времени один из её братьев (Сергей) вышел в отставку и, женившись, поселился в имении Бабино, где и занялся ведением общего хозяйства. Верочка попала под наблюдение его жены Натальи Арефьевны, которая подготовила девочку к поступлению в Новгородскую гимназию, которую она сама не так давно окончила. В Новгороде моя мама жила с тещей Сергея Дмитриевича Настасьей Егоровной. Последняя

*Вера Дмитриевна
Тыркова. 1890 год*

жила на небольшие доходы от своего дома, кроме того, занималась шитьём. Это оказало большое влияние на всю мамину жизнь, так как она выучилась шить, притом по моде того времени, что было очень сложно. Мама была очень способная. Отлично училась, кончила гимназию с золотой медалью (сдана в органы ОГПУ в 1931 году). На выпускной бал приехал её опекун Пётр Дмитриевич и привёз ей из заграничного плавания белого английского шевиота на платье. Он приехал за три дня до бала, и, конечно, все

портнихи города были завалены работой. Мама собственноручно сшила себе бальное платье со всеми фаушборами, которые тогда полагались. С 14 лет мама полностью себя обшивала. Шила и платья, и бельё. По окончании Новгородской гимназии Верочка училась на Бестужевских курсах на филологическом факультете. Она жила в Петербурге, в семье дяди Владимира Алексеевича. Его младшая дочь Соня была старше её всего на год. Они дружили, жили в одной комнате. Соня училась на тех же курсах, но на математическом факультете. Поскольку мы, их дети, впоследствии поженились, эта дружба осталась у них до конца их жизней. В возрасте 19 лет, приехав в гости в имение дяди Вергежу, Верочка познакомилась со студентом-медиком Сергеем Николаевичем Борманом, который гостил у своего брата Альфреда, мужа её кузины Дины. После двухлетнего жениховства в 1896 году мои родители поженились. К этому времени мама закончила полные четыре курса Бестужевских курсов. Оставался один год до окончания, но молодой чете пришлось уехать из Петербурга в связи с отбыванием отцом воинской повинности.

Вера Дмитриевна была очень красива: яркая брюнетка, волосы мягкие, слегка волнистые, брови соболиные, фарфоровый цвет лица, большие чёрные с миндалевидным разрезом глаза,

маленький красивый рот, необыкновенно изящные маленькие руки. В талии тонкая, но бёдра не узкие, что вполне соответствовало моде того времени. Рост был средний. Она оставалась красивой до самой смерти, в 73 года. Хотя она рано поседела, но это только подчёркивало яркость румянца, очертание бровей и тёмный цвет глаз. Она была всегда модно и нарядно одета, но на свои туалеты никогда не тратила больших денег. Много шила сама, что помогало ей модернизировать свой гардероб без особых затрат.

Она обладала исключительным характером. Всегда оживлённая, инициативная, подвижная, энергичная. С большим чувством собственного достоинства, но не заносчивая, а скорее скромная и малотребовательная к условиям жизни. Очень отзывчивая, справедливая, правдивая до наивности, не жадная, абсолютно не обидчивая и не способная ни к какой интриге. Несмотря на общую мажорность, она была пессимисткой и всегда ждала самого худшего. Она никак не была белоручкой или кисейной барышней, но отнюдь и не синим чулком, и не революционеркой. Она не боялась взяться за любую работу. Немножко могла столярничать, все электроприборы чинила сама. До шестидесятилетнего возраста она сама наколачивала портьеры в комнатах 5-метровой высоты. Перестала это делать только потому, что сильно пополнила в этом возрасте и боялась, что

*Дом в усадьбе
Лядинка*

под её тяжестью сломается стремянка.

По разделу бабинских угодий моей матери достался участок земли в 125 десятин, так называемой пустоши, т. е. без усадьбы, в одной версте от деревни Вороний Остров, в 10 верстах от Бабина и в 5 верстах от станции Трубников Бор. Впоследствии к этому были прикуплены прилегающие перелески до 650 десятин. Это, собственно, был глухой лес.

Для постройки усадьбы пришлось расчищать заросли и корчевать пни. Строительством усадьбы в имении Лядинка руководила сама Вера Дмитриевна. Она проектировала, планировала и затем вела всё хозяйство, где было примерно 4–5 рабочих, а летом и больше, десятин 30 пахотной земли, 20 коров, 10 лошадей, куры, утки, гуси, свиньи, огороды и многое другое. Посевы, луга, вырубки она объезжала верхом, так как свободно держалась на лошади, притом в мужском седле.

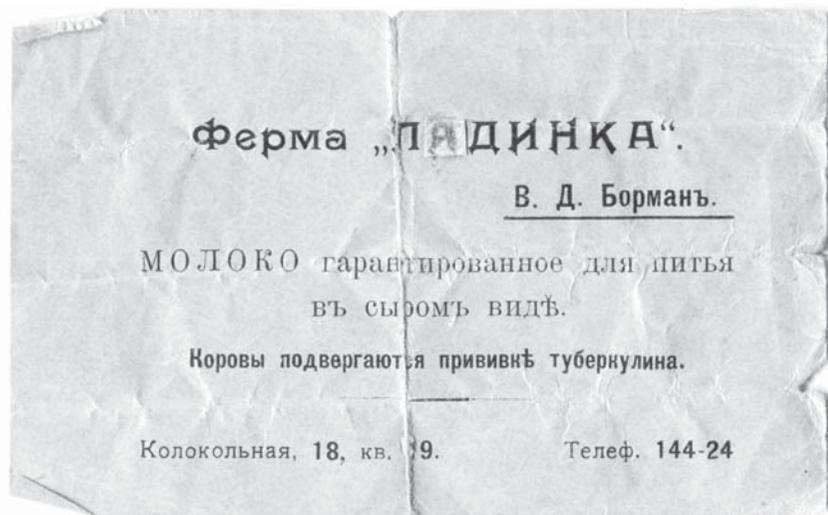
Меньше всего мама уделяла внимания вопросам кулинарии. До 45 лет она в кухню не входила и стряпать совсем не умела. Пока существовала возможность иметь хорошую кухарку, она на неё и полагалась, но сама распоряжалась заготовками,

солениями и вареньями, а также приготовлением наливок, иногда даже давала рецепты, вычитанные из поваренных книг. К концу жизни маме самой пришлось взяться за стряпню, и так как она всё делала основательно, изучив соответствующую литературу, она добилась больших успехов и считалась в некотором роде авторитетом по печеню и варенью. Но это было всё же не её призвание, ей не хватало сноровки заниматься стряпнёй. Она постоянно обжигала руки или прижигала кушанья.

Кроме аттестата об окончании гимназии и справки о прослушании 4-х курсов филологического факультета у Веры Дмитриевны было ещё свидетельство об окончании курсов кройки и шитья при Харьковском ремесленном управлении, дававшее ей право иметь собственную открытую мастерскую. Вере Дмитриевне тогда было уже 26 лет, и она имела троих детей. Она умела выполнять все рукодельные работы: кроить, шить, вязать и вышивать самыми разнообразными методами, даже сама шила лёгкую обувь.

Маму всегда занимал широкий круг интересов — международная политика, научные, общественные дела. Она была отличным организатором различных домашних увеселений с детьми и со взрослыми. Ни одна художественная выставка не оставалась без посещения. К великому огорчению мамы, ей рано пришлось отказаться от посещения театров, так как она стала плохо слышать. Имея хорошее образование и зная иностранные языки, мама постоянно занималась с нами репетиторством, до самых старших классов, а кроме того, это позволило ей редактировать книги и статьи, которые писал её муж, а впоследствии и работы сыновей по специальным вопросам. Читением она увлекалась и часто засиживалась за книгой за полночь. При этом с присущей ей экзальтированностью рыдала над трагическими ситуациями, в которые попадали герои. Наравне с беллетристической она часто увлекалась и чтением специальной литературы: по медицине, по лесоводству, по истории или архитектуре.

В первые же месяцы войны 1914 года Вера Дмитриевна прошла краткосрочные курсы «сестёр милосердия военного времени», т. е. медицинских сестёр, и все годы войны до самой

Рекламная листовка фермы Лядинка

революции работала сестрой-волонтеркой, т. е. без оплаты, в Николаевском военном госпитале (Ленинградский окружной военный госпиталь). Там же военным врачом работал и мой отец.

Последние восемь лет жизни Вера Дмитриевна провела на севере, в г. Ухте, где после отбывания срока в 5 лет по 58-й статье остался работать её сын Георгий. Она уехала туда с внуком Сергеем в первые дни войны. Возвратившись в марте 1949 года в Ленинград, мама через три недели умерла от сердечного приступа.

Вера Дмитриевна считала, что у неё была счастливая судьба. Ей пришлось похоронить любимого мужа, но, несмотря на весьма бурную эпоху, ни один из её детей не погиб раньше неё. Это звучит несколько парадоксально, так как она тоже ещё была жива. Зная свой сердечный недуг, она была уверена, по приезде домой, что доживает последние месяцы. Накануне смерти она, хотя и с остановками, перешла по мосту на ту сторону Невы. Последняя книга, которую она читала с увлечением в день смерти, была «История дипломатии» Тарле.

Тырковы в настоящее время

Дмитрий Николаевич
Тырков

Тырков Дмитрий Николаевич, 1902 года рождения, ныне здравствующий, в настоящее время возглавляет род Тырковых. Капитан дальнего плавания и капитан-наставник Торгового флота.

В период с 1939 по 1956 год во время Финской и Отечественной войн был в Северном флоте. В 1956 году вышел в отставку в звании капитана 2-го ранга, после чего продолжает плавать на судах Мурманского и Балтийского морских пароходств.

Имеет награды:

Ордена: Красного Знамени, Отечественной войны II степ., Красной Звезды.

Медали: «За боевые заслуги», «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией», «50 лет Вооружённых Сил СССР», «В память 250-летия Ленинграда», «30 лет Советской Армии и Флота».

П р и к а з

**Начальника Балтийского морского пароходства ММФ
от 18 января 1972 года № 8-н**

**«О поощрении капитана-наставника Балтийского морского
пароходства тов. Тыркова Дмитрия Николаевича
в связи с семидесятилетием со дня рождения»**

18 января 1972 года исполняется семьдесят лет со дня рождения капитану-наставнику Балтийского морского пароходства тов. Тыркову Дмитрию Николаевичу. Тов. Тырков Д. Н. за период работы в пароходстве с 1924 года зарекомендовал себя высококвалифицированным и обладающим большим практическим опытом судоводителем. К исполнению своих служебных обязанностей относится исключительно добросовестно.

В продолжение ряда лет работает капитаном-наставником на судах БМП по арктическим перевозкам, что способствовало своевременным и безаварийным перевозкам в Арктике. Поздравляя тов. Тыркова Д. Н. с семидесятилетием со дня рождения, видя и отмечая его положительную работу в пароходстве,

п р и к а з ы в а ю:

капитану-наставнику Балтийского морского пароходства тов. Тыркову Дмитрию Николаевичу объявить благодарность и премировать 210 рублями из фонда материального поощрения.

Начальник Балтийского морского пароходства
Васильев А. Д.

А д р е с
капитану дальнего плавания Дмитрию Николаевичу
в день юбилея 19 января 1972 г.

Дорогой Дмитрий Николаевич!

Ваши друзья-соплаватели и сослуживцы сердечно поздравляют Вас с Вашим славным юбилеем — семидесятилетием со дня рождения и полувековым плаванием по морям и океанам, желают Вам крепкого здоровья, счастья, долгих лет жизни, успехов в предстоящих плаваниях.

Адрес подписали 80 капитанов и руководителей Балтийского ордена Октябрьской Революции морского пароходства.

Празднование 70-летия Д. Н. Тыркова 19 января 1972 года
в ресторане «Ленинград»

Тыркову Дмитрию Николаевичу
В день его юбилея 19 января 1972 года!
Ресторан «Ленинград»

Друзья, не ждите длинной оды.
Её не терпят морские воды.
Ведь речь пойдёт о моряке,
Который плавал не по реке.

Избороздил он моря, океаны,
Повидал также многие страны.
Да, за семь десятков лет
Наш дядя Митя увидел свет!

Когда скитаньям окончился срок
И понадобился суши уголок,
Он нашёл пристанище от бед —
Оказалось, что лучше Ольгина нет.

Он выращивает овощи и цветы
Особенного вкуса и красоты,
Внуки у него растут как грибы:
Это, конечно, просто дело судьбы,

Но можно всё-таки пожелать
Ему и внучек штучек пять!
Что ещё можно сказать —
И дальше так держать!

Шлёт поздравления вся семья наша:
Ира, Алёша, Женя, Ирина, Лена и Саша.

Автор — Колесников Алексей Евгеньевич.
29.01.1972 г.

О'кей! Празднуем Тыркова юбилей!
Позади семьдесят, жить до ста!
Пять румбов вперед...
Капитан, полный ход!
От отца и предков
Та хватка морская.
Среди северных бурунов
Водит судно моряк из моряков —
Капитан-наставник Тырков!

Нептун, бог морей,
Боится тех кораблей,
Что, полярные льды разбивая,
Ведёт капитан, не отступая.
Сегодня, капитан-наставник,
Твой праздник.
Нет кораблей, весёлый банкет друзей —
Дмитрия Николаевича славят!

Ленинград, Колесниковы М. С. и Е. Е.

Жизненный путь Дмитрия Николаевича проходил не без препятствий и срывов. Учился он в младших классах 1-го Кадетского корпуса, как и надлежало сыну военного моряка. Революция смела систему кадетских корпусов. После 6-го класса Дмитрий заканчивал среднюю школу в посёлке Любань. Когда наступило время отбывания военной службы, он, конечно, определился

в военный флот. Его направили в Кронштадт. По счастливой случайности, он за день до восстания выехал в Петроград в кратковременный отпуск и, таким образом, остался в стороне от Кронштадтского разгрома.

В 1923 году Дмитрий Николаевич окончил мореходный техникум и начал службу в советском торговом флоте. Постоянно ходил в заграничные плавания. В 1935 году за дворянское происхождение его и жены им была предписана высылка в Уфу. Там они прожили два года. Работы по специальности не было, ему отказали даже в речном пароходстве. Там у них родился второй ребёнок, и жена работать не могла. Они бедствовали. После усиленных хлопот вернулись в Ленинград, лишившись квартиры. С большими трудностями Дмитрий Николаевич был принят на работу в морской торговый флот на Севере. В Великую Отечественную войну был мобилизован в Северный флот и принимал участие во многих боевых операциях. После демобилизации вернулся в торговый флот. Дмитрий Николаевич был женат первым браком на урождённой Ратьковой Марине Константиновне (её отец был генерал-майором береговой службы). У них две дочери: Наталья (1928–2016), Галина 1935 г. р. Наталья — художница. Сохранила свою девичью фамилию, и её сын Костя (1964–1999) носил фамилию Тырков. Вторым браком Дмитрий Николаевич был женат на урождённой Троцкой, из семьи военных, но не моряков. Их сын Николай (1944–2011) имел среднее образование, был женат, и сын его Дмитрий Николаевич 1969 г. р. является младшим отпрыском тырковского рода.

Тырков Дмитрий Николаевич скончался 5 августа 1982 года от себя на даче в Ольгино, в возрасте 80 лет.

В 1988 году у Николая Тыркова и его второй жены Елены родился сын Артём, а у Дмитрия Тыркова в 2012-м — сын Алексей. У Артёма, в свою очередь, родились мальчики: в 2015 году — Даниил, в 2017-м — Николай, так что фамилия сохраняется (2018 г.).

Часть IV

БОРМАНЫ

Семья и судьбы её членов

Николай Александрович (1815–1879) и Тереза Густавовна (1833–1911)

Николай Александрович Борман, из мещан или купцов, уроженец г. Бауска (Курляндской губернии), и Тереза Густавовна Брауер из Брауншвейга являются моими дедушкой и бабушкой.

Округ Петербургской Еванг. Лютеранской Консистории

СВИДЕТЕЛЬСТВО О БРАКОСОЧЕТАНИИ

Выписка из списка сочетавшихся браком
Евангелическо-Лютеранского прихода св. Михаила
в С.-Петербурге.

Тысяча восемьсот шестьдесят пятого года мая тридцатого дня обвенчаны пастором Флитнер в С.-Петербурге:

Николай Борман сын Александра Борман, с.-петербургский купец 2-й гильдии, вдов, с девицей Христиной Генриетой Брауер, дочь Густава Брауер, родом из Брауншвейга-Линенбург. Оба лютеране.

Совершенную верность сей выписи с вышеозначенным списком свидетельствую с приложением церковной печати.

Пастор Г. Бенц
С.-Петербург, июля 7-го дня, 1911 г.
№ 97

Это брачное свидетельство, найденное мною среди бумаг моих родителей, наводит на мысль, что венчание, состоявшееся в 1865 году, было уже через несколько лет после фактического брака, к моменту узаконения которого у молодожёнов было не менее двух детей. Это явствует из того, что старший их сын родился примерно в 1860 году, так как нам известно, что в момент смерти отца (1879 год) ему было 19 лет. Тереза Густавовна умерла в январе 1911 года, следовательно, это свидетельство было выдано уже после её смерти, оно датировано июлем того же года. Насколько я могу догадываться, оно понадобилось для надписи на могильной плите. Очевидно, от бабушки документов не осталось, возможно, она их умышленно уничтожила. Кроме того, вызывает недоумение: почему запись происходила в церкви св. Михаила (на Васильевском острове), когда Борманы были прихожанами церкви св. Петра (на Невском) и жили рядом. Это можно объяснить и тем, что они избегали огласки своей запоздалой свадьбы в своём приходе. Метрические книги лютеранских церквей в Исторический архив Ленинграда не поступали и там не имеются; сделать какое-либо сопоставление с записями старших детей мне не удалось, и весь мой «криминалистический» розыск оказался безрезультатным.

По специальности Николай Александрович был химик-изобретатель. Сохранились патенты, на его имя выданные во Франции. Имеются его портреты. Незадолго до своей смерти он уехал в Швейцарию — якобы решать какие-то религиозные вопросы, а может быть, в связи с болезнью — грудной жабой. Там скоропостижно умер через два или три месяца. Моему отцу тогда было 10 лет. На руках у бабушки осталось восемь человек детей — четыре дочки и четыре сына. Старшему Эмилю было 19 лет, младшей Розе — 4 года. Кроме того, у деда имелись дети от первого брака — Леонид, Жорж, Екатерина и София.

Бабушка Тереза Густавовна, урождённая Брауер, происходила из семьи купцов-пивоваров, была сиротой и воспитывалась в Брауншвейге «тантой Катариной» и «онкель Штейном». Её братья были музыкантами, они играли в оркестре Императорского Мариинского театра в Петербурге. Когда ей исполнилось

девятнадцать лет, она, прельстившись громким названием должностей братьев, приехала в Петербург. Но жизнь их была не богатая. Бабушка уже собиралась уехать обратно в Германию, так как в Петербурге ей пришлось самой зарабатывать на жизнь, служа гувернанткой в семье Николая Александровича Бормана. Но в это время он овдовел, она вышла за него замуж и осталась навсегда в России.

Семья Борман жила на углу Большой Конюшенной и Невского проспекта. Снимала в первом этаже всю ту квартиру, где сейчас находится аптека. Но так было только при жизни Николая Александровича, позже семья стала жить со значительно меньшим размахом. Бабушка с детьми и производством бальзама занимали однокомнатную квартиру, но всегда на Малой или Большой Конюшенной, так как это были дома, традиционно населённые иностранцами. Когда бабушка ещё жила самостоятельно, я помню, мы бывали у неё в гостях в одной, но большой комнате. Бальзам уже не варился. Она жила на сбережения и ещё что-то оставила наследникам деньгами кроме дачи в Келломяки (Комарове). Дача эта была продана её наследницей дочерью Альмой, а в войну, в 1942 году, сгорела.

Последние полгода жизни бабушка жила в нашей семье, и я спала с ней одной комнате, мне было 9 лет. Была ли она красива в молодости — можно судить только по фото. В старости она выглядела очень представительно, у неё были хороший рост и строгая осанка. Какое она имела образование, нам не известно, вероятно, самое примитивное, домашнее. От природы у неё были острый ум, наблюдательность, и, прожив, собственно, почти всю жизнь в Петербурге в центре города, имея детей уже с высшим образованием, она могла называться вполне интеллигентной женщиной. Говорила она только по-немецки, но с прислугой коротко объяснялась по-русски. Она была острой на язык и любила давать всему меткие прозвища. До 76 лет она жила совершенно самостоятельно, а когда встал вопрос, с кем из детей ей поселиться, то она, имея четырёх родных дочек, согласилась жить только с невесткой Верой, т. е. с моей мамой. Между нею и дочерьми постоянно возникали какие то недоразумения.

*Николай Александрович
Борман*

*Тереза Густавовна Борман
(урожд. Брауер)*

*Тереза Брауер с «онкель Штейном»
и «танте Катариной». 1852 год*

Она была требовательна, они её не слушались и спорили. Мама никогда не возражала, а поступала, как сама находила нужным. За месяц до смерти бабушки я ещё сопровождала её, когда она ходила в Гостиный Двор закупать рождественские подарки всем многочисленным её внукам. Эти выходы оставили у меня большое впечатление. Во многих магазинах сами хозяева выходили её приветствовать, ей выносили стул, называли её по имени, а покупала она на гроши, но зато она была уже пятьдесят лет покупательницей. Бабушка умерла в 1911 году от заворота кишок. Дедушка и бабушка похоронены на Волковском лютеранском кладбище в Петербурге.

Их парные овальные портреты размером примерно 80 × 50 см в богатых рамах висели у Музы Сергеевны в комнате, а после её смерти «переехали» в Сибирь к Андрею Петровичу Комлеву, их правнуку, по её завещанию.

По этой линии были сыновья: Эмиль, Альфред, Сергей, Владимир; дочери: Флора, Альма, Женья, Роза.

Старшие дети Н. А. Бормана от первого брака

Старший сын моего деда от первого брака Леонид Николаевич проживал в Казани, где держал аптеку. У него было много сыновей и одна дочь. Все «Леонидовичи» оказались уже сверстниками детей деда от второго брака.

Существовали:

Владимир Леонидович — профессор, хирург в Омске;

Егор Леонидович — уехал за границу с дочкой Ириной (он был вдовец);

Иван Леонидович — по специальности не знаю кто. Иногда заходил в гости к папе. Детей у него не было;

Николай Леонидович — детей у него тоже не было. Часто бывал у нас. Последние годы жил в Харькове, где и умер.

Младший «Леонидович» — Яков — проявился для нас только при знакомстве с его дочкой Аллой. Мы никогда о таком не

слышали. Оказывается, он был в очень раннем возрасте в связи с революционной деятельностью отправлен в Сибирь. А после революции, когда вышел на свободу, где-то на Урале женился и вскоре умер. Его дочь Алла нашла моего брата Петра Сергеевича в Свердловском университете по фамилии. Сама она носила фамилию матери. Она была подругой Людмилы Комлевой, на которой вскоре женился Пётр Сергеевич Борман. У Аллы двое детей: Марина и Алексей Хигер. Они и сейчас живут в Свердловске*.

Дочери от первого брака бабушки были замужем, кажется, в Москве. Мы с ними не встречались. Но очень забавно, как до меня дошли сведения о семье одной из них. Я с мужем проводила отпуск в Псковской области — близ города Порхова, в деревне Каменка. Мы остановились у одной старушки, которая в молодости жила в прислугах в Петербурге. В разговоре выяснилось, что эта бабка Дуня подавала чай Егору Николаевичу — фабриканту «Жоржу Борману». Оказывается, она жила в нянях у его племянницы Веры и нянчила его внучатую племянницу Валечку, бабушка которой Екатерина Николаевна была сестрой Егора Николаевича, а на младшей её дочке Ольге Алексеевне, урождённой Зиф, он был женат вторым браком. Она была очень красива, но пошла за него, несмотря на разницу в годах. Ольгу Алексеевну я видела в Харькове один раз, а о старшей её сестре Вере я даже не имела представления. Вот так совершенно случайно я получила сведения о своей родне.

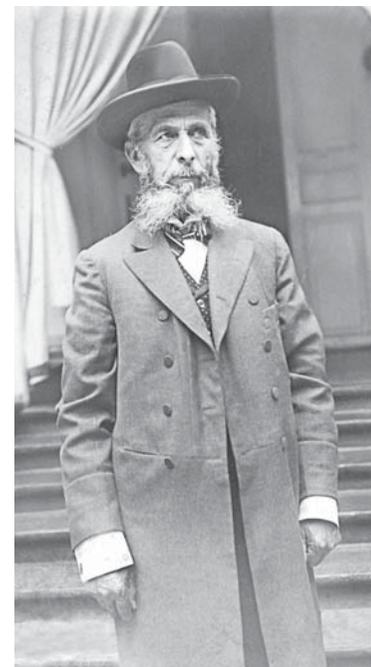
Кондитерский фабрикант Жорж Борман

Жорж являлся младшим сыном бабушки от первого брака. Продолжать своё образование он не хотел. Считался лодырем и «никчемушником» (Taugenichts). Тогда отец устроил ему кондитерское дело. Снято было помещение — угол Екатерининского

канала и Невского проспекта (там, где сейчас вход в метро на углу канала Грибоедова). Передняя комната была отведена под магазинчик. В задней варили и пекли кондитерские изделия. Жорж проявил здесь свои деловые качества, и изделия его фирмы завоевали популярность. Он был необыкновенно обходителен в обращении и умел вытрясти из покупателей всё, что у них было в карманах. Через какое-то время ему посчастливилось, и он на Государственный лотерейный билет стоимостью 1 рубль выиграл 75 тысяч рублей. С этими деньгами уже пошёл другой размах работы. Жорж съездил за границу, затем вернулся в Россию и в Харькове открыл кондитерскую фабрику, оснащённую по последнему слову техники.

Там же в Харькове он построил себе особнячок с небольшим садиком. В этом городе он стал жить постоянно. Харьков был выбран потому, что это была Украина, где такое сырьё, как сахар, белая мука, да и рабочие руки были значительно дешевле, чем в северных городах, а особенно в столицах. Магазин в Петербурге — угол Канала на Невском проспекте — продолжал существовать самостоятельно.

Около 1901 года была основана в Петербурге, на Английском проспекте, уже вторая фабрика. Она просуществовала довольно долго после революции. На ней были все самые передовые порядки. Люди, прослужившие в фирме беспорочно 25 лет, получали пенсию. При фабрике были библиотека, детский сад или ясли и воскресная школа для взрослых. Рабочие очень

*Егор Николаевич Борман.
1899 год*

* Более подробно о Леониде Николаевиче Бормане и его потомках рассказывается в работе Натальи Леонидовны Антоновой «Борманы в России» (М.: «Тезаурус», 2015).

долго не хотели подчиняться большевистской системе. Фабрикой руководила дирекция из пайщиков предприятия. Рабочих в каких-то случаях вознаграждали акциями, и таким образом они становились заинтересованными в получении прибыли. Всё это мне известно, так как дядя Костя Боклевский, кроме того, что занимал кораблестроительные должности, состоял и членом дирекции акционеров-пайщиков. Когда после революции возникли трудности с продуктами, то по ходатайству дяди Кости мама получала с фабрики кое-какие продукты: какие-то ерундовые конфеты, кокосовое масло и немного белой муки.

Через несколько месяцев за отсутствием сырья работа на фабрике прекратилась, народ вообще разъехался из голодной столицы. А потом при возобновлении работы предприятия пришли новые люди, и порядки пошли новые. Теперь она называется фабрика имени Самойловой, и лучший кондитерский магазин и кафе «Север» являются бывшим фирменным магазином фабрики «Жорж Борман».

Журнал «Петербургский магазин»,
1996, № 9 (25)

ШОКОЛАДНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

...Имя Георгия Николаевича Бормана прочно связывалось в сознании современников не только с огромным количеством сладостей марки ЖБ, но и с грамотным и успешным ведением дел, с передовыми технологиями производства. Продукция Товарищества фабрики Жоржа Бормана была гордостью России и достойно представляла промышленность Российской империи за рубежом.

История фабрики началась в 1862 году, когда Георгий Николаевич основал фирму «въ весьма скромныхъ размерахъ». На Невском был открыт небольшой магазин и при нём мастерская с ручной машиной для выделки шоколада. Тогда паровые машины и огромные цехи существовали только в мечтах учредителя фирмы. За восемь лет фирма Ж. Бормана добилась настолько серьёзных успехов, что в 1870 году на Всероссийской выставке в Санкт-Петербурге её продукция получила бронзовую медаль. Через два года были построены фабричные корпуса, специально для шоколадной фабрики на Английском проспекте. В 1876 году

фирма Жоржа Бормана удостоилась звания «Поставщика Двора Его Императорского Величества с предоставлением права изображения Государственного герба на своих этикетках». В том же году столь высокая оценка деятельности фирмы способствовала расширению ассортимента продукции, выпускаемой фабрикой, и освоению дополнительных рынков сбыта. Был открыт первый оптовый склад изделий фирмы в Апраксином Дворе, а через два года оптовые склады были уже в Москве и Нижнем Новгороде. В 1878 году фирма Жоржа Бормана на Всемирной выставке в Париже получила свою первую золотую медаль.

К 1895 году фирма Г. Н. Бормана имела ещё две золотые медали с выставки в Париже и почётный диплом с медалью с выставки в Чикаго. Оригинально оформленную продукцию высочайшего качества с клеймом ЖБ знала и любила вся Россия. Грамотные рабочие на лучшем оборудовании производили столько сладостей, обороты фирмы настолько выросли, что Георгий Николаевич Борман в 1895 году решил учредить Товарищество с основным капиталом 300 000 рублей. Переход к новой организации предприятия, грамотное распределение паев и дополнительные средства, появившиеся в результате их продажи, — всё это позволило расширить производство. В 1896 году в Петербурге была построена бисквитная фабрика. В Харькове Товарищество открыло две фабрики по производству шоколада и бисквита. В этом же году Товарищество участвовало во Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде и получило высшую награду — право изображения Государственного герба. С того времени на всех изделиях Товарищества появился двуглавый орёл и цифры 1896. Кроме внешних регалий, подтверждающих качество продукции, есть ещё и показатели роста капитала Товарищества. Основной капитал предприятия за пять лет увеличился с 300 000 до 1 100 000 рублей.

Производство на фабриках Товарищества было налажено в соответствии с последними достижениями техники. В шоколадных отделениях работали кроме множества небольших специальных машин восемь больших меланжоров, двадцать четыре крупные установки по обработке какао; масло отжималось при помощи четырёх гидравлических прессов. Для охлаждения шоколада использовались современные холодильники. Бисквитные фабрики были оснащены непрерывно работающими печами. Карамель, монпансье и мармелад производились на двадцати двух вакуумных аппаратах. Повсеместно (в Петербурге и Харькове) варка на очаге заменялась на варку с помощью водяного пара. Обслуживанием всех фабричных механизмов занимались около восьмисот рабочих.

Персонал магазинов и складов насчитывал более ста человек. Трудовое право регулировалось соглашением между рабочими и правлением фабрики.

Некоторые из пунктов соглашения удивляют высокой социальной защищённостью персонала. Изначально коллектив фабрики считался одной большой семьёй, и отношение ко всем работникам было крайне заботливое. Например, рабочим по болезни выплачивались стопроцентное жалование за первые полтора месяца болезни и половина жалования за последующие полтора месяца. Тем же документом предусмотрены укороченные предпраздничные дни.

Отдельно стоит рассказать об оформлении продукции фабрик Жоржа Бормана. Продукция с клеймом ЖБ отличалась яркостью и неординарностью решения этикеток. Оформление многих серий продуктов имело целью народное образование. В те годы со стороны здравомыслящей интеллигенции и предпринимателей вообще был подъём внимания к выводу страны из подавляющей безграмотности населения. Сытин издавал книжки, Борман выпускал сладости. Вот несколько примеров оформления: фабрика Ж. Бормана выпускала монпансье, на этикетках которых были помещены портреты русских писателей (Гоголь, Достоевский, Толстой) с цитатами из их произведений. Ещё были серии шоколада: «Географический атлас», «Коллекция жуков», «Народы Сибири» и т. д. На этикетках из серии «Бумажные поделки» был напечатан яркий красочный петух, а рядом — его бумажная копия с наглядной инструкцией по изготовлению такой бумажной куклы.

Палитра кондитерских изделий от Ж. Бормана была богатой: шоколад, конфеты, вафли, монпансье, бисквит, мармелад, кофе, какао, карамель, печенье, пастила, барбарис и многое другое.

История фабрики Товарищества Жоржа Бормана прервалась в 1917 году... (2001 г.)

Сам основатель Егор Николаевич Борман умер в Харькове в 1918 году. Тогда же умерла и его вторая жена, которая была младше его и приходилась ему родной племянницей. У них был один сын, очень красивый мальчик лет 16-ти — умственно неполноценный, и куда он девался, никто из нас не знает.

Ко времени революции считалось, что фирма основывается примерно на 15-миллионном капитале. Частично деньги находились за границей, так как с иностранными фирмами велись

торговые сделки. Егор Николаевич, не имея наследников, согласился усыновить незаконного сына своего хорошего друга. Он являлся его доверенным лицом. Егору Николаевичу было уже к 80 годам, и все дела находились в руках «маленького Жоржа» (а был он человек очень массивной комплекции). Звали его Егор Егорович. Он эмигрировал, собрал имевшиеся за границей капиталы и во Франции, в г. Орлеане, открыл кондитерскую фабрику. О дальнейшей судьбе Егора Егоровича и его детей, в особенности после войны с немцами, нам ничего не известно. Его жена Эльза Павловна — моя крёстная мать. Я несколько раз была у них на квартире. Старшая дочь Ксения была старше меня года на три, а сын Игорь и младшая Ирина моложе, так что мы подошли по возрасту и подружились.

Жорж Борман был заметной фигурой. В семье он считался богачом и денежным тузом. Возможно, он помог бабушке вывести в люди всех её восьмерых детей и дать всем образование. Во всяком случае, мне известно, что сёстрам Альме и Розе, у которых не совсем благополучно сложилась жизнь, он регулярно помогал деньгами, давая им определённые субсидии каждый месяц. Он очень благоволил к тётке Флоре, они вели знакомство. Папа и дядя Альфред не хотели признавать его авторитет и с ним не знались. Правда, вначале папа даже работал на кондитерской фабрике в Харькове, и там я и родилась, а дядя Жорж был моим крёстным отцом, но впоследствии отношения разладились.

Некоторые другие родственники мечтали и подсчитывали, какое им достанется наследство. А наследство не получилось, так как Жорж Борман умер в 1918 году, когда фабрика и капиталы оказались конфискованными.

Эмиль — старший сын от второго брака

Папин старший брат уже от брака бабушки со второй женой Терезой Густавовной Брауер — Эмиль — окончил университет, кроме того, был пианистом и музыковедом. Работал чиновником в каком-то министерстве.

Эмиль Николаевич
Борман

Розалия Феликсовна, его вторая жена (с первой он разошёлся), была чистокровной полькой. У них было четверо сыновей: Феликс, Женья, Константин и Венъямин. Они все уехали в буржуазную Латвию, доказав своё происхождение из Курляндии. Феликс окончил Дерптский медицинский институт и потом оказался в Страсбургском университете, причём именуется — профессор Феликс фон Борман (газеты).

Об остальных братьях никаких сведений нет.

Флора Николаевна Боклевская (1865–1930) и её семья

Старшая сестра моего отца Флора была совершенное очарование. Она была олицетворением прелести, изящества, обходительности, в общем — красавица. Соломенного цвета вьющиеся волосы, глаза голубые, яркие, выражающие жизнерадостность и остроту мысли. Она была очень остроумна, деятельна. Способная к рисованию, к музыке. Талантливая артистка. Её не раз приглашали на настоящую сцену, но она играла только в любительских спектаклях. Она обожала своего мужа и своих трёх сыновей. Мальчики росли, действительно, на редкость высокие и здоровые.

Когда Флоре Николаевне после хозяйства с прислугой из трёх человек пришлось самой взяться за пыльную тряпку и варку похлёбки, она не растерялась, и всё блесло, порядок был полный, а стол накрывался по тому же фасону, со скатертью, салфетками и набором тарелок. Причём режим дня оставался самым строгим. Только ставить самовар оказалось обязанностью профессора — дяди Кости, впрочем, как и в нашем семействе

ставить самовар было специальностью отца. Флора была замужем за известным специалистом в области корабельной архитектуры и судостроения профессором Константином Петровичем Боклевским. Поскольку за границей строились русские военные суда, супруги жили там много времени. В 1903 году Константин Петрович Боклевский был назначен деканом кораблестроительного факультета при открытом тогда в Петербурге Политехническом институте в Сосновке. Там с тех пор и жило всё семейство — в профессорском флигеле.

О Константине Петровиче надо сказать несколько отдельных слов. Это был замечательной души человек. Так как в те годы сообщение с Сосновкой было довольно сложное, а Константину Петровичу приходилось бывать иногда в центре города и у него получались перерывы между заседаниями в разных комиссиях, он раз в неделю обязательно бывал у нас, очень дружил с моими родителями и как-то незаметно был в курсе всех наших молодёжных дел. Он часто помогал маме проектировать какую-либо постройку — людскую, ледник или будущий большой дом, который, кстати сказать, не построили. Много раз в жизни мне пришлось слышать от различных людей — от бывших его студентов и от старых профессоров Лесотехнической академии, которые его знали, — что Константин Петрович обладал необыкновенным талантом лектора и педагога. Причём можно отметить одну оригинальность его манеры ведения лекций. Он одновременно

Флора Николаевна Борман.
1882 год

чертил на доске левой рукой, а пояснения подписывал правой. Он обладал большими художественными способностями. Восемь чертёжных тетрадей с его рисунками, иногда карикатурного жанра, были бережно собраны тётёй Флорой за всю их благополучную совместную жизнь. Эти альбомы, а также пачку поздравительных юбилейных адресов я в 1971 году передала в Военно-морской музей.

Тётя Флора иногда брала кого-нибудь из племянников к себе погостить. Она считала, что в Сосновке совсем другой воздух, чем в центре города. Конечно, оно так и было, так как в то время Институт окружали сосновые рощи и дачи.

У четы Боклевских было трое сыновей: Серёжа, Петя, Володя. Они были значительно старше нас. Старший Серёжа, юрист, во время войны оказался в Англии военным представителем нашей армии. Он хорошо знал иностранные языки и потому был туда послан. Он не вернулся после революции. Петя и Володя были гидролетчиками. В рядах белых армий они не сражались, но находились на юге, и при уходе немцев из Украины Володя (Петя уже умер) с женой на гребной лодчонке уплыл в Румынию. Там где-то он закончил своё образование (до войны он был студентом Политехнического института) и обосновался в Каире. К нему приехал брат Сергей. Мне неизвестно, была ли у них транспортная контора или они ездили просто шофёрами, но знаю, что они совершали рейсы на автомашинах через Сахару. У Володи была дочка. После смерти дяди Кости тётя Флора уехала к сыновьям на год и, собираясь возвращаться, внезапно умерла, после чего всякие сведения оттуда прекратили поступать.

Петя умер на Украине, после целого ряда трагических событий в своей судьбе. Он был студентом Академии художеств, имел большие способности. Дед его был известным художником — иллюстратором книг Гоголя, Островского и других авторов.

Одно из самых ошеломляющих известий, запавших мне в память на всю жизнь, — это новость о потоплении баржи с офицерами на Петроградском взморье. Конечно, никакой публикации об этом акте не было. Всё скрывалось, и тем не менее публика обо всём узнавала.

Константин Петрович и Флора Николаевна Боклевские с сыновьями Владимиром и Петром (стоит). 1914 год

Было это в 1918 году, после убийства Урицкого. Первое известие принесла Вера Ивановна Тыркова. Её сводный брат Владимир Евгеньевич Пастельников был кадровым офицером-артиллеристом в царской армии. Признав советскую власть как законную, поскольку в Петрограде другой власти не было и другого правительства нигде не существовало, он в военкомате предложил свои услуги как специалист-артиллерист, не имеющий никакой другой профессии. Попросил на юг и на войну с белыми армиями его не посылать, а отправить на север или Дальний Восток воевать с интервентами. Его обещали вызвать повесткой. Действительно, через пару дней пришла повестка, и он ушёл из дома. Больше Владимира никто не видел.

Родные ходили искали его, но не нашли. В процессе розыска выяснилось, что 1500 русских офицеров царской армии были вывезены на барже и все расстреляны и утоплены. Затем приходила Ирма Николаевна Шеффер, наша старинная знакомая. Её сын Володя был офицером военного времени, а вообще бухгалтером и совершенно никакой политикой не занимался. Его вызвали повесткой, и он также очутился на барже. Товарища брата моего Пети, Типфера, арестовали на Гороховой улице, где он случайно проходил в момент убийства Урицкого. Район был оцеплен. Всех мужчин подходящего положения, а он также был офицером военного времени, задержали. Потом и он попал на эту баржу.

На этом судне находился и мой двоюродный брат Петя Боклевский. Он был арестован в связи с тем, что учился в одном классе с Каннегисером — убийцей Урицкого. Этому была давность не менее 5–6 лет. Петя был уже студентом II курса Академии художеств, а затем 4 года войны он служил гидролетчиком и, конечно, имел офицерский чин. На барже он скоро понял, к чему эта экспедиция клонится. Стал соображать, как хотя бы довести до своих известие о себе. Он только пару месяцев как женился на Кате Юткевич (дочери впоследствии академика).

Не знаю, как ему удалось достать бумагу и карандаш, но он стал зарисовывать портреты конвоиров и широко на них подписываться. Этим он завоевал у них популярность, и так как это были обыкновенные люди, а не «политики», то они способствовали его побегу. Дали ему тельняшку-полосатку и бескозырку и где-то поближе к берегу спустили прямо в воду. Так он ночью прошёл весь город от устья Невы до Сосновки. К своим родителям, которые жили в Политехническом институте, он не пошёл, а постучался в окно на Новой улице к двоюродной сестре Кате Поссе. В квартире Поссе он и находился некоторое время, пока ему доставали подходящие документы. Через несколько дней они с женой уехали на юг. Где-то под Киевом жена его Катя умерла в связи с несвоевременными родами. После этого Петя не стал дорожить жизнью. Находясь уже в Севастополе, вместе с братом Володей, который всё это потом и рассказал,

*Сергей Константинович
Боклевский*

*Автопортрет Петра
Константиновича
Боклевского*

он проявлял отчаянный пессимизм, почти нарочно себя застудил и через полгода после жены умер от воспаления лёгких. В связи с немецкой интервенцией на юге России о его смерти родственники узнали только через год.

Во время туристской экскурсии в Инкермане я случайно наткнулась на памятник с громадным пропеллером и прочла, что это могила Петра Константиновича Боклевского. Теперь, после немцев, наверное, никаких памятников там и не сохранилось.

История побега Пети с баржи, конечно, сохранялась в тайне, и мне в то время о ней ничего не было известно. Только недавно Екатерина Владимировна Поссе мне рассказала, как всё это случилось с Петей. А вообще, в связи с «баржей» много было толков и кошмарных переживаний. Названных здесь молодых людей я знала лично.

В музее Кораблестроительного университета, основанного К. П. Боклевским, есть посвящённая ему большая экспозиция. Сотрудники музея знают историю семьи Боклевских. В 2010-х годах один из сотрудников, будучи в Бельгии по делам Православной церкви, беседовал с секретарём совета льежского православного прихода Еленой Владимировной Бекиш. В беседе случайно выяснилось, что девичья фамилия Елены Владимировны — Боклевская. Так «нашлась» внучка Флоры Николаевны и Константина Петровича.

Новый журнал, 2013, № 271

Мельник А.

Елена Бекиш: ОТ КАИРА ДО ЛЬЕЖА

Елена Владимировна Бекиш (девичья фамилия — Боклевская) принимает меня в своём уютном кабинете с окнами, выходящими на живописную долину реки Вездре и небольшой бельгийский городок Пепинстер, расположенный к западу от Вербье. Все стены кабинета уставлены книжными шкапами. Толстой, Бунин, Гоголь, Пушкин... Большинство книг — на русском языке. Отец Елены Бекиш, Владимир Константинович Боклевский, родился в июле 1894 г. в Санкт-Петербурге. Он учился в Петербургском политехническом институте, но не окончил его из-за начавшейся в 1914 г. Первой мировой войны. В 1916 г. Владимир закончил Бакинскую офицерскую школу морской авиации, после чего стал лётчиком Черноморского флота. В октябре 1917 г. он был награждён орденом Святого Станислава 3 степени с мечами и бантом и Георгиевским оружием. В феврале 1918 г. Владимир Боклевский стал начальником 1-го воздушного дивизиона Черноморской Воздушной дивизии. С апреля 1919 г. он лётчик гидроавиационного отряда Азовского моря.

В ноябре 1920 г. в составе Русской армии генерала П. Н. Врангеля Владимир Боклевский эмигрировал из Крыма в Константинополь. Он попал в лагерь, расположенный недалеко от портового городка Галлиполи на европейском берегу Дарданелл. Здесь он встретил своего брата Сергея и многих друзей, в том числе бывших авиаторов. Владимир с братом и друзьями решили из Галлиполи переехать в Прагу и учиться в Пражском университете. В 1923 г. в Праге Владимир женился на Гали (падчерице профессора Фан-дер-Флита, до революции работавшего с К. П. Боклевским).

Из Ленинграда в Прагу приезжали Константин и Флора Боклевские. Они дали сыновьям Владимиру и Сергею немного денег на организацию своего дела.

После свадьбы молодые супруги, Сергей Боклевский и их русские друзья переехали в Египет, так как узнали, что там не хватает транспортных предприятий со своими грузовиками. Группа русских эмигрантов обосновалась в Гелиополисе (или Гелиополе). В наши дни это пригород Каира Миср аль-Джидида. Друзья купили несколько грузовиков и начали заниматься перевозками строительных материалов. При этом одни работали механиками, другие шофёрами.

23 июня 1929 г. в Каире у Владимира и Гали родилась дочь Елена. В это время в Египте у сыновей гостила бабушка Елены по отцу Флора Боклевская. Она успела увидеть свою единственную внучку. Но в 1930 г. там же, в Египте, она умерла (похоронена в Гелиополисе).

Семья Боклевских прожила в Египте около четырёх лет. Когда конкуренция в транспортном бизнесе стала очень острой, они уехали в Дамаск.

Дядя Елены Сергей Боклевский остался в Египте. Он пережил бурную любовную историю. В 1933 г. в Египте появилась одна богатая разведённая американка. Познакомившись с Сергеем, она узнала, что он — барон, имеющий свой герб, и это её очень заинтриговало. Американка вышла замуж за Сергея, очень быстро с ним развелась и уехала обратно в США. Там она стала именовать себя баронессой и первым делом нарисовала фамильный герб на своём автомобиле. Сергей же так и остался в Каире. В Египте в те годы снималось много художественных фильмов. Сергей был представительным, статным мужчиной. Он стал актёром, играя в основном роли англичан. В этой же стране он умер, так больше и не создав семьи.

Переехавшие в Дамаск русские получили акции транспортной компании Transport Transdésertique. В то время автомобильных дорог между Дамаском, Багдадом и Тегераном не было. Ездить приходилось по каменистой пустыне. Это было очень опасно — бедуины нередко нападали на проезжавшие машины, грабили и убивали водителей. Но к счастью, воевать с бедуинами им не пришлось. Перевозили они в основном ковры. Некоторые из таких ковров украшают нынешний бельгийский дом мадам Бекиш.

Гали в Дамаске не работала. Она научила арабскую прислугу готовить русские блюда, но все с удовольствием ели и арабскую

пищу. Елена ходила во французскую смешанную школу в Дамаске. Сирия вместе с Ливаном была в те годы французской подмандатной территорией, управлявшейся по мандату Лиги Наций. Боклевские жили в Дамаске до 1945 г. Там была небольшая русскоязычная колония.

В 1945 г. все французские школы в Сирии были закрыты. Оставшиеся школы должны были преподавать на арабском языке. Родители решили переехать в Ливан. В 1945 г. Елена с мамой и крёстной обосновались в столице Ливана Бейруте. Отец остался в Дамаске, так как у него было больное сердце и ливанский климат был ему противопоказан. 9 января 1947 г. в Дамаске Владимир Боклевский умер. В этом же году в Бейруте Елена закончила школу.

В 1947 г. Елена с мамой приехала в Бельгию, поступила в Лёвенский университет на фармацевтический факультет и закончила его. В 1952 г. Елена приехала в Париж и в течение года изучала бактериологию в Институте Пастера. Эта наука тогда её очень интересовала. Через год был получен аттестат этого института, дававший право работать в лаборатории.

В 1953 г. Елена вернулась к матери в Лёвен. Она работала бактериологом, но из-за отсутствия бельгийского гражданства зарплата была маленькой (до 1962 г. у Елены было сирийское гражданство).

В этом же году Елена вышла замуж за Симеона Ивановича Бекиша. С будущим мужем она познакомилась во время учёбы в Лёвенском университете. Фамилия Бекиш, по-видимому, венгерского происхождения, но сама семья Бекишей была русской и происходила из юго-восточного польского города Межиречь. До революции это была Люблинская губерния Царства Польского. Отец Симеона, Иван Дмитриевич Бекиш (1892–1981), был священником. В 1944 г. Иван Бекиш эвакуировался вместе с семьёй в Германию (в Мюнхен), где служил в лагерях для перемещённых лиц. Симеон до 1947 г. работал на кухне в американском лагере. Из Мюнхена он вместе с родителями переехал в Бельгию, где жил сначала как апатрид (лицо без гражданства). Два года он работал на шахтах, а в 1949 г. поступил на агрономический факультет лёвенского университета.

В 1953 г. Елена и Симеон поженились. Мама Елены, Гали Боклевская, вернулась в Ливан, где и умерла 28 декабря 1961 г. Симеон закончил Лёвенский университет и работал сначала в Бельгийском центре промышленности и ферментации,

расположенном в Брюсселе (семья жила тогда в Лёвене), а затем нашёл работу на пивоваренном заводе в Вербье. В 1955 г. супруги Бекиш переехали в Вербье. Елена в течение года работала в бактериологической лаборатории, а после годичного перерыва она в течение трёх лет работала в текстильной лаборатории (там же, в Вербье).

В 1960 г. у супругов Бекиш родилась дочь Марина. Марина живёт сейчас в районе Банё, она замужем за франкофоном фламандского происхождения господином Виндевогелем. Супруги воспитывают мальчика Тиля (12 лет). Марина закончила факультет славистики Брюссельского свободного университета и свободно говорит по-русски. С Тилем она старалась разговаривать по-русски, но лишь до тех пор, пока он не пошёл в школу. С мамой она разговаривает по-французски.

В 1968 г. у Елены родился сын Олег. Он хирург-дантист, живёт в Вербье, женат на бельгийке, у него две дочери — Софи и Александра. Олег по-русски уже не говорит, но немного понимает. И Марина, и Олег считают себя русскими.

В 1966 г. Супруги Бекиш построили свой собственный дом. В нём Елена прожила с мужем 40 лет. Симеон Бекиш умер 28 декабря 2006 г.

До 65 лет Елена занималась балльными танцами. Вместе с мужем она посещала школу танцев в немецком Аахене, а затем в Льеже. Они участвовали в разнообразных танцевальных турнирах. Супруги много путешествовали на машине по всей Европе, собрали богатую библиотеку русских книг. Елена очень любит читать, четвёртый год подряд она изучает латынь в Льеже, в Университете третьего возраста.

Впервые Елена Бекиш побывала в России в 1983 г. Она приехала тогда в Москву к дочери, стажировавшейся там с 1982 г. В следующий раз она посетила Россию с мужем в 1995 г. для участия в теплоходном круизе по Волге и паломничества по святым местам. В 2002 г. Елена с подружкой совершила теплоходный круиз из Петербурга в Москву. В Москве Елена посетила Третьяковскую галерею, а в Петербурге видела Политехнический институт, в котором когда-то работал её дедушка Константин Боклевский.

Сейчас Елена Бекиш активно участвует в жизни православного прихода льежской церкви имени святого Александра Невского и преподобного Серафима Саровского. Она бессменный секретарь приходского совета.

Альфред Борман (1865–1935)

*Альфред Николаевич
Борман*

Второй брат моего отца Альфред был инженер-кораблестроитель. Он был высок ростом, носил очки — из-за сильной близорукости. Волосы у него, единственного в семье, были тёмные, но тоже, как у всех, курчавые. Он отличался необычайно весёлым характером, всегда шутики, смех, остроумные выходки. Нас, детей, он доводил до колик и рвоты от смеха, дарил дорогие игрушки. Но своих собственных детей видел редко. Альфред Николаевич был женат на маминной кузине Ариадне Тырковой.

У них родилось двое детей: Аркадий и Соня. Но брак не стал долгосрочным. После развода, инициатором которого была Ариадна Владимировна, Альфред Николаевич — отчасти назло ей, отчасти под нажимом семьи Березовских, где он поселился, — женился на девице Березовской. Сразу же после свадьбы с этой девицей он не захотел с ней встречаться, куда-то уехал, в общем, пренебрёг ею.

Через несколько лет он захотел жениться на Марии Анатольевне, урождённой Томашевской. Тогда девица Березовская не дала развода. Жить в Петербурге с неоформленным браком было не принято. Альфред Николаевич с Марией Анатольевной поселились в Выборге. После революции мы его больше не видели, но с отцом они переписывались. Известие о его смерти в возрасте 70 лет было получено в Ленинграде довольно быстро.

Альфред Николаевич и Мария Анатольевна воспитывали её племянников, оставшихся после умершей сестры Варвары. Они, мальчик и девочка, приходились родными внучатами знаменитому артисту Владимиру Давыдову (настоящая фамилия — Горелов).

*Дети Альфреда
Николаевича
и Ариадны
Владимировны
Борман —
Аркадий и Соня*

Ещё одна сестра Марии Анатольевны — Надежда Анатольевна Меншуткина — ранее была замужем за Алексеем Тырковым. Мальчики Меншуткины считались племянниками дяди Альфреда, вот в таком свойстве мы с ними и оказывались. Дети Альфреда Николаевича от первой жены, Аркадий и Соня, попали в эмиграцию вместе с матерью. Пока нам известно, что они там живы, но потомков их мы уже не знали.

За прошедшие годы мы узнали, что Аркадий Борман женился на Тамаре Викторовне Дроздовой, а Соня вышла замуж за полковника русской армии Бочарского. У Бочарских в 1922 г. родилась дочь Ариадна. Ариадна до глубокой старости жила в Лондоне. Потомков у нее не было. У Борманов родились дочери: в 1921 г. — Наталья, а в 1923 г. — Варвара. В 1926 г. Варечка умерла. Наталья с отцом и бабушкой после войны переехала в США. Там она вышла замуж за американца Томона и в 1950 г. родила дочь Екатерину. Наташа умерла в 1955 г. Катя живет в Америке, она замужем за православным священником. Фамилия их Лихварь. У них трое детей: Мария (1977 г. р.), Анна (1978 г. р.), Михаил (1983 г. р.). В 2009 г. Катя с мужем приезжали в Россию, привезли сохранившиеся бумаги Аркадия и Ариадны Владимировны в Государственный Архив РФ. Посетили и Волхов, место, где когда-то была усадьба. (2018 г.)

Альма Николаевна (1867–1919) и Владимир Александрович Поссе

Следующая сестра, Альма, получив среднее образование, связалась с революционными кружками и поехала учительствовать в деревню Костромской губернии. Там она познакомилась с сосланным за революционную деятельность Владимиром Александровичем Поссе. Он был женат, и жена не давала развода. Альма и Владимир уехали за границу. Иногда они приезжали, но в основном жили за границей. Постоянно стали жить в Петербурге после 1905 года, когда несколько ослаб политический надзор, и, кроме того, Владимиру Александровичу удалось добиться развода и узаконить брак с Альмой Николаевной.

Отец Владимира Александровича, Александр Фёдорович, был младшим сыном шведских графов Поссе. Он иммигрировал в Россию. Окончил Путьский институт в Петербурге. Женится на русской дворянке Козлянниковой, помещице Боровичского уезда Новгородской губернии. Будучи инженером-путейцем, служил на постройке Николаевской железной дороги на участке Петербург — Бологое. Его направили для ревизии на участок от Москвы, в связи с тем, что там подозревались злоупотребления. Молва гласила, что встретили его банкетом, на котором отравили, так как в ту же ночь он умер.

Владимир остался без отца с 9 лет и получил воспитание в русской деревенской обстановке. Его брат Константин Александрович был значительно старше его и, будучи профессором математики в Петербургском университете, руководил образованием младшего брата. Владимир Александрович окончил медицинский факультет, а затем юридический, но призвание своё нашёл в литературе. Он занимался издательской деятельностью. Его имя часто упоминается рядом с именами Горького, Пятницкого, Леонида Андреева и другими прогрессивных литераторов. Человек он был увлекающийся и часто добавлял собственные средства в издательские дела, а по политическим мотивам их закрывали и конфисковывали. Таким образом,

его материальное положение было плохо обеспечено, а семьи были большие — по четыре ребёнка в каждой.

Обладая прекрасными ораторскими данными, Владимир Александрович выступал с лекциями на литературные и общественные темы. Он читал их во многих городах России, особенно там, где были высшие учебные заведения. Его лекции пользовались популярностью. Студенческая молодёжь толпами ломилась, чтобы попасть на его лекции. Полиция стояла у дверей — считалось, что он сеет свободомыслие. Я была на одной из его лекций — «Дружба и любовь» — уже в 1922 году.

Лектор разбирал и комментировал эту тему по произведениям различных писателей — Толстого, Чехова, Достоевского и др. Революция уже состоялась, взрывать было нечего, но молодёжь слушала с энтузиазмом.

Среди бормановской родни социалистическая направленность Владимира Александровича не вызывала сочувствия. Считалось, что лучше бы он меньше сражался с цензурой, больше бы обеспечивал свою семью. Альма Николаевна получала регулярную помощь от старшего брата, фабриканта Жоржа Бормана.

В связи с преклонным возрастом Владимиру Александровичу была установлена персональная пенсия и в 1930 году предоставлена квартира в новом доме Ленсовета, на одной площадке с возвратившимся из-за границы Куприным. Под конец судьба оказалась несправедливой к Владимиру Александровичу, как и ко многим, кто активно подготавливал общественность к революционному перевороту. Он почти ослеп к концу жизни и умер в возрасте 76 лет. Было логичным похоронить его на

Альма Николаевна
Борман

Литераторских мостках на Волковском кладбище, но на это не было получено разрешения. Ему поставили в вину, что два его сына числились врагами народа (впоследствии их реабилитировали, одного посмертно). Пришлось его похоронить на участке кладбища, принадлежавшем буржуазным предкам его жены Альмы Николаевны, урождённой Борман.

Как бы ни считала бормановская семья, но, конечно, Владимир Александрович являлся личностью незаурядной. Он был человек с большим именем в литературных кругах и вообще среди интеллигенции. А то, что он не умел успешно устраивать свои денежные дела, рисует его больше как идеалиста, чем коммерсанта. Характерным для идеологии Владимира Александровича явилось одно обстоятельство. В 1918 году в Шведское представительство в Петрограде пришёл запрос на имя Владимира Александровича Поссе, по поводу того, что он в данное время является законным наследником графского титула и майората в Швеции. Владимир Александрович, согласно своим принципам, отказался. А может быть, для его сыновей это оказался бы счастливый жребий. У него от разных жён было одиннадцать детей, из них шесть сыновей, и у всех судьба сложилась неблагоприятно.

Старший сын Лева, из первой семьи, покончил жизнь самоубийством. Второй — Владимир от Альмы Николаевны — провёл жизнь на чужбине; третий — Сергей — оказался затравленным единомышленниками-коммунистами; четвёртого — Пьера — обвинили в соучастии с Сергеем и репрессировали, хотя они жили в разных городах. Пятый сын, от третьей жены — Андрей — попал в железнодорожную аварию и лишился обеих ног до половины голени. С 16 лет он стал ходить на протезах. Надо отметить, что он единственный, кто дожил до преклонного возраста и достиг степени доктора технических наук и звания профессора. Шестой, самый младший сын, Ларион, погиб на фронте в Великую Отечественную войну, в 1942 году.

Может быть, если Владимир Александрович согласился бы уехать в Швецию, где не было войн, революционных переворотов и борьбы за власть, судьбы этих способных красивых людей

сложилось бы несколько счастливее. А с другой стороны, что кому на роду написано?! Всё здесь изложенное только частично относится к бормановской семье, но характерно для того периода истории России.

У супругов Поссе родилось четверо детей, но несчастье в том, что тётя Альма уже к сорока годам была больна сердцем и жила, почти всё время лёжа в кровати. Она умерла 48-ми лет, в 1919 году.

Старшая дочь Катя стала врачом и сейчас полковник медицинской службы в отставке.

*Екатерина
Владимировна
Поссе*

Екатерина Владимировна Поссе — тётя Катя — очень дружила всю жизнь с Музой Сергеевной; она умерла в сентябре 1975 года.

Сын Володя в Гражданскую войну заблудился где-то на юге. Был комсомольским активистом, а потом оказался в Афинах и работал врачом. О его семейной жизни нам ничего неизвестно.

Второй сын, Сергей, родился в Англии. Его всю жизнь звали Бэбкой (от «бэби»). Он родился в день смерти королевы Виктории, и над окном палаты, где лежала роженица, развевался чёрный флаг. Медицинская сестра, обслуживающая пациентку, предсказала: «судьба Вашего сына будет трагичной». Тётя Альма не дожидаясь той трагедии, которая действительно произошла с её сыном. С самого начала революции Бэбка окунулся в партийно-комсомольские дела. Ему тогда было 17–18 лет. Он был к этому подготовлен всей семейной обстановкой, так как его родители постоянно общались с революционной средой. В 1937 году он состоял секретарём обкома партии Белоруссии. В Минске его обвинили в предательстве Родины, аргументом стало то, что он родился в Англии. Пытаясь выудить у Сергея признание своей вины, его забили насмерть. Он умер в камере от перенесённых побоев. Осталась его вдова, Рахиль, с двумя детьми.

Впоследствии его посмертно реабилитировали. Вдове и детям дали пенсии. Они и сейчас живут в Минске. Сын Володя, дочери Альма и Ната — у них уже есть свои дети, но мы их не знаем. Жизнь создала такой парадокс: Володя, т. е. Владимир Сергеевич Поссе, кандидат исторических наук, сейчас занимает ту должность, на которой погиб его отец, работает в том же кабинете, и на стене висит портрет его отца.

Младший сын тёти Альмы — Пьер — родился во Франции и потому так и носил французское имя. Когда тётя Альма умерла в 1919 году, Пьер приехал к нам, так как папа являлся его крёстным отцом, и вообще при голоде в Петербурге было целесообразно приютиться где-нибудь в деревне. Пьер был красивым способным мальчиком 16-ти лет. Мы старались его приучить к нашей трудовой деятельности, но работать он принципиально не считал нужным. Правда, он выполнял всё, что ему поручали, но не делал ни одного шага лишнего. Всё его мировоззрение было аморальным. Но мы считали, что это простая болтовня, что на самом деле он ещё слишком молод. Через два года Пьер экстерном закончил среднюю школу и поступил в институт. Он прекрасно играл в шахматы, был способен к математике и вообще мог бы учиться, если бы захотел, но он не собирался себя утруждать. Так как жить в нашей семье паразитом не удавалось, он переехал от нас и связался с недостойными женщинами, которые вовлекли его в азартные игры, аферистские комбинации, и Пьер совсем сбился с приличного пути. Мы с Катей ходили и увещевали его, плакали, просили вернуться к нормальной трудовой деятельности и жить опять у нас. Он один раз вернулся, но вскоре совсем сбежал и больше у нас не появлялся. Это было в 1923 году, а в 1935-м, будучи связан крепкими узами совместных комбинаций с графиней Татищевой, которую за титул выслали из Ленинграда, Пьер уехал в Воронеж, а затем попал в заключение в Комсомольске-на-Амуре. За свои ли грехи его посадили или как брата «врага народа» — этого мы не знаем. Катю Поссе в эти годы таскали по разным инстанциям и, может быть, не взяли только потому, что она не жила дома. Графиня Татищева не являлась урождённой аристократкой, а была купеческой дочкой — Минаевой. Её собственный

дом находился напротив нашей квартиры, угол Колокольной и Николаевской. Она была даже поэтессой, т. е. сочиняла и издавала свои стихи. С папой она познакомилась как с врачом, а потом стала вхожа и в семью. Была она с состоянием, и потому на ней женился какой-то захудалый граф. Он погиб в начале войны на затопленном немцами пароходе в Чёрном море. После революции Татищева, конечно, осталась без своих капиталов и стала жить кое-какой спекуляцией. Была она лет на 20 старше Пьера, красотой не отличалась, никакой эlegantности в ней не было. Но Пьера она опутала на всю жизнь и погубила окончательно.

В 2014 г. я получила такое письмо от потомка Альмы Николаевны (только не сумела понять его место в родословной Борманов):

«Дорогая Елена Алексеевна! Поздравляем Вас с Новым годом. Будьте здоровы и благополучны. Пытаюсь всё объяснить в нашей посевской и бормановской истории внуку бабушки Альмы (сыну Пьера) Виктору. Не помню, чтобы я ранее упоминал о Викторе. Он живёт в Кинель-Черкассах. В эти края был после 58 статьи сослан Пьер Владимирович и прожил там с женой — казачкой — до глубокой старости, разводя кроликов, чтобы существовать. Мы нашли эту семью, после очень долгих поисков, совсем недавно. В тех же краях он похоронил интриговавшую когда-то всех нас Татищеву. Они остались рядом.

Сыновья Альмы Борман — Сергей и Владимир — дали своим дочерям (1927 и 1928 г. р.) имя своей мамы. Альма Поссе-вторая живёт в Греции (в Салонниках). Детей у неё нет. Имя бабушки Альмы (четвёртой) носит внучка В. В. Поссе (дяди Володи). Она дочь сына В. В. Поссе, тоже Владимира. Живут в Германии. Связь с ними не устанавливается, не пишут. Альма Поссе-третья, моя сестричка, к нашему горю, рано скончалась (11 сентября 2006) и прах её развеян над штатом Мериленд.

Дорогая Елена, не запутал ли я Вас. Мы шлём поклон всему дорогому и памяtnому нам в Петербурге. Все Поссе из Миннесоты, Мериленда, Н.-Джерси благодарят за добрые пожелания.

С Рождеством Вас!

Владимир Поссе, бог весть какой в нашем роду.

2.01.2014 г.»

Больше писем из Америки пока не было.

Сергей Николаевич Борман (1869–1939)

Пятым из бабушкиных детей являлся Сергей, т. е. мой отец. Он был врачом, окончил Дерптский университет. Он был красив, яркий блондин, волосы у него вились, но он всегда стригся коротким ёжиком. Глаза у него были ясные, голубые, со строгим выражением, характер же — весёлый, в молодости даже совсем озорной. Был подвижен, энергичен и решителен. Прекрасно танцевал и фигурно катался на коньках. Окончил в Париже школу верховой езды высшего класса — умел заставить лошадь при танцовывать, когда ему этого хотелось. Так как в Дерпте среди студенчества были приняты немецкие обычаи, в связи с чем считалось обязательным фехтовать и драться на дуэлях, у него остался на руке от раны, полученной на дуэли, большой шрам. Он прекрасно знал языки: немецкий, французский, английский; читал по-итальянски и по-испански. Беллетристику читать не любил, читал только иностранные романы для практики языка, и то больше на сон грядущий. Он говорил, что всё, что в художественной литературе правда, он может увидеть в жизни, а то, что придумывает автор, его совершенно не интересует. Он, мол, сам может и не то ещё придумать. Конечно, врачебная практика давала ему возможность глубоко вникать в судьбы и обстоятельства человеческих жизней, а также в скрытые семейные отношения людей. Отец был очень остроумным и обходительным человеком. Несмотря на то, что для мужчины, собственно, он был маловат ростом, у дам пользовался большим успехом. Чтобы не выглядеть выше мужа, мама всегда носила обувь на низком каблуке. Сразу же после женитьбы Сергея Николаевича на Вере Дмитриевне Тырковой они уехали в Бессарабию, где он был призван в армию и отбывал 2 года воинской повинности врачом в военном госпитале. Мамины братья, военные моряки, хотели, чтобы мой отец отбывал военную службу врачом на флоте, но устроить это не удалось. Его как разночинца и немца во флот не приняли. Он был назначен врачом в пехотный полк.

В Бессарабии, в Бендерах, родился их старший сын Пётр. Отбыв срок службы в армии, отец пытался найти себе деятельность

помимо медицины. Ездил на Алтай за ценной пушниной. Но коммерция эта не удалась. Тогда он с семьёй переселился в Харьков, где стал работать на кондитерской фабрике своего брата Жоржа Бормана в качестве химика-экспериментатора. К этому времени у него уже было двое сыновей, и тут родилась я, в 1901 году. Через два года Харьков покинули. Какие-то мотивы привели к ссоре с хозяином фабрики. В 1903 году родители вернулись в Петербург, и отец стал заниматься частной практикой. Но это недолго продолжалось. Его вновь призвали в армию в связи с войной с Японией. Он всю японскую войну провёл на фронте полковым врачом.

Представляет интерес сохранившееся его письмо с фронта:

18.01.1905 г.

Дорогая Веруся, то, что я пережил за эти три дня, трудно описуемо. Я просто-напросто глуп, что не пустил в ход все средства для освобождения от войны. Перенесённые мною лишения не только физические, но, главным образом, нравственные. Мне стыдно за несчастное войско, за весь постыдный строй нашей администрации, за всю Россию. Как позорно врут все корреспонденты, это трудно себе представить. Я был на передовых позициях, почти в самых редутах, в шагах 200 от японцев. Корреспонденты же сидят в штабах или в ресторан-вагонах в Мукдене, так же как и генералы, и описывают всё со слов наших пьяных героев, которые врут геройски. «Отступление в порядке» — выражение, вызывающее общий хохот, бежали в панике, генералы первые, например на повозках, на кухнях и т. д., и не раз, а в продолжение всей кампании. 12-го числа я прибыл в полк, в этот день открылись во второй раз наши наступательные действия, этот разбег приказа краснобайного. Наш (61 дивизии) полк придали 54 дивизии генерала Артамонова, который должен был исполнить особую задачу: генерал этот, гигантский идиот, как и все они, хочет во что бы то ни стало добиться Георгия и без зазрения совести губит людей, а дела не делает. 14-го наш полк должен был идти в бой, перед тем его почему-то истощали какими-то прогулками за 15 вёрст ночью

и обратно, никому непонятно почему. Наконец полк тронулся часов в 4 дня и к ночи был на позиции, конечно, измученный, утомлённый и замороженный. Мороз доходит до 25 градусов, вечером. В некоторых ротах не больше 5 пар валенок на всех. Мы получили следующую диспозицию от командира полка и дивизионного врача: переехать в новую фанзу в $\frac{1}{2}$ версты от старой (почему?), затем налегке тронуться за полком, в верстах в 2-х от боя открыть перевязочный пункт в одной деревне. Покамест это приказание вылилось в окончательной форме, мы по 5 раз получали разные разноречивые предписания. Хорошо, поехали за полком в означенную деревню, помещения нет, никто не позаботился, деревня занята какими-то полками. С большим трудом удалось нам занять какую-то грязную фанзу, вытеснив оттуда бедных солдатиков. Что же делать.

Закусили и раскинулись на ночёвку, я разбил свою кровать и заснул. Вдруг является ординарец с приказом от командира, по предписанию начальника дивизии врачи должны немедленно следовать за полком и открыть перевязочный пункт в деревне, чуть не у самой передовой линии в сфере огня (что предусмотрено законом). Как ни возмущался наш старший врач, пришлось поднять весь обоз и ночью, в страшный мороз, ехать дальше. Подъезжая к означенной деревне, находящейся на возвышенности, нас стала оглушать ужасная музыка пролетающих мортирных шрапнелей и шимоз; за деревней стояла наша артиллерия и обстреливала, через наши головы, японские позиции. Недурно придумал наш генерал! И в такой обстановке открыть перевязочный пункт! Ты себе не можешь представить, какое сильное и угнетающее впечатление производит пролетающая шимоза, этот свист — не всякий его может перенести, так и кажется, что вот пришёл конец, сейчас сорвёт тебе голову. Старший врач каждый раз корчился, как в истерике, чуть не ложился на землю. Я легко переношу их, но ведь не у всех одинаковые нервы. Снаряды японские ложились недалеко от нас, наши разряжались чуть не над нашими головами. Вообще здесь офицеры больше боятся наших снарядов, чем японских. Для японцев наша артиллерия безвредна, но в собственные редуты она часто попадает.

Ну, приехали в деревню, там уже стоят два перевязочных пункта и батальон какого-то полка. Обыскиваем всю деревню, ничего... негде приютиться. Все землянки переполнены, и нам остаётся ночевать под открытым небом, а завтра может быть горячая работа, где же мы возьмём силы. Возмутительно! Где же забота начальства, почему же нас гонят ночью на место, для чего? Как так велют открыть перевязочный пункт, не имея никакого понятия о местности, об условиях? Как не стыдно этим извергам! Потому бьют нас японцы, потому что наши начальники, спрятавшись в землянке от опасности, бессмысленно во всём распоряжаются, чиркают бумажки и мечтают только о Георгии. Что же нам оставалось делать? Единственный протест, который в наших руках, — подать рапорт о болезни. Нельзя, скажут, что струсил. Приходится смириться и ждать лучших времён. По совету какого-то офицера мы отыскали полуразвалившуюся конюшню и в ней что-то в роде прачечной, конечно, без дверей и окон, тут мы расположились на навозе и ночевали вместе с лошадьми. Перемёрзли, конечно, до мозга, а я почти не закрывал глаз. Один из товарищей начал заболеть. Я сохранил свой гонор и тем немного поддерживал компанию. С нами всё время был и священник. Так обращаются с представителями науки?! А можно было бы прекрасно всё устроить, если бы не было этих генералов.

На другой день мы пошли в штаб дивизии добиваться толку, так как полк за это время несколько раз менял (почему-то?) свою позицию и мы связь с ним потеряли. Начальник штаба полковник Коцебу, напоив нас чаем, предоставил нам временно какую-то землянку около штаба и велел для нас рыть новую землянку.

Землянка с печкой, в которой мы стали отогреваться, не имела окна и была вырыта глубоко в землю, покрыта блиндажом, напоминала склеп; мне казалось, что я нахожусь в гробу, я задыхался, кислороду не хватало, мне давило грудь. Когда мы днём засыпали при свете парафиновой свечи и я просыпался, мне в каждом углу казался покойник, и приходилось долго всматриваться, чтобы разубедиться в этом явлении. Не могу я жить под землёй, не по мне. Но всё-таки мы там проночевали

почти 2 ночи. За это время узнали, что войска Гриппенберга, начавшие наступление, взяли несколько деревень (победоносно), в которых было по 10 японцев, это дозорные посты их, когда же они дошли до первой укрепленной деревеньки, то положили 11 000(!) народу и деревни не взяли — каково! Наши вояки! А всё по той причине, по которой мы мытарствовали. Надо не забывать, что артиллерия перед тем 4 дня не переставала обстреливать японские позиции — конечно, как всегда, без толку, японец почти не отвечал на нашу стрельбу. После этой победы(!) приказано прекратить наступление, и наш полк возвратился на старый бивуак без боя. Струсил наши генералы. Опять-таки мы получаем ночью приказание подняться и возвратиться немедленно на старый бивуак.

Почему немедленно, мы никому не нужны, зачем нас подымать ночью, могли прекрасно приказать быть утром на месте, и всё. Нет, нужно непременно дать окраску чего-то экстренного, важного. Мы все взбешены, один товарищ уже подал рапорт и уехал в госпиталь, и, вероятно, уже освободится совсем. Не только врачи, но большинство офицеров мечтает о какой-нибудь болезни, чтобы иметь предлог эвакуироваться в Россию. Солдаты просто тают под гнетом тяжелой службы, и кто говорит о «бодром духе» солдат — мерзавец и лгун. Солдат навьючен, как животное, и еле двигается — подумай, 300 патронов, кроме всего другого — абсурд — солдаты их зарывают в землю. Всякий готов положить свой труд и жизнь на пользу дела, но являться жертвой безмозглых развратников-генералов — лучше удрать к японцам, что здесь часто происходит. Вчера два солдата перешли к японцам и сказали там наш пароль, японцы тотчас же послали два взвода, которые пробрались в наши окопы и перебили целую роту, покамест было замечено их внедрение. А Куропаткин — что Куропаткин? Ерунда, тоже протекция и показная сторона — а дела никакого. Теперь, сказал полковник, недели через две будет наступление, но из других источников слышно, что японцы начинают наступать, а у нас уже всё готово к отступлению в порядке. Войск здесь теперь так много, что этой отговорки тоже уже быть не может.

Я, в общем, здоров и бодр, немножко кашляю, но это проходит, дела, к сожалению, никакого нет. При первой возможности постараюсь перевестись в госпиталь.

Если хочешь, так перепиши моё письмо и пошли в редакцию для напечатания, пусть знают настоящее положение вещей, я ничего не рискую, если ты напишешь: «Вот что пишет мой муж с передовых позиций».

Прощай, целую тебя тысячу раз и детушек тоже. Поцелуй Колю, Веру Ивановну и т. д.

Сергей

После демобилизации отец ещё совершил поездку по Японии. Вернувшись в Петербург, он вновь занялся частной практикой. В период отсутствия отца наша семья жила в большом бабинском доме. Когда же мамы братья вернулись с войны, произошёл раздел всех земель, принадлежавших к имению Бабино. С этого времени деятельность моих родителей раздваивалась между городом и своей усадьбой, названной Лядинкой (лядина — поляна в лесу). Из расформированных воинских частей отец достал рентгеновский аппарат и установил его у себя в квартире. Он первый в Петербурге открыл частный рентгеновский кабинет. Отец был одним из пионеров в этой отрасли медицины. Так как это было дело совершенно новое, то найти монтажников для аппаратуры не удалось и всё электрооборудование кабинета и установку аппарата выполнили мамы братья: Владимир Дмитриевич и Николай Дмитриевич. Они были специалисты-минеры-электрики и, очевидно, не белоручки. Для усовершенствования своих знаний несколько раз отец ездил за границу, в Париж и Англию. В 1910 году отец открыл лечебницу и частный рентгеновский кабинет на Николаевской улице, угол Колокольной. Были заняты две квартиры, всего 26 окон по фасаду. В 1914 году отец был вновь призван в армию, в чине подполковника, а к моменту революции имел чин полковника и статского советника, так как всё время числился внештатным ассистентом Института усовершенствования врачей, по специальности дерматолога.

Отец имел дома свой рентгеновский кабинет и считался научным работником, писал статьи и книги. В момент революции и Гражданской войны был военным врачом. После демобилизации сдал экзамены на доктора медицины. В 1930 году уехал в Сталинабад, где ему была обещана профессура в медицинском институте. Но институт там не открылся, и они вернулись в Ленинград. Через два года поехали в Мелитополь, в поисках тёплого климата, прожили там только зиму и вернулись домой в Ленинград. За это время арестовали сына Георгия, а через год, в 1937 году, всю семью, проживавшую на Лиговском, 21-Б, выслали в Челябинскую область как семью «врага народа». На самом деле он никаким врагом не был. После отбытия 5-летнего заключения и ещё 20 лет ходатайств он получил полную реабилитацию и возвратился на жительство в Ленинград. Высылке же, собственно, подверглось три семьи — 9 человек, так как все проживали в одной квартире и с той же фамилией.

Женитьба отца сначала была принята враждебно семьёй Тырковых, но впоследствии Сергей Николаевич пользовался большим авторитетом среди всех родственников, как со стороны Тырковых, так и Борманов. Различные семейные конфликты обсуждались и разбирались в нашем доме. Отец обладал трезвым умом и способностью логично мыслить. Он был чужд интриганству, скряжничеству или сутяжничеству, но был очень своевольным и с трудом уживался с начальством, поэтому всю жизнь занимался частной практикой, где сам себе являлся хозяином. Хотя отец был штатским врачом, ему пришлось четыре раза в жизни надевать военную форму и работать в военных госпиталях. Умер отец в возрасте 70 лет в ссылке в Сибири, ст. Петухово, где прожил последние два года. Там он пользовался авторитетом, поскольку такого специалиста у них никогда не было. Несмотря на его преклонный возраст и болезнь стенокардию, он занимал несколько должностей: заведовал дерматологическим отделением, рентгеновским кабинетом и малярной станцией. На похороны собралась большая толпа жителей посёлка, но ни музыки, ни поминок разрешено не было.

*Егор Николаевич
(Жорж) Борман
с братом Сергеем
и его семьей.
1902 год*

Мои родители в полном согласии прожили свой трудный жизненный путь. Отец не дожид до золотой свадьбы 6 лет. Мама пережила его на 10 лет. У них было трое детей: сыновья Пётр, Георгий и дочь Муза.

Пётр (1897–1959) окончил среднюю школу в 1916 году, ускоренным выпуском, отличником, хотя все годы учёбы имел сплошные тройки. Ему хотелось поступить в артиллерийское училище, где был большой конкурс. Он вообще был очень способный и, когда захотел, всё осилил назубок. На фронт он уехал под новый 1917 год. Я помню, что напутственные ему слова отца были: «Помни, что лучше умереть с честью, чем жить без чести». Недолго Петру пришлось быть офицером, но военная выправка у него осталась на всю жизнь. После февральского переворота он был выбран председателем батарейного комитета, и солдаты присудили ему один из полученных на батарею солдатских георгиевских крестов. Когда после Октября фронт разбежался, Пётр уехал в Лядинку, где прожил два года и оттуда ушёл добровольцем в Красную армию. Со своей батареей он стоял в Кавголове. Там у него был роман с местной учительницей. Так как Петя демобилизовался и уехал, связь эта прекратилась.

*Семья Сергея Николаевича
и Веры Дмитриевны
Борман. 1904 год*

Но через год мои родители приняли на воспитание свою старшую внучку Елену. С ними она прожила до 12 лет, когда уехала к матери, которая к тому времени удачно вышла замуж. Елена отчество приняла от отчима.

На «финском» фронте Пётр был уже командиром батареи. Однажды я с мамой ездила туда его навестить. Я видела замаскированные пушки. По-моему, они ни в кого не стреляли, но всё же Пётр был представлен к награде орденом Красной Звезды. Советские ордена тогда были только что учреждены, в 1920 году. Получить орден он не успел, так как демобилизовался и сразу уехал в деревню, где занялся хозяйством и охотой, а через год женился на Марии Плотниковой. В 1926 году было предписано выселение с хутора, а когда уже выехали и постройки были снесены, пришло извещение на отмену выселения как бывшему воину Красной армии. К этому времени Пётр уже возобновил учёбу в Лесотехнической академии, ни

о каком возвращении не могло быть и речи. В 1937 году со второй женой Алисой Альбертовной и с дочкой Тусей (Натальей) его отправили в административную ссылку в Сибирь, ст. Петухово. Там лесов не было, и приходилось зарабатывать на разных случайных работах. Пётр Сергеевич просил перевести в более подходящий ему район. Вместо того его на 10 месяцев посадили в челябинскую тюрьму, где держали без суда и следствия. Выпустили так же, не предъявив никакого обвинения.

Пробыв почти три года в Петухове, мы все были возвращены к своему основному месту жительства в Ленинград. Ровно через год грянула война с немцами

Пётр Сергеевич опять ушёл добровольцем, в артиллерию Красной армии. Сперва он был сержантом, потом за боевые заслуги получил производство в лейтенанты. Награждён и получил орден Красной Звезды.

Семья Борман. 1916 год

*Пётр Сергеевич
и Георгий Сергеевич
Борманы.
1928 год*

В связи с серьёзным ранением в правую руку был направлен на нестроевую должность — заведовать военной кафедрой в Свердловском университете. Пётр Сергеевич имел прекрасное образование, обладал широким кругозором. Написанную им и сданную в Л.Т.А. кандидатскую диссертацию защитить не успел. Помешал инфаркт. В 1959 году Пётр Сергеевич приезжал в Ленинград и договаривался о защите, но по возвращении в Свердловск через три недели умер — внезапно, в лыжном походе. Всю жизнь он знал, что у него порок сердца, но никогда себя не берёг и, обладая большой физической силой, часто злоупотреблял ею себе во вред. Это был человек крайне эмоциональный, энергичный, очень деятельный, но, главное, он обладал замечательным характером: всегда мажорный, подвижный, незлобивый, с большим радушием относившийся к людям, с обаянием, привлекавшим к нему симпатии окружающих его. Студенты его очень уважали, и на его могилу собственноручно выковали чугунную ограду и установили памятник — большой валун.

Пётр Сергеевич имел троих детей: старшая Елена уже бабушка, живёт с мужем в Новокузнецке; там же и её дочка Любочка с мужем и сыном Митей Нестеровичем. Вторая дочь — Наталья — от брака с Алисой Альбертовной Компаньен умерла 9-ти лет в блокаду Ленинграда.

*Елена — дочь Петра Сергеевича —
с мужем Яковом Сухачевским*

*Любовь Яковлевна
Сухачевская.
1962 год*

Третий раз он женился на Людмиле Комлевой в Свердловске, где и проживает с матерью его сын Андрей. Он окончил архитектурный техникум, учится в университете, женат, имеет дочь 1973 года рождения.

Андрей Петрович Комлев родился в 1947 году. После смерти отца в 1959 году его воспитанием занимался его дядя — Георгий Сергеевич Борман, который в то время жил в Свердловске с семьёй брата. Под руководством дяди, преподавателя черчения и рисования, Андрей окончил строительный техникум и стал работать по специальности.

Но с юности его страстью были литература и история, он рано начал писать стихи, не только лирику, но и исторические поэмы о русских князьях-воинах. Продолжая работать, он поступил на филологический факультет Свердловского университета. Чтобы иметь больше времени для занятий литературой и в то же время зарабатывать на жизнь, Андрей перешёл на работу разъездным механиком при вагонах-холодильниках. Во время длинных перегонов хорошо работало над стихами, а кроме того, любознательному человеку представилась возможность побывать в самых разных уголках нашей огромной страны.

В ранней молодости он увлёкся «Словом о полку Игореве» и занимается исследованием этого произведения всю жизнь.

*Андрей Петрович
Комлев с дочерью
Анастасией. 1994 г.*

В 1985 году к 200-летию открытия рукописи Андрей Петрович организовал великолепное юбилейное издание её с переводом, иллюстрациями и собственным ритмическим переложением, под редакцией профессора ЛГУ В. В. Колесова. Рецензентом этого издания был академик Д. С. Лихачёв. В 1995 году под редакцией Лихачёва Институт русской литературы (Пушкинский Дом) выпустил пятитомную Энциклопедию «Слова о полку Игореве». В этой энциклопедии помещена статья о Комлеве Андрее Петровиче как о серьёзном исследователе «Слова» (т. III, с. 64–65), кроме того, в других статьях много ссылок на его труды. Глубокая работа над поэмой привела Андрея к созданию нового перевода её со старославянского, перевода более точного, более красивого и современного. Этот перевод был напечатан в журнале «Урал», № 1 за 1997 год.

Андрей женат в четвёртый раз, но ребёнок у него один — дочь Анастасия. Красивая девушка, учится на филологическом факультете, который окончил её отец. В конце 1999 года она вышла замуж и уехала на Украину, к месту службы мужа.

Второй сын, Борман Георгий (1899–1968), также окончил Лесотехническую академию им. Кирова, после выселения с хутора. Обладал серьёзными художественными способностями, прошёл ещё архитектурные курсы и изменил свою специальность. Большую часть своей жизни работал преподавателем черчения

*Георгий Сергеевич Борман.
1966 год*

*Игорь, сын Георгия
Сергеевича. 1971/72 год*

и рисования. Он был очень красивым, талантливым в рисовании и в музыке, трудолюбивым, но болезненным и раздражительным человеком. Удачи ему в жизни не было. В 1935 году, т. е. в возрасте 36 лет, он был осуждён на 5 лет за агитацию против советской власти. В этом обвинении не приводилось ни фактов, ни свидетелей. Этим осуждением его жизнь вконец была исковеркана. Первый его брак с Сашей Плотниковой окончился через два года разводом. В Ухте, где он прожил 18 лет, он женился вторично, но опять счастливой семейной жизни не получилось, с разочарованием он переехал в Свердловск, где жили его сын Серёжа и брат Пётр Сергеевич. В Свердловске он прожил до полной реабилитации в 1964 году. Вернувшись в Ленинград и получив комнату, он жил пенсионером, болел и умер от инфаркта в возрасте 69 лет.

Его старший сын Сергей — инженер-геолог, с семьёй проживает в Свердловске. У него сын Миша. В Ухте остался сын Игорь 1953 года рождения.

Младшая в семье Сергея Николаевича — дочь Муза, инженер-мебельщик, вышла замуж за своего троюродного брата Колесникова Евгения (III). У них сын Алексей 1923 года рождения.

Евгения Николаевна (1872–1942)

*Евгения Николаевна
Борман*

Из многочисленных папиных братьев и сестёр следующая за ним шла Женя. Бабушка была не в состоянии справиться с её необузданным поведением и принуждена была поместить её в закрытое учебное заведение. Таким образом, Женя окончила Институт благородных девиц. Затем она благопристойно вышла замуж за Назарова, имела от него дочку Женичку и вскоре развелась. Второй брак был с Давидом Карловичем Тироном. У них родилось двое детей: девочка Альма и мальчик Карл, или Чарлик, как его звали на английский манер. С Тироном Евгения Николаевна

прожила лет пятнадцать. Он ушёл из семьи, а через год она вновь вышла замуж — за Бонч-Осмоловского. Он умер от тифа в начале двадцатых годов. Она осталась вдовой в сравнительно ещё молодом возрасте. В том же году умерла её дочь Альмуша. Жили они в Ташкенте; после таких утрат тётя Женя вернулась на жительство в Петроград вместе с сыном Чарликом, который был студентом Университета. Евгения Николаевна умерла в 1942 году, в мае. Пережив первую зиму блокады Ленинграда, весной она заболела пневмонией, и истощённый организм в её 70 лет не справился с болезнью. В Ленинграде она оставалась одна, так как семья её сына, с которой она жила до войны, находилась в эвакуации. На каком кладбище в братской могиле она похоронена — неизвестно.

Старшая дочь Евгении Николаевны, Женичка Назарова, с детства славилась своим озорством, а девицей — своим своеволием. Она была очень красивая: высокая, светлая блондинка, большие яркие голубые глаза, чудесный румянец. Её внешность была того же типа, что и у моего племянника Серёжи Бормана; своих детей у неё не было, и она просила уступить ей этого мальчика, он вполне сошёл бы за её сына.

*Три кузины
(слева направо) —
Софья Альфредовна Борман,
Екатерина Владимировна
Поссе, Евгения Назарова.
1911 год*

Кроме высшего образования она отлично владела иностранными языками: немецким, английским и французским. Женичка первый раз вышла замуж наперекор родительской воле и через год развелась. Второй её муж был известный в Петербурге адвокат Коняевский, намного старше неё. Жила она с ним прекрасно, но через несколько лет он умер, оставив её молодой вдовой. Через несколько лет она в третий раз вышла замуж, за немецкого инженера Карла Карловича Тринкауса. Знание иностранных языков способствовало тому, что она по работе соприкасалась с иностранными специалистами, в то время приглашённых в Советский Союз на работу. Совместная счастливая жизнь с мужем продолжалась недолго, наверное, года два или три. У них была прелестная квартирка, окнами на Неву, вообще материально они оказались лучше обеспечены, чем русские инженеры. Последний раз мы видели чету Тринкаусов в 1935 году, когда они перед поездом, уезжая на Кавказ в санаторий, зашли к моему отцу попрощаться. Не доезжая до места назначения, на какой-то промежуточной станции их

сняли с поезда и каждому определили дальнейший отдельный путь. Что случилось с Карлом Карловичем, осталось для нас неизвестным, вернее всего, его выслали в Германию.

От Женички пришли известия уже из Магадана. Об этом неприятном инциденте сразу нам ничего не было известно. Только через несколько месяцев просочились кое-какие сведения. Тётя Жёня в это время с семьёй сына находилась в экспедиции на севере. Мы переживали, тревожились и удивлялись тому, что папа не был задет этими событиями, ведь на вокзал-то Женичка с мужем ушли прямо от нас. Кроме того, папа во всех анкетах писался «немец», только уроженец и русский подданный. Я ручаюсь, что Карл Карлович не пропагандировал фашизм, который в это время развивался в Германии; у нас были для этого самые подходящие условия. Все в семье говорили по-немецки, и он мог свободно общаться с папой и с моими братьями. Обычно он был молчалив, сосал свою трубку и не сводил глаз с Женички, слушая её болтовню, она была очень оживлена и остроумна.

По отбытии трёх лет на Магадане Женичка должна была возвращаться на пароходе «Индибирка». Стало известно, что этот пароход в шторм затонул у берегов Японии. Тётя Жёня каким-то не официальным путём получила некоторые сведения и сумела встретиться с одним из спасшихся моряков. Их было трое, выплывших на какой-то безлюдный берег. После нескольких дней безрадостного на нём пребывания они были сняты с этого берега нашими рыбаками. Конечно, этот моряк ничего не мог сказать о судьбе пассажиров, ведь они спасались совершенно самостоятельно. Некоторых утопающих выловили японцы, они впоследствии попали в Америку.

Вернее всего, что Женичка погибла в этой катастрофе, так как от неё больше никогда никаких вестей не приходило. Не помню, было ли в то время официальное сообщение о гибели «Индибирки», во всяком случае, если и было, то без подробностей. Сейчас появилась статья, подробно излагающая всю эту трагедию.

Журнал «Огонёк», 1974, апрель, № 16

Разноликие острова ХОККАЙДО

...Много бурь прошло, но тот декабрьский день 1939 года мы, старики, никогда не забудем и вот те скалы. Лодки, рыбацкие промысловые суда стараются подальше держаться от коварных рифов. Но 13 декабря 1939 года советскому пароходу «Индибирка» не удалось избежать встречи с ними. «Индибирка» шла с Камчатки курсом на Владивосток. На борту находилось 1064 пассажира — рыбаки и их семьи. (Кроме того, ещё и репрессированные, отбывшие срок. — М. С.)

Налетел ураган. Волны перекатывались по палубе, громили и рушили всё на своём пути: мачты, надстройки, такелаж. А когда был выведен из строя рулевой механизм, судно стремительно понесло на рифы. Получив сразу несколько пробоин, «Индибирка» легла на правый борт, прошли считанные минуты, и её корпус наполовину погрузился в ледяную воду...

«Произошла одна из самых больших трагедий в истории мореплавания, в результате которой погибло более 700 человек». Эти слова высечены на чёрном граните плиты, установленной рядом с памятником погибшим. Памятник воздвигли недавно...

Младший сын тёти Жёни — Карл Давидович Тирон — живёт сейчас в Ленинграде. Он кандидат географических наук, океанограф. Его жена Зоя Михайловна, урождённая Положенская, тоже географ. Она написала книгу «Об ураганах». Их сыновья Фёдор и Юрий уже давно имеют своих детей. У Фёдора сын Миша, а у Юрия дочь Ира.

В связи с моими изысканиями по геральдике мой двоюродный брат Чарли Тирон недавно познакомил меня с историей своей фамилии. У них в семье имелась книга фамильной геральдики со всеми гербами и их родословной. Эту книгу они в тридцатых годах собственноручно сожгли, «дабы чего не вышло». Оказывается, их род Тиронов, или, как произносится по-английски, Тайронов, происходит по прямой линии

от ирландских королей, изгнанных в XVII веке англичанами из Северной Ирландии, где до сих пор сохранилось название графства — Тирон. Упоминается в «Ленинградской правде» от 16 февраля 1974 года, в связи с взрывом в г. Данганнон. Сперва изгнанное королевское семейство скиталось по европейским странам, пока его члены не осели окончательно в Эстонии и даже стали помещиками в Псковской губернии. У отца моего кузена, Давида Карловича, уже не было ни титула, ни поместья, ни капиталов. Был он обычный петербургский интеллигент, юрист по образованию — адвокат.

Во время Великой Отечественной войны Чарли Тирона сперва призвали в действующую армию лейтенантом, он сражался на Калининском фронте. Затем он с фронта был отозван, и несколько раз его вызывали и допрашивали из-за фамилии, но до ирландских королей не добрались. Позже его как специалиста затребовали в Северный военный флот. В послевоенный период он был награждён орденом Трудового Красного Знамени и медалями.

Владимир Николаевич и Роза Николаевна

Следующий папин брат, Владимир — юрист, музыкант. Имел нотариальную контору в Двинске, но в 1916 году, в связи с наступлением немцев, со всей семьёй уехал в Читу, позже переехал в Красноярск. Кроме своей специальности он ещё занимался музыкой как профессионал. Сочинял и издавал романсы под фамилией Бармаков. А после революции, лишившись своего чиновничьего места — инспектора по берегательным кассам, стал давать уроки музыки и английского языка. В последние годы его жизни вся их семья перекочевала в отвоёванную от немцев Ригу. Старший сын Коля — врач, там и умер в молодых годах (около 40 лет). Он оставил на воспитание своей второй жене Анне Васильевне (ныне Попцовой) сына Колю. Теперь Коля военный инженер авиационных войск. Его жена Зоя и мальчик Коленька нам очень симпатичны.

*Владимир Николаевич
Борман с матерью
Терезой Густавовной
и дочерью Любочкой.
1908 год*

Я с ними в переписке. Самая старшая дочь Владимира Николаевича — Люба — тоже живёт в Риге. Она в этом году (1972) потеряла мужа Сергея Афанасьевича. Мы с ними дружили с тех пор, как они из далёкой Сибири переехали в Ригу, и Сергей Афанасьевич неоднократно приезжал в Ленинград. И младший сын Игорь живёт в Риге. У него был сын от первой жены Нины — Володя. Последний, вероятно, из ревности, застрелил свою жену и сам застрелился. Остался мальчик без родителей. Его зовут Костя Борман. Всё это происходило в Москве. У Игоря ещё есть дочь Наташа, уже взрослая, и ещё сын от последней жены латышки — Ивар. Этот Ивар пока ничего хорошего из себя не представляет. Жениться он сумел, но, кажется, семью не содержит. На долю сыновей дяди Володи выпали трагические жизненные ситуации, которые частично коснулись и нашей семьи. Коля и Игорь Борманы были в Красноярске женаты на двух сёстрах, Наде и Нине. Судьба этих девушек

Роза Николаевна
Борман

очень трагична. Их отец и брат были в белых войсках, наверное, с Колчаком. Они ушли через границу, а мать с девочками осталась при советской власти, в Красноярске. Девочкам было 15–16 лет. Мать арестовали, и они потеряли её совсем. Как-то они существовали, а потом вышли замуж. Но когда у них уже были годовалые сыновья, их тоже забрали и отправили на поселение в Туруханский край. Коля туда же завербовался и работал там врачом. После трехлетней ссылки этих девушек не отпустили, а наоборот, приговорили к отбыванию восьми

лет в лагерях со строгой изоляцией. Таким образом, они были переведены в Ухтинский лагерь, где отбывал заключение мой брат Жорик. Кто-то обратил внимание на совпадение фамилий, и их свели и познакомили (конечно, нелегально). Старшая сестра Надя произвела на Жорика большое впечатление, хотя, впрочем, Нина была гораздо милее и симпатичнее. Когда Жорик отбыл свой срок, у Нади ещё оставалось три года отсидки. Жорик не вернулся из Ухты, а остался там вольнонаёмным, работая в архитектурно-планировочном бюро, и даже возглавлял что-то. Это было в 1941 году, весной, перед самой войной. Тогда мама с Серёжей поехали к нему в Ухту на всё лето и уже в связи с войной совсем там застряли. Мама жила в Ухте восемь лет, и, может быть, ей было это совсем не вредно. Серёжа уехал несколько раньше. Во всяком случае, это уберегло их от голодной смерти в блокаду. Надя же, выйдя на свободу, не захотела связывать свою жизнь с Жориком и совсем уехала из Ухты. Мама осталась жить с Жориком, так как сын его Серёжа уезжал продолжать образование и Жорик оставался один, а переезжать в другое место ему, репрессированному, было очень рискованно, в смысле оформления на работу. Таким образом, последние восемь лет своей жизни мама прожила вдали от всего

родного. Я привезла её в Ленинград за три недели до её смерти, в 1949 году.

Ещё у папы была младшая сестра Роза. Я мало что о ней знаю, кроме того, что у неё был легендарно плохой характер: капризный, вздорный и обидчивый. Так её характеризовали её сестра, братья и мать. Она была замужем за архитектором Симановским, но разошлась с ним, когда дети были ещё маленькие. Дочь звали Наташей, а сына Борей. После революции они оказались в Германии. Первые годы что-то было о них известно, а примерно с 1925 года всякие сведения прекратились. Мы ничего о них не слышали.

* * *

Это всё, что мне известно о бормановской родне. Фамилия Борман часто встречается. Я могу с уверенностью сказать, что Мартин Борман (гитлеровский маршал, военный преступник) нам не родня. А вот космонавт (американский) Франк Борман может быть сыном одного из моих племянников. Надо знать имя его отца. По возрасту он может быть сыном Феликса, или Евгения Эмильевича, или Егора Леонидовича Бормана. Но вернее всего, что это не так. Хотя в журнале «Америка» есть фото его сыновей, и они совершенно в бормановском типе.

Часть V

КОЛЕСНИКОВЫ

Происхождение, семья, хутор Бор, судьбы

Происхождение фамилии

Родоначальником фамилии Колесниковых надо считать Евгения Степановича, который, согласно семейному преданию, в середине XIX века пришёл в Петербург из Сибири (возможно, из Томска) в лаптях, имея в кармане один рубль денег и рекомендательное письмо к кому-то, кто его определил на службу писарем в Городское управление, где он и проработал 40 лет и дослужился до чина тайного советника. Предполагается, что он не был сыном крестьянина, а скорее происходил из семьи мелкого чиновника. Как будто его отец был начальником почтовой станции в Сибири (станционный смотритель). Это по смыслу сходится и с фамилией. Очевидно, Евгений Степанович имел какое-то образование и, главное, обладал хорошим почерком, что в те времена было очень существенно. Достаточно освоившись в столичной обстановке, он стал вести различные судебные дела. Был так называемым стряпчим и ходатаем по юридическим вопросам и таким образом составил себе некоторое состояние. У него имелся собственный дом на 9-й Роте (9-я Красноармейская ул., 11). Евгений Степанович был страстным охотником. Каждое лето он проводил на Волхове, где построил дом, где в нижнем этаже поселил егеря, а верхний этаж занимал сам с семьёй. (После его смерти дом остался за егерем Детининым.) Обстановка детства сына Евгения Степановича, Евгения, способствовала развитию охотничьей страсти мальчика. С малых

лет он пристрастился к охоте на волховских заливных лугах, где было множество различной дичи.

Евгений Степанович умер ещё до того, как его сын женился на Софии Владимировне и вошёл в семью Тырковых. Поэтому о нём осталось мало сведений. Когда умер Евгений Степанович, мы не знаем, но похоронен он на Новодевичьем кладбище в Петербурге. Могила его была цела ещё несколько лет назад, её удалось найти его внуку Владимиру Евгеньевичу.

Жена Евгения Степановича — Мария Фоминична, урождённая Массенбердт. Мать её была немка, отец англичанин. Он являлся специалистом по артиллерийскому вооружению, продал России какое-то изобретение по артиллерии и служил в Петербурге в арсенале. Был ли он военный или чиновник, нам неизвестно.

Мария Фоминична была намного моложе мужа. Я узнала её, когда ей исполнилось 90 лет. У неё были изумительно красивые, совершенно белые волосы. Она делала из них замысловатые причёски. Была ещё настолько бодра, что надевала белое платье с кружевами и шла в Вергежу за 3 км пешком. По-русски она говорила неважно, считалось, что она и по-немецки говорит неправильно, а по-английски совсем не умеет. Вообще, интеллекта в ней не ощущалось, но славилась она как умелая хозяйка. Она дожила до 96 лет, умерла в 1925 году в Ленинграде.

У Евгения Степановича и Марии Фоминичны было трое детей: Мария, Ольга и Евгений.

Мария была замужем за Васильевым, и у них родилось два сына. Старший, Евгений, дожил в Ленинграде до 70 лет, но потомков у него не осталось. Младший, Владимир, умер очень молодым — лет 25-ти. У него была дочь, но мы утратили связь с его вдовой.

Ольга Евгеньевна вышла замуж за военного, впоследствии генерала Криницкого. Они оба умерли рано, и их дети-подростки остались на попечении её брата Евгения Евгеньевича и его жены Софии Владимировны. К началу войны 1914 года это были взрослые люди. Сведения о Николае и Ольге Криницких прекратили поступать с 1923–1924 годов.

**Мировой судья
Евгений Евгеньевич Колесников (1861–1929)
и его жена София Владимировна (1874–1955)**

Евгений Евгеньевич окончил петербургский Александровский лицей. Ко времени своей женитьбы на Софии Владимировне Тырковой он был мировым судьёй в Петербурге и имел свой дом на 9-й Роте (полученный в наследство от отца). К моменту революции Евгений Евгеньевич имел вполне солидную репутацию в юридическом мире: был мировым судьёй с большим стажем, кроме того, являлся попечителем Арестного дома; имел чин действительного статского советника. С юношеского возраста увлекаясь охотой, Евгений Евгеньевич, уже имея известное положение, явился организатором петербургско-новгородского отдела «Императорского общества правильной охоты», которое действовало по всему Волхову до самого Новгорода. Он же стал и его бессменным председателем в продолжение нескольких десятков лет. Это был человек высокой принципиальности и прямолинейной честности. К детям своим относился строго, но никогда ни одного не тронул пальцем. Сам Евгений Евгеньевич не пил вина вовсе, но очень любил общественные застолья, часто посещал рестораны в компаниях солидных сверстников. В либеральной семье Тырковых Евгений Евгеньевич считался ретроградом-домостроевцем. Революционеров он приравнивал к безответственным болтунам и фантазёрам. На деле оно так и получилось, так как большинство из них сбежало от революции. Для него самого революция явилась потрясающим событием, не просто в личном материальном отношении, но в основном перечёркивалось всё его строго юридическое мировоззрение. Все моральные ценности ставились с ног на голову, как оно было в первый период после Октября. Получали подтверждение его критические суждения о безответственных болтунах. Кроме того, появилась опасность подвергнуться мщению какого-нибудь им осуждённого уголовника, так как в первые дни революции открылись двери тюрем для всех заключённых.

*Евгений Евгеньевич
Колесников. 1902 год*

*София Владимировна
Колесникова*

В 1906 году Евгению Евгеньевичу удалось купить для своей семьи хутор-дачу в трёх верстах от Вергежи, около деревни Ульково близ Волхова. Назывался он хутор Бор. Когда-то здесь было большое имение. Хозяин проигрался в карты и срочно его продавал. Евгений Евгеньевич как юрист помог крестьянам купить пахотную землю через крестьянский банк, а так как сама усадьба с 10 десятинами парка была для них лишней, он приобрёл её для себя. Были там дом, флигель и несколько маленьких хозяйственных построек.

Большого сельского хозяйства на этом хуторе, собственно, не велось. Имелось несколько коров и лошадей, кроме того, множество разнообразной мелкой твари: козы, кролики, куры, гуси, утки, индейки и даже два ослика с таранасиком. Всё это носило больше экспериментальный характер. Птица была выдающихся пород и даже иногда выставлялась на выставках и получала награды. Евгений Евгеньевич в будничной жизни требовал строжайшей экономии, зато дачу оснащал новейшей механизацией. Он любил технические новинки. У него были моторная лодка, первая на Волхове, сепаратор, косилка

*Евгений Евгеньевич
Колесников
с сыновьями
Евгением (с ружьем)
и Владимиром.
1913 год*

и грабилка, на которой работали София Владимировна или старшие сыновья. Ещё были разные, самой последней марки, хозяйственные механизмы: особенная шинковка, патентованная корнерезка и соломорезка. Они иногда даже выписывались из-за границы. В Петербурге на квартире имелся небольшой токарный станок, и Евгений Евгеньевич сам на нём работал. Любя выписывать усовершенствованные предметы, Евгений Евгеньевич даже получил из Германии охотничью собаку с особой дрессировкой и необыкновенные охотничьи сапоги.

В связи с продовольственными трудностями в городе и отсутствием средств к жизни в первые же месяцы после октября 1917 года всей семье пришлось переехать на свою дачу. Евгений Евгеньевич стал жить в окружении ружей, патронов и охотничьей библиотеки. Иногда он писал статейки в охотничьи журналы. В хозяйстве он участия не принимал. Был страстным собирателем грибов, которые обильно росли тут же на участке. Лужайки в парке, правда, перепахали, но ещё оставалось много местечек и для грибов. Когда жизнь немножко вошла в нормальные рамки, Евгений Евгеньевич обязательно раз в году приезжал в город на выставку охотничьих собак, брал молодых собак в натаску. Одно лето у него на воспитании

было девять собак. Он, так же как и раньше, состоял председателем охотничьего общества Новгородского уезда. На охоту он ходил на прилегающие к хутору болота и стрелял в основном гаршнепов, что требовало особого качества стрельбы.

Я была очень дерзкая и часто спорила со свекром, доказывая его неправоту во многих суждениях, но он ко мне очень хорошо относился и прощал мне мои противоречия, разница в годах и жизненном опыте была слишком для него убедительна. Умер Евгений Евгеньевич в возрасте 69 лет от воспаления печени, после нескольких дней болезни.

У Колесниковых было четверо детей: Евгений, Владимир, София и Пётр. Все жили в Ленинграде, личная судьба каждого сложилась по-разному.

Пётр Евгеньевич (1906–1973) — младший сын

Переходя к следующему поколению Колесниковых, приходится по некоторым соображениям отступить от принятого порядка изложения по старшинству и, наоборот, начать с младшего.

Пётр Евгеньевич в семье был младший — старшему брату было уже 10 лет, когда он родился. Эта разница в возрасте сыграла роковую роль в его жизни. Когда семья Колесниковых переехала жить в деревню, ему исполнилось всего 12 лет, ещё можно было отложить заботу о его образовании. А дальше так и пошло: жизнь усложнялась, всё меньше было возможностей. В Петрограде наступили голодные годы. Все жили очень стеснённо. Старшие братья и сестра сумели вырваться из деревенской жизни и разъехались. Пётр оставался там до 1929 года. На него начали валиться все шишки политических преобразований. Подвели его под раскулачивание. Отец умер ещё весной, а в начале зимы Петю вызвали с лошадью в район, лошадь забрали, больше он и не видел им же выращенного Махно. Его самого арестовали и держали в Чудове в камере при милиции. Я ездила к нему, возила передачу. Его свободно выпускали посидеть со мной на станционной скамеечке. Ему ставилось

вину «разбазаривание своего имущества по деревням». Такова была формулировка обвинения. Действительно, они продали два своих буфета соседским крестьянам, так как София Владимировна собиралась переехать в город, и сама успела уже уехать. Недели через две Петра перевели в новгородскую тюрьму. Я ездила в Новгород его выручать. Там надо было найти одного знакомого, его будущего тестя, бывшего раньше сыщиком, — Давыдова. Этот последний имел связи с тюремной судейской братией и мог оказать нужную протекцию. Собственно, конечно, дело было явно дутое, но можно было решить его и с нежелательной стороны. Этот Давыдов был очень характерный тип, у него, по-моему, даже нос был с сыщичьим нюхом. Меня он принимал, как какую-нибудь герцогиню. Ещё там присутствовал брат Петиной невесты. Я была в ужасе. Вместо того чтобы всё это проворачивать шито-крыто, они меня возили на извозчике, сами были подвыпивши и даже к тюрьме с передачей подкатили на лихаче. После этих наших хлопот Петю скоро отпустили, но на хутор он уже не возвращался. Там всё пропало: инвентарь, вещи и скот. Дом пошёл под деревенский клуб, остальные постройки разобрали и развезли. Петя сватался к дочери мельника из соседней деревни, Лидии Ивановне Филипповой. Очень скоро, после ареста Петра, они с матерью были захвачены дома врасплох и в эшелоне таких же репрессированных отправлены на север, в лагерь. Отец Лидии тоже уже был сослан. Раньше он служил пожарником в Петербурге и только в нэповские годы построил мельницу в своей деревне, и вот так за это расплатился. В ссылке, где он пробыл пять лет, он работал инструктором в слесарных мастерских. Для того чтобы выручить Лиду из заключения, Петя поехал туда, оформил брак, и с новой фамилией ему удалось её вывезти из лагеря. А её мать несколько позже просто оттуда уехала. Вот так, без образования, без специальности, началась самостоятельная жизнь Петра и Лиды. Он стал работать слесарем-монтажником, а затем и учиться в вечерней школе. Материально приходилось трудно. Уже появилась дочка. Когда Пете надо было сдавать экзамены за 7-й класс, подошла паспортизация. Ему отказали

в паспорте — как выехавшему из деревни в 1929 году и подвергавшемуся раскулачиванию. Тогда София Владимировна ездила в Москву к Крупской и с её помощью отхлопотала ему право жить в Ленинграде и получить паспорт. Экзамены были сорваны, и в техникум поступить не удалось. Специальность слесаря-монтажника так у него и осталась.

В финскую войну его призвали сразу; всю войну был разведчиком, и только за пару дней до конца войны Пётр получил ранение в колено и остался с хромотой на несколько лет. Годы войны Пётр Евгеньевич пробыл в эвакуации с военным заводом в Кирове. Условия жизни были очень тяжёлыми. Завод ставили на пустыре. Приходилось голодным ходить за 5 км в каждый конец. Но всё это осталось позади, и с победой вернулись в Ленинград. Здесь жизнь уже начала налаживаться. В 1956 году родители Лидии Ивановны начали строить свой домик в Тайцах. Этим хозяйством Пётр Евгеньевич увлекался. Выйдя на пенсию в 1966 году, много времени посвящал своим посадкам и по полгода жил там на воздухе. Характер у него был спокойный, жизнерадостный. Очень работающий, увлекающийся охотник, как и отец, Пётр Евгеньевич вёл очень спокойный образ жизни. Дочки хорошо жили замужем, и средств к жизни было достаточно.

Казалось бы, всё спокойно, и вдруг — заболевание, диагноз неоперабельной опухоли. Пётр Евгеньевич скончался нынче летом, после 3 месяцев болезни, в возрасте 67 лет. Трудную жизнь он прожил, и трудная у него была смерть. Ведь он знал, что дни его сочтены. Он был младшим братом не только моему мужу, но и мне. Я же знала Петра с 10-летнего возраста, и долго мы жили в одной квартире.

*Петр Евгеньевич
Колесников. 1940 год*

*Дочери Петра Евгеньевича
Колесникова —
Софья (старшая)
и Ариадна (Адя).
1947 год*

Дочерей Петра Евгеньевича зовут семейными именами — София и Ариадна.

Соня родилась 9 мая 1931 года, окончила Институт киноинженеров и всю жизнь проработала на заводе. Она была замужем за Ромуальдом Завьяловым; он умер в 1993 году. Сейчас она живёт с дочерью Ольгой и её семьёй. Оля замужем за бизнесменом Александром Щетановым. Она окончила Педиатрический институт, работала врачом на скорой помощи, но в настоящее время, поскольку здоровье у Оли не крепкое, а муж семью хорошо обеспечивает, она не работает и вместе с матерью занимается воспитанием сына Пети, родившегося в 1985 году.

Лет десять назад домик в Тайцах был подожжён и сгорел, но понемногу отстраивается, и Софья Петровна с Петей всегда проводят там лето.

В первые годы XXI века Ольга и Александр построили дом на берегу озера Красавица, и Софья Петровна последние годы жизни провела там. Она скончалась 9 мая 2016 года, на Пасху. В этот день ей исполнилось 85 лет. (2018 г.)

Ариадна, или Адя, закончила курсы рентгенотехников и уехала работать в медчасть при военном гарнизоне танковых войск, находившемся тогда в Польше. Там она вышла замуж за военного,

*Софья Петровна
Завьялова (урожд.
Колесникова).
2010 год*

*Ольга Ромуальдовна
Щетанова
(урожд. Завьялова)*

*Петр
Александрович
Щетанов.
2015 год*

родила двоих детей — Таню и Володю — и ездила с мужем и детьми по разным гарнизонам. В 1989 году, когда они жили в г. Бийске, Адин муж, полковник Владимир Коневцов, умер. После этого семья переехала на его родину, в посёлок Мостовской Краснодарского края. Там они все живут и сейчас. Дети обзавелись семьями: у Ариадны четверо внуков. Она на пенсии.

Софья Евгеньевна Васильева (1900–1969) и её семья

Сонечка Колесникова была самой красивой женщиной, которую мне пришлось встретить в своей жизни. Хорошего роста, статная, с лучистыми глазами. В девичестве у неё были косы ниже пояса. В ней было много шарма, личного обаяния. Окончив гимназию, она после некоторого перерыва поступила в агрономический институт, но дальше 1-го курса не пошло. Вышла замуж за Николая Дмитриевича Васильева. Впоследствии Николаю Дмитриевичу — кинооператору Ленинградской киностудии научно-популярных фильмов — было присвоено почётное звание заслуженного деятеля искусств РСФСР. Софья Евгеньевна

*Софья Евгеньевна
Васильева
(урожд. Колесникова).
1933 год*

прожила сравнительно спокойную жизнь в личном плане. Конечно, тут была и финская война, и блокада, но это уже было общее положение. Софья Евгеньевна умерла совершенно внезапно от инфаркта в 68 лет в 1969 году в Ленинграде, где жила безвыездно всё время. Муж её, Николай Дмитриевич Васильев, умер от второго инфаркта 26 октября 1973 года.

У супругов Васильевых двое сыновей — Владимир и Дмитрий. Владимир, 1923 года рождения, — капитан 1-го ранга, преподаватель Высшего военно-морского училища им. Дзержинского, где он многие годы был деканом. Его жена Тамара Викторовна — детский врач; сейчас она на пенсии. У них одна дочь, Наталья. Будучи ещё студенткой Политехнического института, она вышла замуж за своего одноклассника — студента матмеха Университета Вячеслава Глаговского. У них родились два сына: Георгий в 1969 году и Илья в 1971-м. Но брак оказался

*Владимир Николаевич
Васильев*

*Наталья
Владимировна
Васильева*

*Дмитрий
Николаевич Васильев*

*Анна Дмитриевна
Васильева*

*Дочери Анны Дмитриевны
Софья и Надежда*

непрочным — они развелись, причём Георгий (Гарик) остался с отцом, а Илья с матерью. И Наталья, и Вячеслав вскоре создали новые семьи, которые поддерживали между собой хорошие отношения. Наталья вышла вторично замуж за инженера Юрия Капустина и в 1979 году родила дочь Татьяну. В конце 80-х годов Наташа с мужем, Таней и Ильёй выехала на жительство в Израиль. Там 42-летний Юрий вскоре умер, а Наташа с детьми осталась в Израиле. Сейчас (в 2000 году) она живёт недалеко от Тель-Авива, преподаёт математику. Таня — студентка. Илья живёт в Иерусалиме, окончил университет, женат на русской девушке, часто ездит в Россию, навещая деда и бабушку.

Дмитрий Николаевич родился в 1930 году. Он окончил Горный институт и уехал по распределению за Северный полярный круг, в город Никель. Там он жил и работал в течение 25 лет, там и женился, там же родилась его дочь Анна, в 1961-м. Теперь все они живут в Санкт-Петербурге, в тех же комнатах в доме на 8-й Советской улице (Рождественская улица), где прожили всю жизнь, начиная с послереволюционных лет, родители Дмитрия Николаевича. У Ани растут очаровательные дочки-близнецы 1989 года рождения.

Владимир Евгеньевич (1898–1974)

*Владимир Евгеньевич
Колесников*

Владимир Евгеньевич Колесников окончил реальное училище (то же, что и его брат Евгений) в 1917 году. Дальше в связи с общим положением ему учиться не пришлось. Он начал свою самостоятельную жизнь с работы слесарем-монтажником на деревообрабатывающем комбинате им. Халтурина. Там он и проработал 40 лет, причём прошёл все ступени должностей, и последние 15 лет перед выходом на пенсию работал главным механиком комбината. В Великую Отечественную войну он частично был

на фронте, а затем после тяжёлого заболевания был демобилизован с отъездом на деревообделочный завод в тылу, на Урале. После войны он вернулся в Ленинград на свою основную должность. Владимир Евгеньевич был женат на Вере Михайловне,

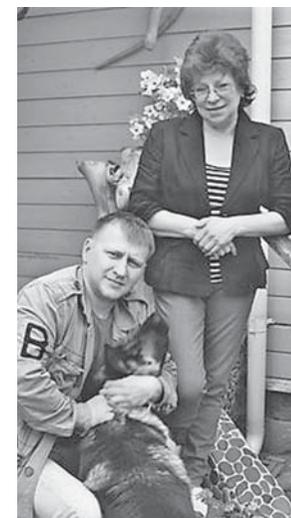
*София
Владимировна
Колесникова
с внуком Мишей
Колесниковым.
Около 1940 года*

*Михаил
Владимирович
Колесников.
1960-е годы*

*Владимир
Михайлович
Колесников.
1983 год*

*Алексей Владимирович
Колесников с матерью
Еленой Михайловной*

*Мария
Владимировна
Серова (урожд.
Колесникова)*

*Дмитрий
Алексеевич Серов,
сын Марии
Владимировны*

урождённой Добромысловой. Она была дочерью священника из села Высокое на Волхове. В блокаду Вера Михайловна умерла от дизентерии. Второй женой Владимира Евгеньевича стала её младшая сестра Мария Михайловна. Она умерла от инфаркта в 1971 году.

От первого брака у Владимира Евгеньевича есть сын Михаил. Он инженер-транспортник. Сейчас он является начальником автотранспортного отдела Института строительства атомных станций.

Его сын Владимир на четвёртом курсе Макаровского училища и уже не раз ходил в заграничные плавания.

Михаил Владимирович умер от инсульта 8 января 1980 года. Его сын Володя тогда плавал старшим помощником на судах дальнего плавания, уже был женат на Елене Михайловне Шило и имел сына Алексея (1975 года рождения). В 1981-м в семье Колесниковых родилась дочка Машенька. Сейчас Алёша уже выпускник Макаровского училища, женат, имеет дочь Валерию. Маша учится в Университете на факультете журналистики. (2001 г.)

Евгений Евгеньевич (1896–1982) и Муза Сергеевна (1901–1975)

В настоящее время старшим из Колесниковых является Евгений Евгеньевич. Последние 23 года он работает главным инженером рентгеновской станции Ленинградского горздравотдела.

Окончив очень молодым реальное училище (8-я Рота, д. 3) и одновременно сдав экзамены по латыни на аттестат зрелости, Евгений поступил в 1913 году в Университет на юридический факультет. Сразу же увлёкся революционными идеями, участвовал в работе кружков. Когда ему доверили хранить типографские шрифты, то не избежал он и обыска. Искать в квартире мирового судьи (каковым был его отец) полиция постеснялась. Улики найдены не были, а подозреваемого в крамоле оставили на поруки отцу. Это произошло уже перед самой войной 1914 года. На фронте Евгений был вольноопределяющимся разведчиком в артиллерии. Имел награждения тремя солдатскими Георгиями. За несколько месяцев до революции получил производство в офицеры. Дальше пошла Гражданская война и много других неприятностей.

*София Владимировна
Колесникова с сыном
Евгением. 1897 год*

В 1920 году Евгений Евгеньевич уже был дома и занимался хозяйством. Годом позже он женился на троюродной сестре Музе Сергеевне Борман и переехал жить в город. После ряда лет материальной неустроенности в 1932 году удалось закончить Институт киноинженеров. Шесть лет отработал на студии «Ленфильм» и уволился оттуда в связи с высылкой из Ленинграда вместе с семьёй жены. Одновременно с институтом Евгений Евгеньевич окончил монтерские курсы и зарабатывал в студенческие годы на монтажах рентгеновской аппаратуры в различных больницах. Его тесть, Борман Сергей Николаевич, был врачом-рентгенологом и направил его на эту специальность. По окончании института, кроме работы на «Ленфильме», Евгений Евгеньевич преподавал в том же Институте киноинженеров, он был в должности исполняющего обязанности доцента, и намечалось, что он станет писать учебник по специальности. В общем, был уже намечен путь к некоторой карьере. Но высылка в 1937 году смешала все предположения.

*Евгений Евгеньевич
Колесников. 1935 год*

*Муза Сергеевна с сыном Алексеем.
1937 год*

Годы высылки в Сибири (Челябинская область, станция Петухово) были насыщены различными переживаниями. Сперва всем ссыльным разрешили заниматься педагогической работой, но уже в первых числах сентября, т. е. с начала учебного года, с этой работы всех ссыльных сняли. Материально стало очень тяжело. Евгению Евгеньевичу удалось устроиться механиком по обслуживанию рентгеновского кабинета в больнице, где врачом работал его тесть Сергей Николаевич Борман. Положительным оказалось то, что там были великолепные условия для охоты. Зимой — зайцы и куропатки, осенью — выводки тетеревов. Охотничья страсть охватила наших мужчин. Брат мой, Пётр Сергеевич Борман, и сын Алёша 14 лет — все втянулись в охоту. Были заведены подходящие собачки.

Бабушка рассказывала, что пыталась приручить подаренного ей волчонка, но, к сожалению, он не выжил рядом с людьми.

Кроме того, великолепный воздух континентального степного климата исключительно хорошо отразился на здоровье сына Алексея. Во вторую и третью зиму в Петухове вновь было получено разрешение на преподавательскую работу. Евгений Евгеньевич стал преподавать математику и физику в средней

школе и в техникуме механизации сельского хозяйства. Муза Сергеевна за два месяца до высылки успела окончить экстерном Технологический институт им. Молотова по специальности механической обработки дерева. Пришлось также взяться за преподавание математики в техникуме. Во вторую зиму был арестован брат Пётр Сергеевич — как сын немца (т. е. Сергея Николаевича Бормана). Он отсутствовал 10 месяцев, после чего был отпущен. В конце третьего лета пребывания в ссылке Сергей Николаевич умер от болезни сердца.

В Ленинград Евгений Евгеньевич с семьёй вернулся весной 1940 года. Хотя справка была получена ещё в сентябре о том, что «высылка отменена и он следует к прежнему месту жительства в город Ленинград». Задержала нас финская война, которая разыгралась под Ленинградом, и, кроме того, мы не могли бросить преподавательскую работу в начале года. Алексей уже окончил 10-й класс в своей прежней ленинградской школе. Евгения Евгеньевича приняли на работу в научно-исследовательскую лабораторию акустики Электротехнического института (профессор Соколов Сергей Яковлевич, впоследствии член-корреспондент Академии наук СССР). Опять встал вопрос о возможности подготовить диссертацию и пробиться дальше, но... война 1941 года повела жизнь по иным путям. В эту войну Евгений Евгеньевич уже не стал бравым артиллеристом, а был призван рядовым и служил рентгенотехником в госпитале на Финском фронте. Оттуда он был в 1944 году отозван с демобилизацией в Военно-медицинскую академию на кафедру рентгенологии, где проработал 17 лет.

С 1951 года он стал совмещать с этой работой должность главного инженера Горздрава, куда затем и перешёл полностью. Дальнейшая работа Евгения Евгеньевича пошла по линии рентгеновской аппаратуры. Вопрос о научных перспективах заглох, ему было уже к пятидесяти, и материальные условия в послевоенный период были очень тяжёлые. Евгений Евгеньевич — страстный охотник, а жена его — собаковод. К сожалению, в последние годы вся организация хозяйства поставлена так, что приходится отказываться от этого увлечения. Да и дичь совсем пропала.

Евгений Евгеньевич Колесников с женой Музой Сергеевной Борман-Колесниковой на охоте в дер. Мазиловка. 1951 год

Евгений Евгеньевич и Муза Сергеевна с сыном Алексеем. 20 мая 1973 года

*Фасад дома в Ушаках.
Акварель Георгия Сергеевича Бормана*

*Пейзаж с верандой. Ушаки.
Акварель Георгия Сергеевича Бормана*

Но Евгений Евгеньевич ещё очень бодр и ходит в лес с собакой, хотя бы для её дрессировки. С 1961 года семья имеет свою дачу в Ушаках, что даёт возможность хорошего отдыха. Евгений Евгеньевич собственноручно обшил вагонкой дом и вообще выполняет много столярных и прочих работ.

25 ноября 1971 года Евгений Евгеньевич и Муза Сергеевна отмечали свою золотую свадьбу в ресторане «Ленинград».

У Евгения Евгеньевича и Музы Сергеевны один сын, Алексей. Он достиг многого из того, что не удалось его отцу.

Алексей Евгеньевич Колесников (1923 года рождения) — доктор технических наук, начальник сектора в ЦНИИ имени академика А. Н. Крылова, профессор Электротехнического института им. Ульянова-Ленина. Он многого достиг благодаря своим способностям, трудолюбию, настойчивости характера, но и путь его был значительно глаже, чем у родителей. Окончил он

*Алексей Евгеньевич
Колесников. 1947 год*

*Алексей Евгеньевич
Колесников. 1990-е годы*

школу с золотым аттестатом в 1940 году и поступил в Электротехнический институт на электрофизический факультет. После окончания первого курса — четыре года войны. Была Невская Дубровка, ранение в руку, затем служил офицером-минёром, был ранен в ту же руку, получив инвалидность ладони. Награждён орденом Красной Звезды и медалями.

У папы был большой шрам на правой ладони, и миной был оторван мизинец.

Сайт «Подвиг народа», созданный в интернете к 70-летию Победы

«Колесников Алексей Евгеньевич — гвардии младший лейтенант, командир взвода управления 128 Отдельного Гвардейского Сапёрного батальона — представляется ордену Красной Звезды.

Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

Командуя взводом разведки, находясь в боевых порядках передовых частей пехоты, даёт правильные и своевременные данные

об инженерных заграждениях и системе огня противника на его переднем крае. Так, определив огневые точки на Самбатукском рубеже обороны и под дер. Ракогоски по его данным, артиллеристы уничтожили прямой наводкой 8 огневых точек противника. Отделением разведки и лично им снято по дороге от Карельской до Кяснясельки 148 противотанковых и 292 противопехотных мины противника. На этом же участке обезврежено 3 моста, подготовленных к взрыву противником. При обезвреживании моста у д. Киви-Оя его группа в количестве 4-х человек была окружена финнами, однако, приняв бой, два финна были убиты, а 5 человек, не выдержав автоматного огня группы, отошли.

*Командир 128 ОГСБ гвардии майор Фридман.
25.07.1944».*

После демобилизации снова институт, по окончании которого аспирантура, диссертация — вот и кандидат наук. Работа в научно-исследовательском институте, выпуск множества статей и двух книг по акустическим измерениям. В 1971 году — степень доктора.

Банкет по случаю защиты происходил ровно через неделю после золотой свадьбы родителей в том же ресторане «Ленинград».

19 мая 1973 года отмечалось пятидесятилетие Алексея Евгеньевича. Было получено пять адресов и много приветствий. Алексей Евгеньевич ведёт широкую научную работу со смежными по специальности организациями.

На четвёртом курсе института Алексей женился на своей однокурснице Ираиде Казимировне Бердыган. В настоящее время она также занимается преподавательской работой (в техникуме морского приборостроения) и написала книгу-учебник по своей специальности (гидроакустике). В 1972 году в июле они уже отмечали серебряную свадьбу.

Алексей Евгеньевич полностью унаследовал от отца и деда охотничью страсть. Увлекается сбором грибов и цветоводством. На даче в Ушаках для цветоводства большие возможности. Неутомимость и подвижность Алексея Евгеньевича вошли в разговорку у окружающих.

*София Владимировна Колесникова
с правнучкой Леночкой Колесниковой.
1950 год*

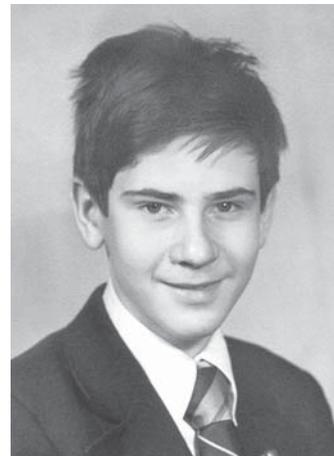
*Елена Алексеевна
Сеничева
(урожд. Колесникова).
1987 год*

*Ирина Алексеевна
Колесникова.
1968 год*

*Ирина Алексеевна Фадеева
(урожд. Колесникова).
2010 год*

*Евгений Алексеевич
Колесников.
1980 год*

*Евгений Алексеевич
Колесников.
2011 год*

У Алексея Евгеньевича и Ираиды Казимировны трое детей. Старшая дочь Елена окончила Электротехнический институт в 1972 году. Она замужем за Александром Сеничевым и имеет сына Алексея (1972 года рождения). Вторая дочь, Ирина — студентка четвёртого курса Электротехнического института. В прошлом году (1973) она вышла замуж за своего однокурсника Николая Фадеева.

Сын Евгений (по счёту IV) — школьник, во 2-м классе. Это сейчас старшая ветвь фамилии Колесниковых.

А теперь о том, что произошло с семьёй за последующие 25 лет. После окончания своего труда, который имел очень большой успех (один том после смерти автора был передан в Пушкинский Дом), бабушка прожила недолго. В 70-е годы у неё стала проявляться, видимо, наследственная, болезнь сердца, и 26 сентября 1975 года она скончалась в присутствии реанимационной бригады, которая, при всём старании, ничего не смогла сделать. Евгений Евгеньевич, оставшись один, съехался с семьёй своей старшей внучки Елены, обменяв свою комнату на Красной (теперь Галерная) улице и её однокомнатную квартиру в Купчине на уютную трехкомнатную

квартиру на Можайской улице. Он продолжал работать главным инженером Горздрава, лето проводил в Ушаках, был бодр и здоров. Но оказалась семидесятилетняя привычка к курению, у него развился рак лёгкого, и после недолгой болезни он ослабел и умер 7 октября 1982 года.

Патриархом большой семьи Колесниковых с этого времени стал Алексей Евгеньевич. Он жил с женой Ираидой Казимировной, сыном Женей и тещей Александрой Ивановной Бердыган в трехкомнатной квартире на Московском шоссе. Дочери жили отдельно со своими семьями. С 1978 по 1995 год Алексей Евгеньевич был профессором кафедры акустики ЛЭТИ, он писал, редактировал, издавал книги и статьи по акустике. Под его редакцией вышел Большой акустический словарь, готовилось издание Акустической энциклопедии. Папу часто приглашали на конгрессы и конференции в разные города страны, куда он ездил, как правило, с мамой. Летние же сезоны, которые у него начинались в апреле, а заканчивались в октябре, папа проводил в Ушаках, откуда ездил ежедневно на работу. Он увлекался цветоводством, особенно любил луковичные растения — тюльпаны, гладиолусы и т. п.

За это время подросток Женя, окончил школу, ЛЭТИ, по специальности «электронно-вычислительные машины». В 1987 году он женился на Маргарите Юрьевне Бутыльской — своей однокурснице, а в 1988 году у них родилась дочь Юлия.

В 90-х начались болезни. Слабела и заговаривалась девяностолетняя Александра Ивановна, обнаружилась злокачественная опухоль в груди у мамы, папа и сам похудел и побледнел. А потом пошло чёрное время: тихо угасла в феврале 1992 года Александра Ивановна (бабушка Шура); ни операция, ни «химия» не смогли спасти маму, и в декабре 1993 года папа овдовел. Но и его здоровье уже было подорвано — 1 ноября 1995 года он безболезненно умер от рака желудка.

К этому времени у родителей было двое внуков — Алексей Сеничев (1972 г. р.) и Александр Фадеев (1979 г. р.) — и три внучки: Наталия Фадеева (1976 г. р.), Алла Сеничева (1978 г. р.) и Юлия Колесникова (1988 г. р.). Дочери же, хотя и окончили ЛЭТИ, специальностью занимались мало. Елена, проработав некоторое время в ЦНИИ им. А. Н. Крылова, в связи с рождением дочери оставила работу и занялась воспитанием детей. Когда же они подросли, взяла небольшую педагогическую нагрузку во Дворце пионеров (теперь — Дом творчества юных) и приобщала школьников к декоративно-прикладному творчеству. В настоящее время оставила работу и снова занялась только семьёй.

*Алексей Евгеньевич
и Ираида
Казимировна
Колесниковы
с внуками.
1983 год*

Ирина же, выйдя замуж в г. Ломоносов, недолго была инженером в НИИ «Гидроприбор», а потом перешла на работу в управленческий аппарат — сейчас она занимает должность заведующей отделом кадров в Администрации Ломоносовского района Ленинградской области. Евгений окончил не только институт, но и аспирантуру, и защитил кандидатскую диссертацию; однако он тоже не работает по специальности. Он является одним из директоров коммерческой фирмы, и дела его идут успешно. Он очень состоятельный человек и является спонсором переиздания бабушкиной книги.

Его двенадцатилетняя дочка Юлия учится в седьмом классе, а все племянники — студенты разных вузов: Алексей продолжает дело деда на кафедре акустики в ЛЭТИ (теперь Электротехнический университет), Александр — будущий строитель-реставратор, Наталья закончила магистратуру Педагогического университета им. Герцена и преподаёт английский язык в школе, а Алла учится на пятом курсе Художественно-промышленной академии, в которой много лет работала (только она называлась Высшим художественно-промышленным училищем им. В. И. Мухомой, в просторечии «Мухой») на кафедре мебели Музы Сергеевны Борман-Колесниковой.

Интересно, что Алёша и Алла Сеничевы закончили, соответственно, в 1990-м и 1995 году, 272-ю английскую школу, находящуюся в здании того реального училища (8-я Красноармейская ул., бывшая 8-я Рота, д. 3), которое окончил в 1913 году их прадед Евгений Евгеньевич Колесников (2001 г.).

Ираида Казимировна Колесникова (1926–1993) и её предки

Столь глубокое прослеживание корней одного рода вызывает интерес и к другой половине своей крови.

8 июля 1947 года состоялось скромное бракосочетание студентов третьего курса Электротехнического института Алёши Колесникова и Ирочки Бердыган. Тогда это называлось «расписаться»; не было никаких торжеств, богатых подарков — время было послевоенное, полуголодное. Молодые скромно поужинали в кругу семьи и уехали с родителями молодого мужа на каникулы в деревню, на охоту. На пышном, богатом, многолюдном торжестве 8 июля 1972 года Ираида Казимировна говорила: «У нас не было свадьбы в 47-м году, так погуляем на серебряной». От этого брака родилось трое детей.

*Молодые супруги Алексей
Евгеньевич и Ираида
Казимировна Колесниковы
в лаборатории
Электротехнического
института. 1947/48 год*

Так соединились Колесниковы — Тырковы — Борманы с Бердыган — Карташевыми.

Рассказать об отце нашей мамы Казимире Иосифовиче Бердыгане можно очень мало, так как бабушка рассталась с ним после очень короткой совместной жизни. Обида её была так велика, что она не оставила никаких фотографий своего мужа и долго восторге не хотела о нём говорить. Но всё же мы знали, что он был высокого роста, с волосами «цвета спелой ржи». Происходил он из польско-белорусской католической семьи, приехал из местечка на границе с Польшей в Петроград и поступил в медицинский институт. Закончив его, дед вернулся на родину, но жена с ним не поехала. Так этот брак распался, а во время войны порвалась и всякая связь. Правда, через много лет после войны маме попалась на глаза медицинская брошюра, подписанная «профессор К. И. Бердыган», она написала ему, получила ответ,

но связь не восстановилась. Так Казимир Иосифович остался в семье не только «неизвестным» дедом, но и «неизвестным» отцом, так как мама его никогда не видела.

Мать Ираиды Казимировны, Александра Ивановна Бердыган, с удовольствием вспоминала и рассказывала нам, своим внукам, о своей семье, строгом дедушке, сёстрах и братьях. Она родилась 27 мая 1900 года и была восьмым ребёнком из одиннадцати. Её родители, Иван Михайлович и Агафья Степановна Карташевы, происходили из богатых крестьянских старообрядческих семей, живших в деревне Сосновка на реке Оке, недалеко от города Коломна в Московской губернии. Как было принято в крестьянской среде, Агафью выдали замуж очень молоденькой, около пятнадцати лет. «Она ещё в куклы играла», — рассказывала бабушка. Вскоре после свадьбы молодые переехали в Петербург, где Иван Михайлович открыл пивную. Дело шло у него успешно. Пивная была расположена в центре города, на Владимирском проспекте, рядом с Невским, и имела два зала: один для «чистой публики», а другой, с выходом на улицу Рубинштейна (тогда Троицкая улица), был «забегаловкой» для рабочих и бедных студентов. В мемуарной литературе мы с бабушкой прочли, что пивной зал на Владимирском облюбовали для встреч литераторы круга Куприна, они любили посидеть там, обсуждая свои проблемы, но бабушка никого из них не помнила. Конечно, она тогда была ещё мала, лет десяти–двенадцати, так как всё это происходило не только до революции, но и до Первой мировой войны.

У Агафьи Степановны и Ивана Михайловича родилось одиннадцать детей, но выросли из них только семеро: шесть дочек и сын. Все они родились в Петербурге, но Александра Ивановна всю жизнь называла и считала Сосновку своей родиной. Каждое лето дети проводили там со своими бабушками и дедушками. Бабушкины родители были старообрядцами, т. е. глубоко религиозными и строго соблюдающими все положенные обряды. Когда-то, при Петре Великом, старообрядцы подвергались гонениям, но в XIX веке они были признанной частью православия и имели свои храмы. Они отличались строгим соблюдением не только православных обрядов, постов, но и дополнительно своих собственных правил — например, каждый член семьи имел свою посуду и никто, кроме него, не мог ею пользоваться. До конца жизни Александра Ивановна была глубоко и искренне верующим человеком, но не фанатиком. В зрелые и пожилые годы она с сёстрами и старыми подругами ездила в немногие оставшиеся в Ленинграде церкви, а когда сил стало мало, молилась дома перед своими иконами,

*Агафья Степановна
Карташева с дочерью
Елизаветой Ивановной*

висевшими на внутренней дверце шкафа. Она никогда не спорила по вопросам веры и неверия, никого не убеждала, даже не научила нас молитвам, но много и истово молилась за нас. В старости она говорила, что очень устаёт от этих разговоров с Богом, но считала это своей семейной обязанностью.

Семья Карташевых жила в Петербурге в Поварском переулке; в это же время в доме на углу Поварского переулка и Колокольной улицы жила семья Музы Сергеевны Борман, т. е. обе наши бабушки девочками ходили по одной улице, возможно, встречались, но не были знакомы. В школы они ходили разные — Муза училась в немецкой школе, кажется, в Петришугле, а Шура — не знаю в какой, но не в немецкой.

Среди старообрядцев не было принято давать девочкам высшее образование, не старались их вывозить в свет и наряжать, но зато каждую ждали богатое приданое и выбранный родителями жених. Богатым приданым — вещами и деньгами — смогла воспользоваться только одна из сестёр, старшая Татьяна, успевшая выйти замуж до революции. Её свадьба и свадьба брата Михаила оставили в детских воспоминаниях Шурочки впечатление пышного праздника. Ни ей, ни остальным сёстрам не досталось ничего, все деньги, лежавшие в банке, во время революции были реквизированы.

Женихов им тоже пришлось выбирать самим; только этим можно объяснить брак старообрядки Александры и католика Казимира, который, конечно, не обрадовал родственников. Но не только женихов девушки выбирали сами, им пришлось искать пути и способы существования, так как не только пропали деньги, закрылась пивная, но в Сосновке, куда все уехали, когда начались беспорядки, в 1919 году от тифа умер отец Иван Михайлович. Брат Михаил с женой поселился в городе Павловом Посаде под Москвой, а мать и дочери Татьяна, Елизавета, Ксения, Александра, Клавдия и Прасковья вернулись в Ленинград. Молодые, сильные и красивые девушки пошли работать и учиться. Александра окончила курсы рентгенотехников в 1925 году и тогда же вышла замуж. Мама родилась 7 сентября 1926 года, и бабушка вскоре разошлась с её отцом. В 1936 году скончалась Агафья Степановна. В 1937 году бабушка второй раз вышла замуж за двоюродного брата мужа сестры Ксении. Вторым бабушкин муж был чех, лютеранин. Его звали Антон-Бенедикт Трассак, по-русски — Антон Антонович. Этот брак был удачным, бабушка с мужем жили дружно, мама тоже подружилась с отчимом, но всё это было недолго. Летом 1941 года Антона Антоновича призвали на фронт, и он пропал без вести. Когда началась война, бабушка отправила четырнадцатилетнюю дочь в эвакуацию, а сама осталась на работе в Ленинграде. Никто, конечно, не ждал того, что произошло с Ленинградом. Бабушка рассказывала, что вначале продуктов выдавали достаточно, хлеб оставался, его сушили, приносили на работу и грызли сухарики для развлечения. Как потом вспоминались эти сухарики! Всю тяжёлую первую блокадную зиму бабушка прожила в городе, но весной 1942 года её зять, муж сестры Клавдии, работавший в Смольном, выхлопотал ей пропуск на выезд и она, еле живая, по Дороге жизни выбралась из осаждённого города. Выехав из Ленинграда, бабушка добралась до сибирской деревни Омутинка, где находилась в эвакуации мама. Там они прожили до 1944 года. В этом году мама окончила с отличием среднюю школу и послала документы в Ленинградский кораблестроительный институт, находившийся тогда в г. Горьком. В переполненном поезде, в вагоне-теплушке она добиралась до Горького. Там она познакомилась с девушками из ЛЭТИ, которые уговорили её поменять институт. Отличников принимали без экзаменов, и маме с лёгкостью удалось перенести свои документы. Так она стала учиться в ЛЭТИ, а потом вместе с институтом вернулась в Ленинград. Бабушке же, чтобы вернуться в родной город, пришлось устроиться работницей на ткацкую фабрику, которая возвращалась из эвакуации.

Вернувшись в Ленинград, бабушка узнала, что сестра Клавдия, её муж, сёстры Татьяна и Ксения, племянницы Елена и Лариса умерли от голода, а маленькая дочь Ксении Ивановны Люлечка (Юлия) пропала. Её долго искали по разным организациям, но нигде не нашлось никаких следов. Девочка была маленькая и, видимо, не могла правильно назвать своё имя — Юлия Трассак.

Жизнь в послевоенном городе была тяжёлой, продукты выдавались по карточкам, жилья тоже не хватало, так как очень много домов было разбито бомбами. Так, оказалась разрушенной одна из двух комнат, которые бабушка с мужем и дочкой занимала до войны. Пришлось жить в одной. Работы по специальности тоже не было; правда, находились какие-то другие возможности зарабатывать деньги.

Постепенно всё восстанавливалось, расчищались развалины, возвращались эвакуированные и фронтовики. Так, в 1946 году в группу второго курса ЛЭТИ вернулось несколько студентов, ушедших в 41-м на фронт, в их числе был и лейтенант Алексей Колесников. Чтобы догнать ушедших вперёд однокурсников, ему были нужны конспекты пройденного материала, а самые толковые и аккуратные конспекты в группе были у Ирочки Бердыган. Так и произошло знакомство наших родителей.

Ирочка была очень красива — высокая, тоненькая, с зеленоватокарими глазами и пепельными волосами. Она была очень способная: и в школе, и в институте отлично училась, а по окончании ЛЭТИ поступила в аспирантуру. Только возросшая с рождением двух дочерей домашняя нагрузка помешала ей защитить уже написанную кандидатскую диссертацию. Ираида Казимировна некоторое время работала инженером на предприятии «Гидроприбор», а в конце пятидесятых годов стала преподавать специальные предметы в техникуме морского приборостроения. Ей очень нравилась эта работа, она пользовалась любовью учеников и уважением коллег. В соавторстве с сослуживицей она написала учебник по гидроакустическим станциям. Но здоровья и сил не хватало на большую семью и активную трудовую деятельность, тем более что в 1965 году появился ещё один объект заботы, любви и внимания — сын Евгений.

В 1968-м мама с сожалением оставила работу и сосредоточила всё внимание на семье, особенно на маленьком сыне. В семидесятые годы семья увеличивалась — выходили замуж дочери, рождались внуки. Хотя они и жили отдельно, но связь с родным домом не теряли, и все проблемы молодых семей, конечно, волновали родителей.

*Александра Ивановна
Бердыган (урожд. Карташева)*

*Ираида Казимировна
Колесникова (урожд.
Бердыган). 1962 год*

Ещё в 1958 году Александра Ивановна съехала с семьёй дочери и с тех пор никогда с ней не разлучалась. Она принимала участие в воспитании внуков, но хозяйство всё вела мама. Папа прожил одной семьёй с тёщей тридцать три года и никогда не ссорился с ней, не спорил, был к ней подчеркнута внимателен и любезен, хотя они были совершенно не подходящие друг другу люди. Бабушка всегда очень уважала папу за его способности, трудолюбие, преданность семье, а позже стала ценить его к ней отношение. Она умерла на 92-м году жизни (18 февраля 1992 года), уже никого не узнавая. Похоронена бабушка на Охтинском кладбище, в могиле сестры Елизаветы, умершей в 1953 году.

Алексей Евгеньевич и Ираида Казимировна прожили в счастливом браке сорок шесть лет. Все проблемы, возникавшие в их семейной жизни, они решали всегда вместе, хотя не на всё смотрели одинаково. Они были очень дружны и внимательны друг к другу. Когда за несколько месяцев до смерти в 1993 году мама слегла, не было сиделки более заботливой и неутомимой, чем мама. Мама умерла 5 декабря 1993 года. Её похоронили на Волковском лютеранском кладбище. Папа пережил её ненадолго. Он скончался 1 ноября 1995 года, был кремирован, и урна с его прахом захоронена в маминой могиле. На этой могиле стоит общий памятник с их портретами. (2001 г.)

**Внуки и правнуки Ираиды Казимировны
и Алексея Евгеньевича**

*Сеничев Алексей
Александрович,
1972 г. р.*

*Сухляева Алла
Александровна
(урожд. Сеничева),
1978 г. р.*

*Балахонова Наталья
Николаевна (урожд
Фадеева), 1976 г. р.*

*Балахонова Мария Дмитриевна,
2003 г. р.*

*Сухляева Варвара
Сергеевна, 2005 г. р.*

Фадеев Александр Николаевич, 1979 г. р.

*Ивлева Юлия
Евгеньевна (урожд.
Колесникова), 1988 г. р.*

*Фадеева Катерина
Александровна,
2006 г. р.*

*Фадеев Михаил
Александрович,
2009 г. р.*

Часть VI

КАК ПОРОДНИЛИСЬ

**такие древнерусские фамилии, как Тырковы
или Боклевские, с безродными разночинцами
Борман и Колесниковыми**

Алексей Владимирович Тырков (из Вергежи), Константин Петрович Боклевский (сын известного художника) и Альфред Николаевич Борман (брат моего отца) одновременно учились, около 1883 года, в Морском инженерном училище им. Николая I в Кронштадте.

У Тыркова и Бормана были красавицы-сёстры. Они перезнакомились на балах Морского училища, где могли встретиться молодые люди из разных сословий. Это происходило в конце XIX века, когда дворянство, в связи с освобождением крестьян, потеряло свою обособленность, стало оседать в городах и перерастать в русскую интеллигенцию. Грани между различными слоями общества начали стираться. Отец К. П. Боклевского был известным художником-иллюстратором, он уже полностью оторвался от среды настоящих помещиков-дворян.

Брат Алексея Тыркова — Аркадий Владимирович Тырков — был народовольцем, участвовал в покушении на Александра II и находился в ссылке в Минусинске. Ещё в их семье была сестра — Ариадна Тыркова, также активная революционерка, что указывает на передовую направленность семьи.

Семья Борман никакой родовитости не имела. Были они немцы из мещан, занимались мелкими торговыми делами. Но все четверо брата получили высшее, а сёстры — среднее образование.

Впоследствии Константин Боклевский женился на Флоре Николаевне Борман, Альфред Борман женился на Ариадне Владимировне Тырковой. Сергей Борман, брат Альфреда,

в 1894 году навещал молодожёнов в имении Вергежа, хозяином которого был Владимир Алексеевич Тырков — отец Ариадны. Там Сергей и познакомился с племянницей хозяина, Верочкой Тырковой из имения Тырковых в селе Бабино. Вскоре состоялось сватовство, а в 1896 году — свадьба. В момент сватовства моим отцом Сергеем Николаевичем Борманом маме было 19 лет, она считалась несовершеннолетней. Она была сиротой и находилась под опекой своих старших братьев, при этом невестой с приданым. Ей принадлежали земли в Новгородской и Псковской (назимовские) губерниях и деньги, кажется, 10 тысяч рублей. Опекуны не хотели дать ей разрешения на такую, с их точки зрения, неравную партию. Во-первых, претендент был ещё студентом медицинского факультета Дерптского университета, во-вторых, он был немец и не был ни моряком, ни военным, как хотелось опекунам. В-третьих, особенно возражал дядя Владимир Алексеевич, говоря: «Что это, тырковские невесты только для Борманов и созданы?!» Брак его дочери с Альфредом не был удачным. Сватовство же моих родителей оказалось серьёзным, и через два года, после маминго совершеннолетия, они поженились.

**Выписка из метрической книги (часть вторая)
о бракосочетавшихся за 1896 год**

Выдана причтом Кронштадтской морской
Богоявленской церкви № 193. Апрель 7-го дня
1907 года, г. Кронштадт.

(Выписка эта, в случае надобности, должна быть
представлена для заверения в Духовное правление при
Протопресвитере военного и морского духовенства,
в С.-Петербурге.)

Счёт браков — 17.

Месяц и день — май 3, тысяча восемьсот девяносто
шестого года.

Звание, имя, отчество, фамилия и вероисповедание
жениха, которым браком:

Окончивший Императорский Юрьевский университет и удостоен степени «Лекаря» Сергей Рихард Георгий Николаевич Борман, Евангелическо-лютеранского вероисповедания, первым браком. Лета жениха — 27.

Звание, имя, отчество, фамилия и вероисповедание невесты, которым браком:

Дочь отставного капитан-лейтенанта флота Вера Дмитриевна Тыркова, православного вероисповедания, первым браком. Лета невесты — 21.

Кто совершал таинство —

Настоятель протоирей Владимир Краснопольский с дьяконом Иоанном Поспеловым.

Кто были поручители:

По жениху: 6-го флотского экипажа лейтенант Владимир Дмитриевич Тырков 3-й и новгородский землевладелец Алексей Сергеевич Тырков.

По невесте: князь Николай Николаевич Багратион-Мухранский и лейтенант 2-го флотского экипажа Пётр Дмитриевич Тырков.

Что сия выписка верна, о том удостоверяется подписью с приложением церковной печати Богоявленской церкви.

*Протоирей Василий Погодин
Дьякон Григорий Поспелов*

Их венчали в Кронштадтском соборе при большом количестве родни, как немецкой, так и русской. Священник, имея в виду, что половина присутствующих — лютеране, закатил венчальную службу на 2 часа со всеми зажжёнными огнями. Очевидно, такая торжественность церемонии способствовала долголетию этого брака.

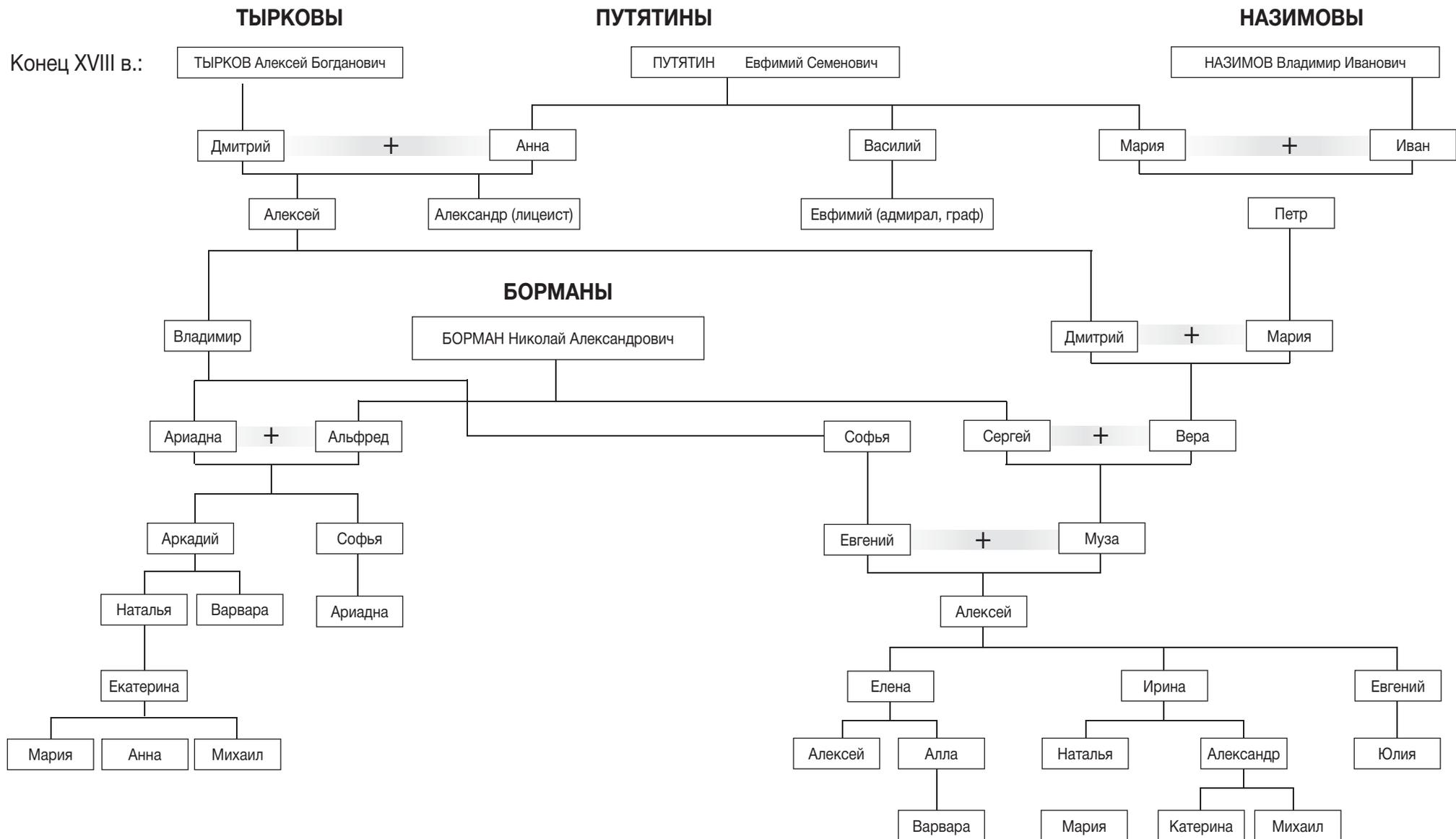
Сонечка Тыркова вышла замуж за Евгения Евгеньевича Колесникова. Будучи заядлым охотником и состоя членом Волховского охотничьего общества, он часто бывал в окрестностях Вергежи и был знаком с семейством Тырковых. Евгений Евгеньевич был юристом, окончившим лицей, мировым судьёй, с собственным домом в Петербурге, на 9-й Роте. В то время ему

было уже года 34, и он находился в разводе с первой женой. С Софией Владимировной у них было четверо детей: Евгений (III), Владимир, Пётр и дочь Соня.

Брак Дины Тырковой с Альфредом Борманом кончился полным разрывом. У них было двое детей: Аркадий и Соня. Тётя Дина была революционеркой, общественницей, начинающей писательницей, журналисткой. Альфред был человек очень эмоциональный, несдержанный. Развод протекал бурно, с увозом детей от одного к другому. Ариадна писала под псевдонимом «Вергежский». Она пользовалась поддержкой известного писателя Станюковича, который протезировал её в писательской работе. Станюкович был много старше её, но всё же это вызывало много сплетен и всяческих наветов. Бабушка Тереза Густавовна Борман упрекала Ариадну в бесхозяйственности и беззаботности в семье. Семейство Тырковых ставило в вину Альфреду недостаток средств и деспотизм по отношению к жене. Так как мой отец был родным братом Альфреда, то мои родители перестали встречаться с вергежской роднёй. К тому же они уехали на юг. Отношения возобновились более чем через 17 лет. В 1915 году, когда мне, младшей, было уже 14 лет, моей матери, не знаю по какой причине, захотелось свезти нас в Вергежу и познакомить с тамошней роднёй. Сперва была запланирована экскурсия в Новгород, а на обратном пути заезд в Вергежу. Экспедицию возглавляла мама — Вера Дмитриевна, с ней трое детей её: Пётр — 18 лет, Георгий — 16 лет и Муза — 14 лет. Ещё с нами была гувернантка, англичанка мисс Соливан, и наша свойственница Лиля Ратькова, девушка 19 лет.

Шла война, и большинство молодёжи было на фронтах. Мой брат Петя через год тоже поступил на военную службу. Семья Софии Владимировны Тырковой (в замужестве Колесниковой) не жила в Вергеже. У них был хутор — дача при деревне Ульково, в двух километрах от Вергежи, — назывался он хутор Бор. Там были помещичий дом и парковая роща на 10 десятинах на горушке возле Волхова. Мы с Колесниковыми познакомились и подружились, так как оказались с ними сверстниками. Знакомство продолжалось и позже — зимой в Петербурге.

Схема родственных связей

Со старшим, Женей, мы встретились только уже в городе, когда он приезжал на побывку с фронта. Мне тогда исполнилось только 14 лет, ему было 19. Мы не смотрели друг на друга, а через пять лет, в 1921 году, мы поженились — будучи никем и не имея ничего, кроме мебели. Затем оба добились инженерных дипломов. Евгений окончил Институт киноинженеров по оборудованию звукового кино в 1932 году, я окончила в 1937 году Технологический институт — лесотехнический факультет на звание инженера по механической обработке дерева, т. е. мебельщика. Всю войну моя семья провела в блокадном Ленинграде. Евгений был в армии, я работала в госпитале не по специальности. После войны работала 15 лет в Высшем художественно-промышленном училище на кафедре мебели. Евгений Евгеньевич вот уже 20 лет является главным инженером Горздрава, по рентгеносети города.

Так круг пока замкнулся: Борман-Колесниковы образовали новую линию, в которую вошли обе ветви Тырковых и все предки, которые нам известны, — Назимовы, Путятинны, Гавриленко, Ивковы, Гайли, Массенбердт, Борман, Брауер. Первым в этой линии стоит Колесников Алексей Евгеньевич, 1923 года рождения.

* * *

Как результат изучения родословных, представленных в данной хронике, можно выявить, что Алексей Евгеньевич Колесников является трижды потомком рода Путятинных, причём самих Путятинных уже не существует. Кроме того, на нём сошлись две линии Тырковых. Ещё надо отметить, что в этих фамилиях большая доля польского происхождения. В последние же поколения Колесниковых вливается немецкое, шведское и английское наследие, но, конечно, превалирует русское.

Часть VII

ДОПОЛНЕНИЕ К РОДОСЛОВНОЙ ТЫРКОВЫХ

(после XI поколения)

Составила М. С. Борман (по памяти)

XII

- 28.{23} *Пётр Дмитриевич* (1863–1898) — флота лейтенант. Холост.
- 29.{23} *Сергей Дмитриевич* — флота лейтенант в отставке. Служил в новгородском земстве. Помещик с. Бабино Новг. уезда. Ум. около 1933 г. 73-х лет. Жена — Наталья Арефьевна Тыркова (урожд. Рогачева).
- 30.{23} *Константин Дмитриевич* (1866–1914) — капитан 2-го ранга в отставке. Служил в Гидрографическом управлении. Помещик с. Бабино Новг. уезда. Жена — Александра Петровна Тыркова (урожд. Юденич).
- 31.{23} *Михаил Дмитриевич* (1867–1930) — артил. офицер в отставке. «Божий странник».
- 32.{23} *Владимир Дмитриевич* (1869–1916) — контр-адмирал (1916). Герой Порт-Артура, награждён золотым оружием. Участник войны с Германией, кавалер многих орденов. Помещик села Бабино. Жена — Вера Михайловна Тыркова (урожд. Акинфиева), из рода князей Нарбековых.
- 33.{23} *Николай Дмитриевич* (1870–1931) — капитан 1-го ранга. Герой Порт-Артура, участник войны с Германией, кавалер многих орденов. Помещик села Бабино. Жёны: 1-я — Вера Ивановна Тыркова (урожд. Подъяпольская); 2-я — София Ивановна Тыркова (по 1-му мужу — Малечкина).

- 34.{23} *Леонид Дмитриевич* — вольноопределяющийся. Ум. 19-ти лет.
- {23} *Вера Дмитриевна Борман* (1874–1949) — филолог, не закончила Бестужевские курсы. Помещица деревни Вороний Остров Новг. уезда. Замужем за доктором медицины Сергеем Николаевичем Борманом.
- 35.{24} *Алексей Сергеевич* — помещик дер. Апраксин Бор Новг. уезда. Ум. в 1942 или 1943 году, примерно 65 лет. Был женат, имел одну дочь Наталью.
- {24} *Мария Сергеевна* — замужем за С. М. Митрофановым. С потомками связь утеряна.
- {24} *Прасковья Сергеевна* — замужем за Александром Фёдоровичем Есиновским. С потомками связь утеряна.
- 36.{26} *Николай Васильевич* — ум. в молодости. Холост.
- 37.{26} *Владимир Васильевич* — ум. в молодости. Холост.
- {26} *Ольга Васильевна* — была замужем за артистом.
- 38.{27} *Виктор Владимирович* (1857–1933) — коллежский секретарь, юрист (1884), народный судья.
- 39.{27} *Аркадий Владимирович* (1859–1924) — народоволец. Участник убийства императора Александра II. 1881–1904 гг. провёл в заключении и в ссылке в Минусинске. Помещик имения Вергежа Новг. уезда. С 1920 г. по просьбе Ленина пенсионер, «ветеран революции».
- 40.{27} *Алексей Владимирович* (1865–1890) — инженер-кораблестроитель. Жена — Надежда Анатольевна Тыркова (урожд. Тимашевская, 2-м браком за мировым судьёй Меншуткиным В. В.).
- 41.{27} *Сергей Владимирович* (1867–1914) — служащий железнодорожного транспорта. Жена — Евгения Александровна Фрикен.
- {27} *Мария Владимировна* (1863–1935). Муж — Юлий Михайлович Антоновский (1857–1913).

- {27} *Ариадна Владимировна* (1869–1962) — писательница. Мужья: 1-й — Альфред Николаевич Борман (1865–1935); 2-й — Гарольд Вильямс (англичанин) (1876–1928).
- {27} *София Владимировна* (1874–1955). Муж — Колесников Евгений Евгеньевич (1861–1929), действительный статский советник, мировой судья.

XIII

- 42.{30} *Дмитрий Константинович* (1908–1990) — инвалид Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Жил в Курганской области.
- 43.{30} *Пётр Константинович*, род. 7.06.1914 г. — сержант Красной армии. Погиб в 1941 г. Жена — Нина Васильевна Тыркова (урожд. Демидова) (2.04.1918–28.10.2000), директор магазина.
- 44.{31} *Дмитрий Николаевич* (2.02.1902–4.08.1982) — капитан-наставник Торгового флота. Капитан 2-го ранга в отставке (1956). Награждён орденами Красной Звезды, Красного Знамени, Отечественной войны II ст., 6-ю медалями. Жёны: 1-я — Марина Константиновна Ратькова (1904–1993), медаль «За оборону Ленинграда»; 2-я — Ксения Сергеевна Троицкая (12.02.1911–27.01.1997).
- 45.{38} *Борис Викторович*, род. 19.02.1891 г.
- {38} *Ариадна Викторовна*, род. 3.06.1889 г.
- {40} *Надежда Алексеевна*, род. до 1891 г.
- 46.{41} *Владимир Сергеевич* (1891–1915) — подпоручик, кавалер ордена Св. Георгия. Погиб в войну с Германией.
- 47.{41} *Александр Сергеевич* (1894–1919) — корнет-кавалерист. Погиб в Гражданскую войну.
- 48.{41} *Алексей Сергеевич* (1896–1973) — ветеринарный врач. Участник войн с Германией в 1916 г. и в 1941–1945 гг. Жена — Марьяна Николаевна Боговут.

- {41} *Евгения Сергеевна Кельина (урожд. Тыркова)* (1892–1944) — лаб.-эпидемиолог. Муж — Кельин Александр Иванович. Дочь — Алла Александровна Сусленникова (урожд. Кельина), 1922 г. р., эпидемиолог. На культ.-просвет. раб. в кино. Медали: «За оборону Ленинграда». Замужем (Евгений Сусленников, механик). Сыновья Аллы: Михаил Евгеньевич Сусленников, 1945 г. р. — инженер-кораблестроитель, жена — Наталья, инженер холод. промышленности, дочь — 1970 г. р.; Владимир Евгеньевич Сусленников 1952 г. р. — механик.
- {29} *Нина Сергеевна Тыркова*, 1892 г. р. Вдова Николая Михайловича Ратькова. Потомков не имеется.
- {30} *Мария Константиновна Тыркова* (17.08.1906–8.10.1988) — инженер-гидрограф. Муж — Ренэ Фёдорович Бюриг (3.01.1911–21.02.1993) — инженер-гидрограф.
- {30} *Татьяна Константиновна Бижжанова* (7.06.1914–14.02.1996). Разведённая. Потомков не имеется.
- {32} *Вера Владимировна*, 1896 г. р. Замужем за голландцем Арвидом Альбертовичем Компаньеном. В 1933 г. уехали в Голландию с дочерью Людмилой и сыном Владимиром.
- {33} *Зоя Николаевна* (1896–1964) — медсестра. Мужья: 1-й — Сергей Александрович Шамо́в. Дочь — Ариадна Сергеевна Шамова (1918–2012), библиограф; 2-й — Михаил Константинович Ратьков. Дочь — Анна Михайловна Ратькова (1937–2013), музыкант-музыковед. Внучка — Мария Дмитриевна Ратькова (дочь Анны Михайловны и писателя Дмитрия Балашова), род. 17.08.1977 г., закончила Санкт-Петербургскую консерваторию по классу вокала, живёт в Риме, поёт в Римской опере.
- {33} *Гали Николаевна* (1899–1980) — лекарский помощник. Муж — Александр Александрович

Шамо́в. Дочь — Галина Александровна Шамова (1.01.1919–14.12.1993). Инженер железнодорож. связи, замужем за Аркадием Ивановичем Карташовым (20.12.1918–4.05.1991), капитаном 1-го ранга, к. т. н. Дочь Галины — Марина Аркадьевна Шамова, 1942 г. р., специалист по компьютерам; муж — Валерий Исаакович Аронов, 1940 г. р., инженер; дочь — Ольга Валериевна Шамова, род. 15.08.1964 г., доктор биологических наук, член-корреспондент Российской академии наук, замужем; сын — Андрей Валериевич Шамо́в (31.03.1976–25.01.2016), инженер, специалист по компьютерам.

XIV

- {43} *Александра Петровна Тыркова* (1940–2012) — техник-библиограф. Муж — Владимир Иванович Беспалов (1922–1999), юрист. Сын — Евгений Владимирович Беспалов, род. 11.07.1970 г., инженер, служит на таможне.
- {44} *Наталья Дмитриевна Тыркова* (от 1-го брака Дмитрия Николаевича) (22.10.1928–20.11.2016) — художник-прикладник. Три авторских свидетельства за изделия, три диплома за выставки, за работу для фронта в войну медали: «За оборону Ленинграда» и «В память 250-летия Ленинграда».
- {44} *Галина Дмитриевна Тыркова* (от 1-го брака Дмитрия Николаевича), 1935 г. р. — инженер-химик. Имеет авторское свидетельство за изобретение в электронной промышленности. Муж — Леонид Васильевич Куров, инженер (1931–2016). Сын — Алексей Леонидович Куров, 1970 г. р.
- {48} *Елена Алексеевна Тыркова* (1937–2015). Ветеринарный техник. Вдова. Проживала в Москве.
- 49.{44} *Николай Дмитриевич Тырков* (от 2-го брака Дмитрия Николаевича) (1944–2011) — слесарь-механик. Жёны: 1-я — Людмила Васильевна Николаева,

1948 г. р., техник-металлист; 2-я — Елена Олеговна Тыркова (урожд. Остапенко), род. 24.06.1960 г., таможенник.

XV

- 50.{42} *Константин Дмитриевич Тырков* (1964–31.01.2000). Сын Наталии Дмитриевны Тырковой. Усыновлён Дмитрием Константиновичем Тырковым. Жена — Наталия Ивановна Тыркова (урожд. Васке-лайн), 1968 г. р.
- 51.{48} *Дмитрий Николаевич Тырков*, род. 11.10.1969 г. — специалист-ювелир. Работает в органах внутренних дел. Жена — Светлана Юрьевна Тыркова (урожд. Крючкова), 1970 г. р. Проживает в Москве.
- 52.{48} *Артём Николаевич Тырков*, род. 25.07.1988 г. Закончил Университет морского и речного флота им. адм. Макарова. Жена — Светлана Сергеевна Тыркова (урожд. Ткачёва), 1987 г. р.

XVI

- 53.{50} *Андрей Константинович Тырков*, 1990 г. р.
- {51} *Екатерина Дмитриевна Тыркова*, 1991 г. р. — художник.
- 54.{51} *Алексей Дмитриевич Тырков*, 2012 г. р.
- 55.{52} *Даниил Артёмович Тырков*, 2015 г. р.
- 56.{52} *Николай Артёмович Тырков*, 2017 г. р.

Потомки рода Тырковых по женским линиям

Потомки Марии Владимировны Антоновской (урожд. Тырковой)

Сыновья:

Николай Юльевич Антоновский (1888–1955) — штабс-капитан воину с Германией. Репрессирован в 1935 г. с высылкой из Ленинграда. Жена — Мария Александровна Егорова, ум. в 1968 г.

Сергей Юльевич Антоновский (10.06.1894–10.03.1982) — агроном, литератор по специальности. Участник Великой Отечественной войны; защитник Ленинграда в 1942–1943 гг. Постоянно проживал в Москве с потомками. Жёны: 1-я — данных нет; 2-я — Таисия Сергеевна (урожд. Скрипкина) из г. Козельска, закончила Бестужевские курсы, преподаватель литературы.

Внуки:

Вера Сергеевна Антоновская (1912–1972) — от первого брака Сергея Юльевича. Муж — Пётр Павлович Жуков, агроном.

Марк Сергеевич Антоновский (31.12.1928–25.04.2000) — от второго брака Сергея Юльевича. Физик, к. т. н. Проживал в Москве. Жена — Лидия Никитична Антоновская (урожд. Баштаник) (18.02.1930–3.09.1999).

Ася Сергеевна Антоновская (31.08.1934–29.11.2012) — от второго брака Сергея Юльевича. Инженер-гидротехник. Проживала в Москве. Мужья: 1-й — Василий Птаховский, инженер-гидротехни; 2-й — Юрий Раков; 3-й — Владимир Ермаков, ум. в 1974 г.

Правнуки:

Дмитрий Петрович Антоновский, 1933 г. р. — автосварщик. Проживает в Москве. Жена — Анна Павловна.

Елена Петровна Добровольская (урожд. Жукова), 1938 г. р. — врач-хирург. Проживает в Москве. Муж — Евгений Добровольский, железнодорожный машинист.

Ирина Марковна Демидова (урожд. Антоновская), род. 27.08.1954 г. — инженер, преподаватель английского языка, семейный психолог. Закончила Московский институт электронной техники (МИЭТ), Проживает в Москве. Муж — Сергей Алексеевич Демидов, род. 10.10.1948 г., инженер, в разводе.

Андрей Маркович Антоновский, род. 1.03.1957 г. — спец. по ЭВМ, главный инженер производственного объединения. Закончил МИЭТ, Жена — Вера Зиновьевна Антоновская (урожд. Сергеева), род. 5.12.1953 г., закончила МИЭТ, главный бухгалтер.

Артём Васильевич Антоновский (сын В. Птоховского), род. 28.09.1959 г. — геодезист. Проживает в Москве. Жена — Галина Николаевна Антоновская (урожд. Городилина), род. 16.02.1964 г.

Праправнуки:

Сергей Дмитриевич, 1963 г. р.

Елена Дмитриевна, 1965 г. р.

Виктория Евгеньевна (урожд. Жукова), 1962 г. р. — замужем, сын Александр.

Валерия Евгеньевна (урожд. Жукова,) 1967 г. р. — замужем, сын Виктор.

Вера Евгеньевна (урожд. Жукова), 1982 г. р.

Елена Сергеевна Демидова, род. 3.08.1976 г. — экономист. Закончила НИУ МИЭТ. Муж — Сергей Владимирович Мордвинцев, род. 27.01.1976 г. Дочь — Надежда Сергеевна Мордвинцева, род. 10.07.2004 г. Сын — Степан Сергеевич Мордвинцев, род. 25.09.2008 г.

Иван Сергеевич Демидов, род. 20.01.1980 г. р. — руководитель предприятия в сфере смарт-технологий. Закончил НИУ

МИЭТ. Жена — Власова Ксения Ивановна, род. 11.01.1981 г., закончила НИУ МИЭТ, директор малого предприятия. Сын — Борис Иванович Демидов, род. 10.05.2008 г. Дочь — Лидия Ивановна Демидова, род. 2.03.2011 г.

Андрей Андреевич Антоновский, род. 1.05.1979 г. — работает в банке. Закончил Академию народного хоз-ва им. Плеханова. Жена — Ольга Петровна Антоновская (урожд. Токарева), род. 16.06.1979 г., закончила МГИМО, работает в международной компании. Дети: Анна Андреевна Антоновская, род. 10.12.2007 г., Александр Андреевич Антоновский, род. 8.11.2010 г. р., Елизавета Андреевна Антоновская, род. 5.08.2015 г.

Сергей Артёмович Антоновский, род. 6.08.1985 г. — юрист.

Потомки Ариадны Владимировны Борман (урожд. Тырковой)

Дети:

Аркадий Альфредович Борман (1891–1974) — журналист. Проживал в Париже и в Нью-Йорке. Жена — Тамара Викторовна Дроздова, ум. в 1960 г.

София Альфредовна Боcharская (урожд. Борман), 1894 г. р. — химик. Проживала в Лондоне.

Внучки:

Наталья Аркадьевна Томон (урожд. Борман) (1921–1955). Была замужем за американцем. Ум. в США.

Варвара Аркадьевна Борман (1923–1926).

Ариадна Боcharская (1922 г. р. — ум. после 1982 г.). Проживала в Лондоне.

Правнучка:

Екатерина Лихварь (урожд. Томон), 1950 г. р. Родилась и проживает в США. Замужем за православным священником.

В 2009 г. приезжала в Россию и передала в Государственный архив РФ дневники, письма и проч. своей прабабки и деда. Дети: Мария, род. 1.03.1977 г.; Анна, род. 31.07.1978 г.; Михаил, род. 17.05. 1983 г.

Потомки Софии Владимировны Колесниковой (урожд. Тырковой)

Дети:

Евгений Евгеньевич Колесников (6.09.1896–7.10.1982) — инженер-электрик. Главный инженер Горздравотдела Ленинграда. Участник войн с Германией в 1914–1919 гг. и в 1941–1945 гг. Награждён тремя Георгиевскими крестами; медалями: «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией». Жена — Муза Сергеевна Борман (10.05.1901–26.09.1975).

Владимир Евгеньевич Колесников (1898–1974) — главный механик деревообрабатывающего комбината. Участник Великой Отечественной войны, нагр. медалями: «За оборону Ленинграда» и др. В 1958 г. нагр. медалью «За доблестный труд». Жёны: 1-я — Вера Михайловна Добромыслова, умерла в блокадном Ленинграде в 1942 г.; 2-я — Мария Михайловна Добромыслова, ум. в 1970 г.

София Евгеньевна Васильева (урожд. Колесникова) (1900–1969). За работу в блокадном Ленинграде награждена медалью «За оборону Ленинграда». Муж — Николай Дмитриевич Васильев (1897–1973), заслуженный деятель искусств, кинооператор, участник Финской и Великой Отечественной войн, капитан инж. войск, нагр. орденами: Красной Звезды, «Знак Почёта»; медалями: «За оборону Ленинграда» и др.

Пётр Евгеньевич Колесников (17.08.1906–24.07.1973) — механик. Участник войны с Финляндией, имел ранение в 1940 г. За оборонную работу в Великую Отечественную войну награждён медалями. Жена — Лидия Ивановна (урожд. Филиппова) (25.10.1906–18.09.1990).

Внуки:

Алексей Евгеньевич Колесников (19.05.1923–1.11.1995), также внук В. Д. Борман — доктор технических наук, профессор, автор большого числа книг и статей по гидроакустике. Гвардии лейтенант запаса, в Великую Отечественную войну имел два ранения. Награды: орден Красной Звезды, медали «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией». Жена — Ираида Казимировна (урожд. Бердыган) (7.09.1926–5.12.1993), инженер, преподаватель Техникума морского приборостроения, автор учебника по гидроакустическим станциям.

Михаил Владимирович Колесников (1925–8.01.1980) — инженер-путеец. Жена — Тамара Андреевна Колесникова (урожд. Божина) (1924–2008), инженер-химик.

Владимир Николаевич Васильев (12.10.1923–3.06.2004) — капитан 1-го ранга, к. т. н., кораблестроитель. Жена — Тамара Викторовна Васильева (урожд. Худовердян) (27.03.1922–18.07.2001), врач-рентгенолог.

Дмитрий Николаевич Васильев, род. 1.02.1930 г. Инженер-геолог. 25 лет прожил в г. Никель Мурман. обл. Сейчас с семьёй живёт в СПб. Жена — Валентина Александровна Васильева (урожд. Валькова), 1935 г. р., педагог дошкольного образования.

Софья Петровна Завьялова (урожд. Колесникова) (9.05.1930–9.05. 2015) — инженер-электрик. Муж — Ромуальд Васильевич Завьялов (12.01.1929–21.12.1993), инженер.

Ариадна Петровна Коневцова (урожд. Колесникова), род. 14.02.1938 г. — рентгенолаборант. Проживает в пос. Мостовской Краснодарского края. Муж — Владимир Алексеевич Коневцов (1939–1989), полковник танковых войск.

Правнуки:

Наталья Владимировна Васильева, род. 2.06.1947 г. — инженер по счётным машинам, преподаватель математики.

Проживает в Израиле. Мужья: 1-й — Владислав Борисович Глаговский, 1947 г. р., инженер-физик, к. т. н., в разводе; 2-й — Юрий Капустин (1947–1989), инженер, к. т. н.

Елена Алексеевна Сеничева (урожд. Колесникова), род. 19.11.1948 г. — инженер-электроакустик, педагог прикладного творчества. Муж — Александр Николаевич Сеничев, род. 23.04.1949 г., нач. транспортного цеха сюрвейерской компании.

Ирина Алексеевна Фадеева (урожд. Колесникова), род. 23.06.1952 г. — инженер-электроакустик, зав. отделом кадров Администрации Ломоносовского р-на. Муж — Николай Петрович Фадеев, род. 27.11.1951 г., инженер, в разводе.

Евгений Алексеевич Колесников, род. 5.09.1965 г. — кандидат технических наук, директор коммерческой фирмы. Жена — Маргарита Юрьевна Колесникова (урожд. Бутыльская), род. 1.04.1965 г., инженер, преподаватель Санкт-Петербургского университета связи.

Владимир Михайлович Колесников, род. 21.04.1952 г. — капитан торгового флота, директор и владелец фирмы. Жена — Елена Михайловна Колесникова (урожд. Шило), род. 12.05.1951 г., экономист.

Ольга Ромуальдовна Щетанова (урожд. Завьялова), род. 10.10.1959 г. — врач-педиатр. Муж — Александр Евгеньевич Щетанов, 1958 г. р., директор фирмы.

Анна Дмитриевна Васильева 1961 г. р. — инженер.

Татьяна Владимировна Гилязова (урожд. Коневцова), 1966 г. р. — медсестра. Проживает в пос. Мостовской Краснодарского края. Муж — Геннадий Гилязов, 1965 г. р.

Владимир Владимирович Коневцов (1972–2007). Проживал в пос. Мостовской Краснодарского края. Жена — Оксана 1978 г. р.

Праправнуки:

Георгий Владиславович Глаговский, род. 14.04.1969 г. — инженер.

Илья Владиславович Глаговский, род. 29.10.1971 г. — инженер. Проживает в Израиле. Женат.

Татьяна Юрьевна Капустина, род. 27.02.1979 г. Проживает в Израиле.

Алексей Александрович Сеничев, род. 21.12.1972 г. — программист. Закончил Электротехнический университет (ЛЭТИ).

Алла Александровна Сухляева (урожд. Сеничева), род. 25.09.1978 г. — дизайнер. Закончила С.-Петербургскую художественно-промышленную академию им. Штиглица. Муж — Сергей Николаевич Сухляев, род. 5.09.1975 г. — экономист, директор фирмы, дочь — Варвара Сергеевна Сухляева, род. 18.06.2005 г.

Наталья Николаевна Балахонова (урожд. Фадеева), род. 12.04.1976 г. — преподаёт англ. яз. в гимназии. Закончила Российский гос. педагогический ун-т им. А. И. Герцена. Муж — Дмитрий Александрович Балахонов, род. 5.12.1975 г. — экономист, дочь — Мария Дмитриевна Балахонова, род. 16.12.2003 г.

Александр Николаевич Фадеев, род. 4.12.1979 г. — преподаёт физику. Закончил С.-Петербургский архитектурно-строительный ун-т. Жена — Анна Владимировна Фадеева (урожд. Данилова), род. 10.09.1970 г., инженер. Дочь — Катерина Александровна Фадеева, род. 30.12.2006 г. Сын — Михаил Александрович Фадеев, род. 15.01.2009 г.

Юлия Евгеньевна Ивлева (урожд. Колесникова), род. 26.09.1988 г. — инженер. Закончила С.-Петербургский ун-т телекоммуникаций им. Бонч-Бруевича, параллельно обучаясь по обмену в Лейпцигской Высшей школе телекоммуникаций; защищала диплом дважды: в СПб. на русском, в Лейпциге на немецком языке. Инженер. Муж — Роман Владимирович Ивлев, 1988 г. р., предприниматель, закончил ИТМО.

Алексей Владимирович Колесников, род. 10.04.1975 г. — директор фирмы. Закончил Ун-т морского и речного флота им. адм. Макарова. Жёны: 1-я — Наталия Викторовна Колесникова (урожд. Катюк), 1975 г. р., экономист; дочери: Валерия Алексеевна Колесникова, 1997 г. р.; Марфа Алексеевна Колесникова, 2009 г. р.; 2-я — Марина Александровна Колесникова (урожд. Грибова), 1984 г. р.; дочь — Алёна Алексеевна Колесникова, 2017 г. р.

Мария Владимировна Серова (урожд. Колесникова), род. 16.09.1981 г. Закончила ф-т журналистики С.-Петербургского гос. ун-та. Муж — Алексей Сергеевич Серов, 1983 г. р. Сын — Дмитрий Алексеевич Серов, род. 19.06.2011 г.

Пётр Александрович Щетанов, род. 5.03.1985 г. Закончил мат.-мех. ф-т С.-Петербургского гос. ун-та.

Надежда Владимировна Васильева (дочь А. Д. Васильевой), род. 28.01.1989 г. Закончила С.-Петербургский ун-т культуры.

Софья Владимировна Васильева (дочь А. Д. Васильевой), род. 28.01.1989 г. Закончила С.-Петербургский ун-т культуры.

Екатерина Геннадиевна Ильясова (урожд. Гилязова), род. 27.08.1989 г. Муж — Владимир Ильясов. Сын — Роман Владимирович Ильясов, род. 6.10.2011 г.

Валерия Геннадиевна Гилязова, род. 6.09.1995 г.

Сергей Владимирович Коневцов, 1994 г. р.

Анджела Владимировна Коневцова, 1999 г. р.

Потомки Веры Дмитриевны Борман (урожд. Тырковой)

Дети:

Пётр Сергеевич Борман (1897–1959) — инженер-лесовод. Участник войн с Германией; поручик, артиллерист. Во время Гражданской войны командир батареи. Награждён орденом

св. Георгия и Георгиевским крестом, орденами Красной Звезды, Отечественной войны. В 1942 г. ранен. Преподаватель Свердловского университета и Лесотехнического института. Похоронен в Свердловске. Жёны: 1-я — Мария Сергеевна Плотникова, 1901 г. р.; 2-я — Алиса Альбертовна Компаньен (1892–1975); 3-я — Людмила Михайловна Комлева (1926–2012).

Георгий Сергеевич Борман (1899–1968) — инженер-лесовод, преподаватель черчения и рисования, художник-акварелист (любитель). Репрессирован в 1935 г., реабилитирован в 1961 г. Проживал в Ухте, Свердловске, возвратился в Ленинград в 1963 г. Умер и похоронен в Ленинграде. Жёны: 1-я — Александра Сергеевна Плотникова; 2-я — Зоя Степановна (в Ухте).

Муза Сергеевна Борман (10.05.1901–26.09.1975) — инженер по механической обработке дерева. Награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд» и др. (за период Великой Отечественной войны). Муж — Евгений Евгеньевич Колесников (6.09.1896–7.10.1982).

Внуки:

Елена Николаевна Сухачевская (3.05.1921–14.08.2004) — дочь Петра Сергеевича Бормана, удочерённая его родителями до 12 лет, а затем удочерённая отчимом Никанором Фёдоровичем Тихоновым. Библиограф. Проживала в Новокузнецке. Мужья: 1-й — Леван Петрович Богдинов, пропал без вести в 1942 г.; 2-й — Яков Наумович Сухачевский (1922–1987), заведующий кафедрой марксизма.

Наталия Петровна Борман (1923–1942). Умерла в блокадном Ленинграде.

Андрей Петрович Комлев (сын Петра Сергеевича Бормана), род. 7.05.1947 г. — техник-архитектор, филолог, известный специалист по «Слову о полку Игореве». Проживает в Екатеринбурге. Жёны: 1-я — Светлана Николаевна Комлева (урожд. Богуцкая) (1947–1986), экономист; 2-я — Лариса

Александровна Попова, 1963 г. р.; 3-я — Ольга Николаевна Ситникова, 1952 г. р.; 4-я — Ольга Львовна Маненкова, 1966 г. р.

Сергей Георгиевич Борман (1922–1985) — инженер-геолог. Проживал в Екатеринбурге. Жена — Евгения Николаевна Борман (урожд. Макарова) (1937–2011), техник-геолог.

Игорь Георгиевич Борман, 1953 г. р. Проживает в Ухте.

Алексей Евгеньевич Колесников (1923–1995) — также внук Софии Владимировны Колесниковой.

Правнуки:

Натэлла Никаноровна Иванова (урожд. Тихонова, дочь Е. Н. Сухачевской от 1-го брака, удочерённая её родителями), род. 11.06.1941 г. — педагог. Проживает в Оренбурге. Муж — Борис Степанович Иванов, 1944 г. р., полковник в отставке, юрист.

Любовь Яковлевна Нестерович (урожд. Сухачевская), род. 23.03.1944 г. — историк. Проживала в Новокузнецке Кемеровской обл., в 2017 г. переехала с семьёй в СПб. Муж — Алексей Львович Нестерович (1945–2003), инженер.

Михаил Сергеевич Борман, 1956 г. р. Жена — Наталья Николаевна Борман (урожд. Скуратова) (1955–2011). Проживает в Екатеринбурге.

Анастасия Андреевна Чижевская (урожд. Комлева), род. 31.05.1973 г. — филолог. Замужем. Проживает с мужем в Киеве.

Праправнуки:

Дмитрий Алексеевич Нестерович, род. 30.06.1968 г. Жена — Муршида Фариковна Багаевеева. Дочь — Ольга Дмитриевна Иванова (урожд. Нестерович), род. 3.12.1989 г., юрист; муж — Артём Вадимович Иванов, 1989 г. р., юрист; дочь — Кристина Артёмовна Иванова, род. 9.09.2015 г. Проживают в СПб.

Дмитрий Борисович Иванов, род. 11.08.1974 г. — предприниматель. Закончил Оренбургский политехнический ин-т. Женат. Сын — Андрей Дмитриевич Иванов, 2009 г. р. Проживает в Оренбурге.

Евгений Михайлович Борман, 1981 г. р. Женат. Дочь — Ольга.

Оксана Михайловна Борман, 1986 г. р.

Потомки Марии Константиновны Бюриг (урожд. Тырковой) {30}

Дети:

Елена Всеволодовна Назарова (урожд. Тыркова), род. 19.01.1932 г. — инженер-технолог. Муж — Василий Михайлович Назаров (25.10.1929–15.03.2017), инженер.

Эльза Ренэевна Бюриг-Беспалова, род. 18.02.1936 г. — техник-строитель. Мужья: 1-й — Борис Иванович Берёзкин, погиб в автомобильной катастрофе; 2-й — Александр Садриевич Фатахов; 3-й — Анатолий Иванович Беспалов, род. 20.10.1940 г.

Татьяна Ренэевна Бюриг, род. 25.01.1938 г. — фельдшер. Муж — Ренальд Иосифович Робачевский (10.10.1926–21.01.1996), скульптор.

Михаил Ренэевич Бюриг (7.06.1940–1.07.1998) — инженер-кораблестроитель, основатель и директор ювелирной фирмы. Жена — Лариса Викторовна Бюриг (урожд. Артамонова) (15.04.1945–27.05.2016).

Внуки:

Дмитрий Васильевич Назаров (1.09.1957–9.07.2010) — инженер-атомщик, зам. директора коммерческой фирмы. Жена — Лидия Васильевна Назарова (урожд. Иванова), род. 1.01.1957 г. — инженер.

Мария Васильевна Давыдова (урожд. Назарова), род. 30.04.1959 г. — инженер, работает бухгалтером. Муж — Дмитрий Сергеевич Давыдов, род. 20.01.1963 г., инженер.

Ирина Борисовна Баранова (урожд. Берёзкина), род. 2.02.1961 г. — парикмахер. Закончила Радиополитехникум. Мужья: 1-й — Николай Эмильевич Баранов, 1959 г.р.; 2-й — Анатолий Борисович Козырев, род. 14.04.1969 г., строитель.

Нина Александровна Витер (урожд. Фатахова), род. 10.01.1967 г. — юрист. Проживает в Харькове. Муж — Вадим Владимирович Витер, род. 17.10.1964 г. — инженер-педагог, юрист.

Пётр Ренальдович Робачевский, род. 10.02.1964 г. — дизайнер-искусствовед в галерее Михайлова в Баден-Бадене. Учился в ВХПУ им. Мухиной, закончил художественное образование в Мюнхене.

Артём Михайлович Бюриг, род. 23.07.1968 г. — директор ювелирной фирмы. Жена — Екатерина Анатольевна Бюриг (урожд. Николаева), род. 16.09.1968 г., педагог дошкольного образования.

Правнуки:

Евгения Дмитриевна Покатова (урожд. Назарова), род. 16.11.1979 г. — врач-офтальмолог. Мужья: 1-й — Игорь Покатов; 2-й — Дмитрий Александрович Бутлицкий, род. 14.12.1976 г., врач.

Василий Дмитриевич Назаров, род. 6.06.1990 г. — инженер. Закончил ЛЭТИ. Жена — Наталья Сергеевна Назарова (урожд. Павлова), род. 2.06.1990 г., закончила Горный ин-т, эколог.

Кирилл Николаевич Баранов, род. 29.12.1980 г. — строитель. Закончил С.-Петербургский ун-т кино и телевидения.

Анфиса Анатольевна Козырева, род. 5.01.2001 г.

Наталья Дмитриевна Сидорова (урожд. Давыдова), род. 1.11.1992 г. Муж — Артём Олегович Сидоров, род. 3.07.1993 г., закончил Ун-т морского и речного флота им адм. Макарова, инженер-механик.

Юлия Вадимовна Сидельникова (урожд. Витер), род. 27.06.1987 г. — магистр англ. яз. и литературы. Закончила Харьковский ун-т им. Каразина. Проживает в Харькове. Муж — Евгений Владимирович Сидельников, специалист по компьютерам.

Дмитрий Вадимович Витер, род. 21.07.1988 г. — старший прокурор. Закончил Ун-т им. Ярослава Мудрого, Ун-т Хертфордшира (Великобритания), Харьковский ун-т им. Каразина. Проживает в Харькове.

Родион Вадимович Витер, род. 18.02.1998 г. — студент Харьковского ун-та радиоэлектроники.

Валерия Артёмовна Бюриг, род. 12.08.1999 г.

Праправнуки:

Анна Игоревна Покатова, род. 2.04.2005 г.

Илья Дмитриевич Бутлицкий, род. 26.04.2010 г.

Даниил Дмитриевич Бутлицкий, род. 21.12.2015 г.

Алиса Евгеньевна Сидельникова, род. 18.10.2014 г.

Часть VIII

СВЕДЕНИЯ О ТЫРКОВЫХ

из древних летописей
и других литературных источников

* * *

Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории (Петроград, 1917):

С. 133

В XV и XVI веке служилым людям стали давать земли, называемые «поместьями», а их владельцев — «помещиками», «детьми боярскими и дворянами». Поместья были временными владениями (вначале), в отличие от наследственных вотчин. Помещик обязан был служить. За нерадение или смертью его поместье возвращалось в казну. В XVI веке на государеву службу было «поверстано» множество народа и новым помещикам были розданы земли в Новгородских пятинах и других областях. Для заведования поместьями в Москве была устроена «Поместная изба» с «Разрядным приказом».

С. 116

В 1479 г. Вел. князь Иван III переселил множество (1000 семейств) новгородцев на восток в Московские земли, а большое число московских служилых людей поселил в Новгородских пятинах.

С. 146

В 1570 г. царь Иван Грозный подверг разорению целый город — Великий Новгород. Ходил на них войной и губил их без всякого суда в течение нескольких недель. Поместья казненных раздавались новым владельцам.

В семье Тырковых была принята версия, что род этот имеет татарские корни. Случаи обрусения татар вообще встречаются в период распада Татарской Орды в XV и XVI веке. Много татар поступало целыми отрядами на военную службу к русскому великому князю. Фамилия Тырковых впервые появляется в этот период. Черты лица многих членов этой семьи ещё и ныне носят несколько монгольский характер, что не противоречит этой легенде.

В новгородских писцовых книгах, изданных Археологическим обществом, удалось найти наиболее ранние сведения, относящиеся к Тырковым и Вергеже.

Новгородские писцовые книги, изданные Археологическою комиссиею. Т. III: Переписная оброчная книга Вотской пятины 1500 года. 1-я пол. (СПб., 1868): Погост Коломенский на Волхове

С. 242

Да на Петра (Путятина) же косят пустош Вергежу да погосто Морткино, а ставят на них сена восемьдесят копен...

С. 459

Отдано Калитиным же Великого князя деревни оборочные же, что были монастырские. Деревни, что были Успения Пречистыя Волотовского монастыря, что на Волхове. Д. Купрово на Волхове... Д. Вергежа: дв. Оноско Ивашков, дв. Софройко Лахнов...

Писцовая книга Вотской пятины / Под ред. А. М. Гневушева. Вып. 1. (Новгород, 1917):

С. 102

В Коломенском же погосте за Федором за Васильевым сыном Калитина: Дрв. Вергежа бывало Успенье Пречистые Волотовского монастыря: дворов: в большем помещик Федор, а людей его: дв. Левонко Чюдин; а крестьян: дв. Макар Фомин... (еще четыре двора). Пашни помещиковой 10 кор. Сена...

**Новгородские писцовые книги,
изданные Императорской Археографической комиссией.
Указатели к первым шести томам (Петроград, 1915):**

С. 87

Тырков Булат Козлов помещик книга VI
Тырков Заня Козлов помещик книга VI
Тырков Иван Булатов помещик книга VI
Тырков Поярок Козлов помещик книга VI
Тырков Станислав Козлов помещик книга VI
Тырков Степан Юрьев помещик книга VI

С. 112

Вергежа пустошь книга III, с. 242
Вергежа деревня книга VI, с. 459

**Новгородские писцовые книги,
изданные Археографической комиссией.
Т. 6: Книги Бежецкой пятины. II: 1545 г.
(СПб., 1910):**

С. 250

В Петровском же погосте в Аржанской волостке Тихвина Васильевская Кузьмина на реце на Тихвине, что была за князем за Иваном за Гундаровым в поместье, а ноне за детьми боярскими за Станиславом, да за Занею, да за Булатцем, да за Поярком за Козловым детьми Тыркова отцовское поместье...

С. 251

Дер. Мошок вопче с Юшком с Тырковым да с его сыном Степаном на Станиславове з братьею полу обжа: дв. Филька...

А по новому писму за Станиславом з братьено деревень и с пустою, и с вотчею 7, а дворов и з большим 10, а людей 13 чел.

В Петровском же погосте в Аркажском в Тихвинском в волостке в Тихвине в Васильевской Кузьмина за Юшком за Ивановым сыном Тыркова да за его сыном за Степанцом.

Дер. Костяниково: дв. большой, а в нем сам Юшко с сыном Степанцом, а крестьян; дв. Ефимко, дв. Иванко...

Дер. Мошок вопче Станиславом да с его братьею з Занею да з Булатцем, да с Поярком с Тырковым. 1551 г.

С. 640

В Петровском же погосте в Тихвинском за Станиславом, да за Занею, да за Булатцом, да за Поярком за Козловыми детьми Тыркова и Станиславца в животе не стало лета 7050/1542 у себя в поместье, а отроду не осталось и Станиславова выть отдана подъячей грамоте Дмитрия Скрыпицина да Ишука Бухарина Занке, да Булатцу, да Поярку Григоровым детям Тыркова; да Булатца в животе не стало-ж лета 7058/1550 себя в поместье, а осталась у него жена Марья, да сын Иванец 5 лет на отцовой выти; а отцовского за ними поместья.

Да им же придано Зане, да Булатцу, да Поярку, да Юшкову сыну Степанцу Иванова сына Тыркова, придано из придачи к старому их поместью...

Веселовский С. Б. Ономастикон (М., 1974):

С. 328

Тырков Борис Михайлович, конец XV века. Новгород.

Тысячная книга 1550 г. и Дворцовая тетрадь 50-х годов XVI в. (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950):

С. 236

Федор Тырков — решетчатый приказчик (начальник стражи) в 1591–92 гг.

**Материалы по истории Узбекской,
Таджикской и Туркменской ССР
(Л.: Изд-во АН СССР, 1933). Гл. 8:**

Год 1622 — Челобитная прибывшего в Москву Хиванского султана Авгана Мухамеда...

С. 300

Упоминается Иван Тырков, который вёл переговоры с султаном Авганом как знающий узбекский язык.

Сноска: сведения взяты из статейного списка Ивана Хохлова в «Сборнике» кн. Хилкова, 1878 г.

Сборник князя Хилкова Григория. Петербург, 1878

С. 388

1622-й г. декабрь 12. Статейный список посольства в Бухарию Ивана Хохлова.

С. 390–441

Упоминается переводчик Иван Тырков.

На основании этих исторических сведений узбекский писатель Миркарим Асимов написал повесть «Посланник Хорезма», напечатанную в журнале «Звезда Востока» (1973, № 12).

Содержание повести: посольство Ивана Даниловича Хохлова из Москвы в Хорезм и обратно в 1620–1622 гг. Иван Тырков многократно упоминается как доверенное лицо и переводчик при посланнике. Подробности внешности и поведения Тыркова являются художественными домыслами писателя.

**Соловьев С. М. История России с древнейших времен
Кн. IV, т. 7–8 (М.: Соцэкгиз, 1960):**

С. 541

Во время царствования Василия Шуйского. 1606–1610 гг.

Пермичи плохо помогали деньгами царю Московскому и не помогали бороться с врагами соседями вяжигами. На просьбы этих соседей на письма Строгановых выставить своих ратных людей против казаков стрельцов и черемис, воров, засевших в Котельниче, но пермичи обещали, но людей не прислали, так как их смущали разноречивые слухи, будто изменники очистили Котельнич и убежали в Яренск и поэтому воевода вятский князь Михаил Ухтомский своих ратных людей распустил, поэтому

и пермичи своих людей не послали. А приезжий сын боярский Василий Тырков сказывал, что в Котельниче государственных изменников было всего 1400 человек и у князя Ухтомского было ратных людей в сборе 12 000, и с таким собранием с изменниками легко было справиться, но, по-видимому, Ухтомский из Котельнича нарочно изменников в Яренск отпустил, ведь туда всего одна ночь езды. Татары Каринские и Василий Тырков государевыми ратными людьми у князя Ухтомского на изменников просились, но князь Михайло их не пустил. Вятчи с возмущением отвечают, что все вышесказанное ложь, обвиняют пермичей в измене и кончают письмо так: «Вы росказням Тыркова верите, а нашему письму не верите, так вам самим пьяным всегда быть, как был пьян на Вятке Василий Тырков».

В самом деле, какое право имели пермичи, мимо отписок воеводы и мира, поверить речам какого-то Тыркова, который мог лгать на Ухтомского из личных отношений. Если бы даже речи Тыркова были справедливы, то все равно пермичи обязаны были выслать войско.

**Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге
от С.-Петербурга до Владивостока /
Под ред. графа А. Д. Дмитриева-Мамонова
(СПб., 1914):**

С. 409

Основание г. Томска относится к началу XVII столетия. В 1604 г. по повелению царя Бориса Федоровича Годунова казачий голова Г. И. Писемский и боярский сын Тырков В. Ф. в местности кочевья татарского племени Еушта zaloжили Томский острог, названный по имени р. Томи, а в 1629 г. Томский острог был сделан областным городом.

Фамилия Тырковых встречается также в Указе от 20 января 1716 г., где можно прочесть, что для надзора за домами и деревнями генерал-адъютанта Ягужинского были назначены: из дворян Елагин и Тырков.

ТЫРКОВ-ЛИЦЕИСТ

Гастфрейнд Н. А. Товарищи Пушкина по императорскому Царскосельскому лицу. Т. III (СПб., 1913)

С. 378–386

Александр Дмитриевич Тырков.

Александр Дмитриевич Тырков родился в 1799 году в семье капитана. Его отец Дмитрий Алексеевич Тырков был женат на Анне Ефимовне Путятиной. У последней была сестра Мария Ефимовна, которая была замужем за Назимовым. Первоначальное образование Александр Дмитриевич получил в частном институте протоиерея Каменского. В лицей он поступил по рекомендации министра юстиции Г. Р. Державина.

Профессор российского и латинского классов лицея Кощанский так аттестует Тыркова: «Не столько счастлив своими способностями, которые старается заменить прилежанием, однако ж успехи его посредственные». Мартын Пилецкий в 1812 году дает такой отзыв о Тыркове: «Чувствуя слабые свои дарования, он сделался весьма старательным и прилежным, хотя, при всем том, успехи медленные. Довольно благонравен, кроток, усерден, опрятен. Случающиеся угрюмость, упрямство, гнев и самая дале молчаливость с застенчивостью, неловкость его и нерасторопность происходят более от недостатка в воспитании и образовании: оттого и выражается он несвязанно, сбивчиво и более механически, нежели по размышлению».

9 июня 1817 года вместе с другими кончил курс лицея и был выпущен в Северный Конно-Егерский армейский полк — прапорщиком. Служба его в полку была не долгой, в его формуляре записано: «в походах не бывал, в штрафах не бывал, состоит в комплекте при полку, к повышению чином достоин». 28 мая 1820 года произведен в поручики. 21 февраля 1822 года уволен от службы за болезнь в чине штабс-капитана, холост.

В 1823 году есть такие сведения о нем — отставной штабс-капитан Тырков живет домком на Васильевском острову: у него и куры, и гуси, и утки, и весь домашний обиход заведен.

У А. Д. Тыркова был маленький дефект, он ходил не прямо как все люди, а все бочком, бочком. Заметив его недостаток, лицеисты сочинили такой о нем куплет:

Танцует здесь
Вперед бочком на бале,
А Шишкин-князь,
Над ним смеясь,
На флейте скачет в зале.

Кроме этой странности, у него было еще пристрастие к одному французскому выражению, а именно: *Ma fois!*

Из сохранившихся протоколов лицейских годовщин очень интересен протокол 1828 года, собственноручно писанный Пушкиным, в нем написано: «Собирались на пепелище скотобратца курнофеиуса Тыркова, по прозванию “кирпичный брус”, 8 человек скотобратцев». Далее в этом же протоколе записано: «Тырковиус безмолвствовал».

Кличка «кирпичный брус» была дана Тыркову за его телосложение и цвет лица, который у него был смугло-бурый. В лице у него были ещё следующие клички: Тыркус, Тырковиус, Курносый кпе, Курнофеиус. В 1829 году Яковлев пишет Вольховскому: «Тырков. Новгородский помещик, летом живёт в деревне, где строит огромный дом и разводит сад, а к зиме является в город, где молча угощает приятелей хорошими обедами и винами».

24 ноября 1836 года Яковлев пишет тому же Вольховскому: «Тырков, по словам его любезного братца, совсем рехнулся. Он сидит, запершись в комнате, вырезает бумажки и пускает их произвол ветра».

По словам племянника А. Д. Тыркова, Владимира Алексеевича Тыркова, у Александра Дмитриевича в 18 верстах от Любани было большое имение, которое называлось Апраксин Бор и состояло из 7000 десятин. После смерти Александра Дмитриевича его имение было куплено г. Стобеусом. Однако Александр Дмитриевич в своём имении никогда не жил, так как был душевнобольным и проживал у своего брата Алексея Дмитриевича Тыркова в имении Вергежа.

Умер Александр Дмитриевич 7 ноября 1843 года, как значится на его могильной плите. Погребён он в Сосницкой пристани на кладбище при церкви Св. Николая Чудотворца Новгородской губернии Новгородского уезда, Спасско-Полиетской волости.

Носова В. Комиссаржевская (М., 1964. (Серия «Жизнь замечательных людей»)):

С. 270–271 (относится к 1906–1907 гг.)

...но Вера Фёдоровна знала, что ей придётся защищаться теперь не только от Мейерхольда, но и перед общественностью; она написала две записки: сообщая об открытом письме Мейерхольда, одну она послала Ариадне Владимировне Тырковой, писательнице, хорошо знавшей театр, актёров и Мейерхольда; другую — присяжному поверенному Александру Карловичу Вольфсону.

...Вера Фёдоровна прочла им своё письмо в газету: «Открытым письмом в газету “Русь” В. Э. Мейерхольд, чувствуя себя оскорблённым, пригласил меня к суду чести. Спешу заверить, что я принимаю его приглашение и что судьями с моей стороны будут Ариадна Владимировна Тыркова (Вергезский) и присяжный поверенный Александр Карлович Вольфсон...»

...наконец, 20 декабря третейский суд объявил своё решение: обвинение Мейерхольда против Комиссаржевской признать неосновательным...

Комлев А. «Жизнь Пушкина» и нить Ариадны // Урал (ежемесячный литературно-художественный и публицистический журнал). 1999. № 6

В 1998 году издательство «Молодая гвардия» в своей знаменитой серии «ЖЗЛ» издало двухтомный труд Ариадны Тырковой-Вильямс «Жизнь Пушкина», первоначально изданный в Париже в 1928 (1 том) и в 1948 (2 том) годах. Известный поэт и исследователь русской литературы Андрей Комлев знает об авторе этой, по сути, единственной биографии Пушкина не понаслышке. Приходясь родственником Ариадне Владимировне Тырковой-Вильямс,

он давно интересовался судьбой этой легендарной женщины, собирая сведения о ней по семейным архивам и преданиям ещё тогда, когда доступ к иным источникам был плотно закрыт. В основу этой публикации лёг доклад А. Комлева, сделанный в апреле нынешнего года на Пушкинской конференции в Музее писателей Урала.

«Фундаментальный труд А. Тырковой-Вильямс “Жизнь Пушкина” никогда не включался в наш исследовательский оборот. Репутация яростной, непримиримой антибольшевички (репутация вполне заслуженная) сопутствовала Тырковой во весь век советской власти...

Судьба Ариадны Владимировны давно волновала меня, и не только в силу родственных уз: её жизнь — яркая страница истории русской интеллигенции. В девические годы Тыркова училась в петербургской гимназии княгини Оболенской. Ей пришлось покинуть гимназию после того, как обнаружилось участие её старшего брата в покушении на Александра II. Экстерном она все же сдала курс гимназии и поступила на математическое отделение Высших женских курсов (знаменитые Бестужевские курсы). Но и тут она не доучилась, поскольку вышла замуж и родила детей.

Деятельная натура Ариадны Владимировны не могла принять роль домохозяйки, к тому же первый брак оказался несчастлив, а материальные проблемы все более давали себя знать. Тыркова пробует переводить для журнала “Мир Божий”, издавала который мать её гимназической подруги Лидии Давыдовой. Надо сказать, гимназические подруги Тырковой — это отдельный сюжет и особая страница русской политической истории. Помянутая Лидия Давыдова стала женой Михаила Туган-Барановского, Нина Гердт вышла за Петра Струве, третьей подругой была Надежда Крупская. Так что у Тырковой были все основания говорить: три основных русских марксиста женаты на моих гимназических подругах.

Переводчика из Тырковой не вышло, но вскоре появился журналист А. Вергезский — под таким псевдонимом она стала писать сперва для ярославской газеты “Северный край”, потом для “Приднепровского края”, выходящего в Екатеринославе. На рубеже веков она стала довольно заметным беллетристом,

печаталась в ведущих журналах и издала книгами несколько романов. В 1912 году Тыркова редактирует газету “Русская молва”, куда редактором литературного отдела был приглашён Блок... Через несколько лет Тыркова резко критиковала Блока за “Двенадцать”, но в 1931 году, уже в Англии, выступала с лекциями о нем, написала статью и не раз вспоминала его в письмах. Надо отметить, одно обстоятельство связывало её с Блоком, так сказать, изначально. У Блока бабушка по отцу была Ариадна Черкасова, дочь новгородского губернатора. Тырковы были с ними соседями по имениям, и своё имя Тыркова получила в честь Ариадны Александровны.

Я понимаю, что отступил от рассказа об Ариадне Владимировне именно как о биографе Пушкина, но уверен, что некоторым образом судьба вела её к главному труду всю жизнь. Не могло не вести её к Пушкину и то обстоятельство, что брат её деда Александр Дмитриевич Тырков учился в Лицее вместе с Пушкиным. Этот Тырков, сын новгородского помещика, в Лицей попал по рекомендации Гаврилы Романовича Державина, чьё имение Званка было по соседству с тырковской Вергежей. В “Жизни Пушкина” Тыркова упоминает своего дедового дядю лишь в общих списках, но такая “родственная тропинка”, наверное, немало для неё значила.

В её книге ценно отсутствие полемического задора, хотя Ариадна Владимировна славилась именно как блестящий полемист. Став пушкиноведом, она не привнесла в свой труд никаких политических пристрастий, хотя опять же была человеком очень политизированным. Начинала она как марксистка, имела неприятности с властями; была заключена на десять дней в Литовский замок за участие в знаменитой студенческой демонстрации у Казанского собора. Более серьёзными были последствия, когда она согласилась провезти контрабандой из Финляндии часть тиража журнала П. Струве “Освобождение”. Вместе с напарником — Евгением Аничковым — она была задержана, но за неё внесла залог ещё одна гимназическая подруга — Вера Черткова, дочь сподвижника Александра II и сестра толстовца Владимира Черткова.

Тем не менее ей грозило тюремное заключение, и вскоре она пересекла финскую границу, чтобы влиться во все растущие ряды русских политических эмигрантов. Оказавшись в Штутгарте,

она познакомилась с молодым корреспондентом газеты “Таймс” Гарольдом Вильямсом. Вильямс был новозеландец, сын пастора и сам священник. Но вышло так, что он, влюбившись в учение и идеи Льва Толстого, потянулся к России. Ариадне Владимировне довелось стать его женой. В Россию они вернулись в 1905 году. Дмитрий Шаховской, один из основателей кадетской партии, тотчас привлёк Тыркову к “партийной жизни”. Она стала активным деятелем ЦК. Сразу после Октябрьского переворота Тыркова резко выступила против большевиков. На своей квартире она делала документы женщинам из женского батальона и организовывала переправу офицеров, возвращающихся с распадающихся германских фронтов, на Дон, к Деникину и Корнилову. По семейным источникам можно предположить, что на Дон она переправила и сына, и двух племянников (один из них — Евгений Колесников).

Как пишет Тыркова много позже в своих мемуарах, именно в эти переломные и трагические для России дни она решила, что будет писать о Пушкине. Но несколько последующих лет её всецело поглощали бурные текущие дела. Вместе с мужем она уехала в Англию, где с первых же дней призывала европейскую общественность не обольщаться насчёт советской власти. Вместе с мужем они образуют Русский комитет, в который вошли также проф. Ростовцев, Струве, Милуков. Выходят журнал “Новая Россия”, книги и брошюры, среди них “Дух русской революции” Вильямса, “От свободы к Брест-Литовску” и “Почему Россия голодает” Тырковой. Вильямс вскоре едет корреспондентом от “Таймс” и “Дейли Кроникл” в распоряжение Деникина. Ариадна Владимировна следует с ним. Вскоре её ждёт пароход из Новороссийска, на котором она покинет Россию навсегда.

В 20-е годы в Лондоне она вплотную берётся за своего “Пушкина”, не прекращая и повседневной общественной деятельности. Она устраивает литературные вечера, помогает издаваться русским писателям-эмигрантам, пробивает им гонорары. В 1928 году в Париже, в издательстве “Имка-пресс”, выходит первый том “Жизни Пушкина”. В том же году умирает Гарольд Вильямс. Она остаётся одна, но, осилив горе, берётся за второй том, надеясь завершить книгу к юбилею 1937 года. Но работа растягивается до начала сороковых годов. Сразу после Второй мировой

войны Тыркова-Вильямс вместе с сыном и внучкой перебирается в США. Скончалась она в Вашингтоне в 1962 году, на 93-м году жизни. Период работы над биографией Пушкина Ариадна Владимировна называла счастливейшим временем своей долгой насыщенной жизни. В одном из писем к внучке она признавалась, что больше всего на свете любила двух человек: своего мужа, Гарольда Вильямса, и Пушкина».

Николаева Н. Своя и родная Наташа // Смена. 2000. № 193 (8 сентября):

«Сегодня, 8 сентября, именины у Наташ. Первой принимает поздравления замечательный художник и график, человек трудной и яркой судьбы Наталия Дмитриевна Тыркова... С воспоминаний начался наш сегодняшний разговор с именинницей:

«Так уж нам, Натальям, не повезло, что первая большая бомбёжка и начало блокады пришлись именно на наш день. Я очень хорошо помню 8 сентября 41-го года, когда приехали родственники, в семье было четыре Наталии, мы сидели на балконе в квартире на Литейном и видели страшный чёрный дым, который валил со стороны Бадаевских складов. Голода тогда ещё не было, не предвиделось, да и кто мог предвидеть? В это время нам с сестрой было 12 и 5 лет. Наша мама просто героиня, что сумела в блокаду сохранить нас обеих. До войны она работала служащей в порту, а какие у служащих карточки! Вот однажды, когда мы совсем уже загибались, пришёл к нам папин сослуживец и помог нам хотя бы отоварить наши иждивенческие карточки на каком-то чудом уцелевшем складе. А потом предложили маме ходить на барже с боеприпасами в Кронштадт и обратно. Так нас спасли вторично, потому что мама стала получать военный паёк. Она плавала с весны 42-го года до самой Победы. Сразу стало легче, а потом и я поступила в ремесленное училище завода Калинина на Васильевском острове. Наша Галя жила с детским садом на Удельной, куда вывезли малышей, — туда не доставал обстрел. Вообще я считаю, что нас защищал Николай Чудотворец, потому что несколько раз мы спасались только чудом, я только сейчас, на старости лет, это осознала. Я очень боялась за маму, особенно в белые ночи. Их маленькая

баржа прекрасно была видна на заливе, и опять-таки чудом её не накрыли немецкие снаряды из Петергофа.

Там же в блокаде началось моё первое настоящее рисование. Ещё до войны бабушка меня определила в школу при Академии художеств, но я ничего, кроме зверей, рисовать не хотела, и меня выгоняли. Когда рисунки разглядели — приняли обратно, но школа эвакуировалась, а я оставалась здесь. В 43-м году, когда ещё не была полностью снята блокада, в Ленинград приехал архитектор Иосиф Александрович Вакс, ставший первым директором Училища имени Мухиной. Он искал ребят, умеющих рисовать, набирал курс для восстановления города после войны. Я работала на станке и попала в этот первый набор на художественную обработку металла. Диплом мы делали по оформлению первых станций метро, а потом меня потянуло на игрушки. Поехала в Загорск, там был всесоюзный игрушечный институт и музей, но скоро вернулась в Ленинград и попала на «Красный треугольник», в цех резиновых игрушек. Там поработала почти 30 лет. За эти годы придумала не меньше сотни резиновых зверей, только не все пошли в производство. Помню, я ходила по городу и в очень многих окнах видела свои игрушки, их туда ставили дети. А недавно опять была в Зоопарке, где с детства буквально дневала и ночевала, там много знакомых сотрудников, они вспомнили по моему рисунку одного барсёнка, каким он был рахитичным. Сколько перерисовано львят, тигрят, выдренышей, так просто не сосчитать. Я любила именно звериных детей и старалась в игрушке передать индивидуальность, неповторимость каждого животного, его характер, повадку, чтобы ребята не просто знали, но и любили зверят. Уж не знаю, как других, но своего сына я научила любить живность, он моих кошек никогда голодными не оставлял. Но, видно, под конец жизни мой хранитель Святой Николай занялся кем-то другим, потому что я потеряла своего тридцатипятилетнего Костю, он сгорел за месяц от рака. Оставил нам внука Андрюшу с таким же носом. Это наши семейные черты — круглые глаза и вздёрнутый нос.

Моя тётя Муза Сергеевна Борман написала книгу об истории рода Тырковых с фотографиями и документами, эта книга хранится в Пушкинском Доме. В ней часто упоминается имя Наталия, оно присуще нашему роду, — так уж получилось».

Наиболее ранние сведения о Тырковых-моряках

Общий Морской список.

Ч. II: От кончины Петра Великого

до вступления на престол Екатерины II (СПб., 1885)

Тырков Василий — в 1742 г. поступил на службу гардемаринном. В 1754 г. произведён в лейтенанты с назначением в обер-фискалы при Кронштадском флоте. Скончался в 1758 г.

Тырков Дмитрий Алексеевич, по родословной за № 18, был капитаном. Его сын, примерно 1793 г. р., Алексей Дмитриевич Тырков (дед моей матери) моряком не являлся, так как упоминается как коллежский ассессор. Его сыновья — Дмитрий, Михаил, Сергей — были моряками, что можно видеть в Морских описках.

Младший сын, Владимир, моряком не был (впоследствии хозяин родового поместья Вергежа). Сыновья Дмитрия — Пётр, Сергей, Константин — были моряками-офицерами, но в списках мне их найти не удалось; не нашлось в Морском музее справочника, относящегося к тем годам.

Общий Морской список. Ч. XII: Царствование императора Николая I. Т–Ю (СПб., 1900)

С. 108

Тырков Дмитрий Алексеевич

1830 — поступил в морскую роту Александровского корпуса кадетом;

1834 — мая 18 переведён в Морской корпус;

1838 — произведён в гардемарины;

1838–39 — корабли: «Св. Георгий Победоносец», «Император Пётр I» и на фрегате «Амфитрида» — плавание по Балтийскому морю;

1839 — произведён в мичманы с назначением в Черноморский флот;

1841 — «Силистрия» — крейсер у абхазских берегов, и на шхуне «Ялта» между Севастополем и Николаевым;

1842 — был у проводки корабля «Двенадцать Апостолов»;

1843–44 — бриг «Неарк»;

1845 — произведён в лейтенанты;

1848–50 — на «Бессарабии» и «Владимире» ходил по черноморским портам и в Константинополь;

1849 — назначен адъютантом к начальнику штаба Черноморского флота и портов;

1852 — уволен от службы 20 февраля чином капитан-лейтенанта. (В дальнейшем помещик в селе Бабино Новгородской губернии. Мой дед. — М. С.)

С. 109

Тырков Михаил Алексеевич вышел в отставку в 1841 году в чине капитан-лейтенанта. (Вероятно, рано умер, т. к. я никогда о таком не слышала. — М. С.)

Тырков Сергей Алексеевич. В 1853 г. вышел в отставку в чине капитан-лейтенанта.

Изыскание смысла гербов

ГЕРБ РОДА ТЫРКОВЫХ

Художественные элементы, входящие в рисунок герба, естественно, вызывают вопрос: а в каком смысле они используются в том или другом случае.

Для расшифровки этой темы мною было просмотрено не менее 25 книг по геральдике, но большая часть этой символики так и осталась неясной. Кое-что всё же удалось найти, даже прямо отнесённое к определённым гербам, и в том числе к гербам Тырковых и Путятиных.

Гербовед. Издаваемый С. Н. Тройницким (СПб., 1913):

С. 134

«...дипломы надлежит сочинять и в гербы для показания княжеского достоинства какие внешние, знаки употреблены

могут быть, о том в конторе никаких известий нет...» (Акт 24. 1750 г.)

Если для княжеских гербов не было, «какие внешние знаки употреблять быть могут», то надо думать, и для дворянских гербов не было установленных правил. Писарям, графикам, рисовавшим гербы, предоставлялась творческая фантазия.

Но иногда, вероятно, согласно просьбе заказчика, отражались особые события из подвигов данного рода.

Иногда гербы получали дополнительные элементы и в последующие поколения переходили с добавочными фигурами или надписями-девизами.

Энциклопедический словарь.

Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон.

Т. VII. Кн. 15 (СПб., 1892):

ГЕРАЛЬДИКА (с. 460–461)

Слово «герб» с польского herb, означает «наследник» или «наследство».

Гербовник Анисима Титовича Князева. 1785 г.

(СПб.: Изд. С. Н. Троицкого, 1912):

С. 101

Рисунок собственного герба Назимова Виктора Яковлевича. Здесь же отмечается, что «герба Назимовых в числе Высочайше утверждённых не имеется».

Лакиер А. Русская геральдика: в 2 кн.

(СПб., 1855):

Кн. 2. С. 104

«Колдын» — в белом поле означена чёрным цветом буква «А» под стропилами или крышей, под которой стропила соединены поперечиной. Т. XX, рис. 17.

Кн. 1. С. 465

Указываются гербы, принадлежащие различным дворянским фамилиям, в том числе Путятиним. Эмблема крыши со стропилами символизирует принадлежность герба старшему в роде, так как он остаётся хозяином в родном доме.

С. 441

«Лелива» состоит из положенных в голубом поле шестиугольной звезды, цвета золотого и под нею золотого же полумесяца, рогами обращённого вверх. Нашлемник из павлиньих перьев, на котором повторена та же фигура (т. XXIV, рис. 13). Это знамя, общее многим славянским племенам, есть вместе и герб Иллирии.

В перечне родов, имеющих такой рисунок герба, указана и фамилия Тырковых (V, 68).

С. 11

У татарских родов постоянно видны: луна, крест и сабля в том или другом положении, с теми или другими атрибутами.

Винклер П. П., фон. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесённые в полное собрание законов с 1649 по 1900 год (СПб., 1901):

С. 19 и 103

Медведь... — символ предусмотрительности и силы, обычно изображается в профиль, чаще поднявшийся на задние лапы. См. Герб города Великого Новгорода и др.

Винклер П. П. фон. Русская геральдика.

Вып. 1 (СПб., 1892):

С. 8

Лазурь, т. е. голубой цвет неба, это эмблема величия, красоты мягкости, приятности и бдительности.

Чёрный цвет: траур, печаль, благоразумие и смирение.

Серебро: символ красоты, правдивости и невинности. Детали, выполненные из этого металла, не покрывались краской.

С. 17, 18, 37

Форма щита, принятая теперь повсеместно, существовала во Франции с первых времён геральдики. Она иногда называлась самнитской, т. к., по преданию, подобную форму щитов римляне приняли от самнитских народов. Щит этот, форма которого имеет вид прямоугольника, основание его, равное 8/9 высоты, выступает вниз остриём, а нижние углы закруглены.

Деление щита... щит может быть трехчастный: герб Тырковых и др.

О символике павлиньих или страусовых перьев в навершии шлемов ни в одной из геральдических книг указаний нет. Приходится заимствовать эту символику от самих птиц.

Максимович-Амбодик Н.

Емвлемы и символы...

СПб.: Печ. в Импер. типогр., 1788):

С. XIV

Павлин означает обожание цариц. С распущенным хвостом: гордость, тщеславие, иногда пригожего, но глупого человека.

Рис. 158. Павлин с распущенным хвостом перед своими птенцами — «Сколько добросед, столько и горд!»

Рис. 563. Павлин со своим распущенным хвостом — «Носит свою награду с собой». (Можно понимать как независимость собственной оценки.)

Огранович С. М. О символике гербов //

Среди коллекционеров. 1921. № 6/7:

При составлении новых гербов практиковалось механическое заимствование ранее применявшихся мотивов геральдики.

Соображения по гербу рода Тырковых. Верхняя часть заимствована с образца «Леливы», тем более что элементы — звезда, луна, меч — соответствуют обстоятельствам рода Тырковых. Павлиньи перья в навершии шлема можно признать выражением гордости и независимости новгородских дворян, на что указывает медведь, несомненно перенесённый из герба г. Новгорода.

Итак, герб Тырковых можно осмыслить следующим образом: принадлежность к Новгородскому дворянству; происхождение от татар; воинские заслуги, сила, гордость, независимость, бдительность, приятность, благоразумие, честность.

Часть IX

О ПУТЯТИНЫХ И НАЗИМОВЫХ,

**вошедших в основной род Тырковых
и их потомков**

Герб рода Путятинных в Общем Гербовнике дворянских родов Всероссийской Империи (ч. 1, с. 64)

Пуцата, или Путята, как показано в представленной выписи Польского Гербовника, находились в Литве в знатных чинах и были в военном искусстве храбрые воины, от коих и фамилия Путятинных происходит. Потомки сего рода Путятинны служили

дворянские службы и верстины в 7098/1590 и других годах поместным окладом, а некоторые жалованы от Государей и чинами. Сие доказывается хранящимися в Геральдии и родословною Путятинных, и книгою Санкт-Петербургского дворянского собрания.

Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. II (СПб., 1887):

С. 282

ПУТЯТИНЫ. ГРАФЫ И ДВОРЯНЕ

По сказаниям польских герольдиков, род этот происходит от Дмитрия Юрьевича Путятинна, жившего в начале XVI столетия, но из летописей явствует, что он существовал ранее, так как

Григорий Афанасиевич Путятин ездил послом к польскому королю Казимиру в 1489 г. Никита Суморок Путятин, дьяк, в 1510 г. при окончательном присоединении Пскова к великому княжеству Московскому послан был туда для приведения псковитян к присяге на верность Великому Князю Василию Ивановичу. Сын его Григорий Никитич Меньшик, дворцовый дьяк, послан к Сигизмунду Августу (1510). Писал в 1526 г. духовную грамоту вёл. князю Василию Ивановичу; говорил с казачьими послами (1530–31 гг.); писал грамоту к вёл. княгине Елене (1533). Его сын Посник Григорьевич был дьяком при Иване Грозном (1550–1556 гг.). Иван Филиппович Путятин был помещиком Полоцкого уезда в 1571 г.

I

1. Павел Путятин — жил около половины XVI века.

II

- 2.{1} *Нартемий Павлович Меньшик* — переяславский городской дворянин (1590–1608).
- 3.{1} *Третьяк Павлович.*

III

- 4.{2} *Маккавей Нартемьевич.*
- 5.{3} *Никита Третьякович Архис* — новгородский дворянин (1608).
- 6.{1} *Афанасий Третьякович.*
- 7.{1} *Василий Третьякович.*

IV

- 8.{4} *Никифор Маккавеевич* — дворянин московский, ездил перед государем для заимки станов (1650).
- 9.{5} *Григорий Никитич* — новгородский городской дворянин (1608).

V

- 10.{9} *Фёдор Григорьевич* — новгородский помещик.
 11.{9} *Посник Григорьевич* — новгородский городской дворянин (1622).

VI

- 12.{10} *Богдан Фёдорович*.
 13.{11} *Иван Посникович* — большой — новгородский городской дворянин (1648).
 14.{11} *Иван Посникович* — меньшей.

VII

- 15.{13} *Леонтий Иванович* — служил в дворянах и детях боярских по Новгороду (1682–96).

VIII

- 16.{15} *Иван Леонтьевич* — большой — отставной полковник (1741).
 17.{15} *Степан Леонтьевич* — комиссар при канальной работе. Умер ранее 1741 г. Жена Феодосия — ей возвращены описанные имения мужа.
 18.{15} *Иван Леонтьевич* — меньшей — новгородский городской дворянин (1689), а затем подполковник и коллежский советник (6 ноября 1740 г.).
 19.{15} *Терентий Леонтьевич* — новгородский городской дворянин (1705).
 20.{15} *Никита Леонтьевич*.
 21.{15} *Яков Леонтьевич*.

IX

- 22.{16} *Семён Иванович* — подполковник.
 23.{16} *Дмитрий Иванович* — подпоручик.

24.{17} *Иван Степанович* — подпоручик. Ум. 29 июля 1767 г. Жена — Акулина Яковлевна Мордвинова. Ум. в 1781 г.; в первом браке была за Федотом Павловичем Ланским.

25. {18} *Пётр Иванович* — артиллерист, подполковник; заседатель Санкт-Петербургского верховного земского суда (1730). Ум. в 1755 г. Жена — Варвара Семёновна Качалова, дочь полковника.

26.{19} *Семён Терентьевич* — капитан.

X

27.{22} *Евфимий Семёнович* — обер-секретарь Адмиралтейств-коллегии (1799).

XI

33.{27} *Василий Евфимович* — выпущен из Морского корпуса 14.06.1801 г., капитан-лейтенант (11.1805 г.). Род. 1.01... 1779 г. Жена — Елисавета Григорьевна Бухарина, дочь генерал-майора.

34.{27} *Павел Евфимович* — штабс-капитан л.-гв. Преображенского полка.

{27} *Мария Евфимовна* — замужем за Иваном Владимировичем Назимовым.

{27} *Анна Евфимовна* — замужем за Дмитрием Алексеевичем Тырковым.

XII

39.{33} *Граф Российской империи с 6 декабря 1855 г., Евфимий Васильевич*, мичман (1822), лейтенант (1828), капитан-лейтенант (1834), капитан 2-го ранга (1838), капитан 1-го ранга (1839), контр-адмирал (1842), в свите Его Велич. (1846), генерал-адъютант (1849), вице-адмирал (1851). Заключил с Японией трактат, открыл её порты русскому флоту (1852), адмирал, министр народного просвещения (1861). Род. в 1803 г.;

умер в 1883 г. в Париже. Жена — Мария Васильевна Ноульс (дочь начальника департамента англ. морского министерства).

- 40.{33} *Григорий Васильевич* — артиллер. капитан (1807). Жена — София Алексеевна.

XIII

- 41.{39} *Граф Василий Евфимович*. Род. в апр. 1846 г. Умер в Париже холостым.
- 42.{39} *Граф Евгений Евфимович* — л.-гв. Конно-арт. бриг. Род. в 1852 г. — бездетный.
- 43.{39} *Граф Август Евфимович* — поручик л.-гв. Преобр. полка (1856–1877).
- {39} *Графиня Ольга Евфимьевна* — фрейлина Высоч. Двора. Род. в 1846 г.
- {39} *Графиня Мария Евфимовна* — фрейлина Высоч. Двора. Род. в 1850 г.
- {39} *Графиня Елизавета Евфимьевна* — фрейлина Высоч. Двора. Род. в 1853 г.
- 44.{40} *Николай Григорьевич* — судебный следователь Порховского уезда. Умер в 1851 г.
- 45.{40} *Александр Григорьевич* — артиллерии капитан.
- 46.{40} *Иван Григорьевич* — порховской помещик, 1880 г.
- {40} *Мария Григорьевна* — замужем за дворянином Масленниковым.

Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. XXVA (50). (СПб., 1897):

С. 818

Путятинны — графский и дворянский род, восходящий к концу XV века. Дьяк Никита Сумарок II послан был в 1510 г. в Псков для приведения жителей его к присяге Великому Князю Василию Ивановичу. Его сын дворцовый дьяк Григорий Меньшик был послан в Польшу (1510). В XVIII веке Путятин

служил по Новгороду. Евфимий Васильевич Путятин получил графское достоинство в 1855 г. Род графов и дворян Путятинных внесён в V и VI части родословной книги Новгородской губернии. (Гербовник I, 64 и XII, 16.)

Столица и усадьба (Петроград, 1916).

Владимир Белинский. Геральдические эскизы:

С. 11

...Русская генеалогия насчитывает 52 рюриковских княжеских рода, к которым надо присоединить ещё некоторые другие, не в общие списки, но тем не менее того же происхождения, в том числе и 15 польских рюриковских фамилий.

Вот список этих фамилий: Голицыны, Куракины, Сангушко, Одоевские, Кольцовы-Масальские, Горчаковы, Сатины, Барятинские, Оболенские, Телепневы, Репнины, Тюфякины, Долгорукие, Щербатовы, Волконские, Святополк-Четвертинские, Святополк-Мирские, Бабиचेва, *Путятинны*, Друцкие-Соколинские, Подберезские, Вяземские, Шаховские, Зацепины, Санцовой-Засекины, Львовы, Прозоровские, Всеволожские, Татищевы, Еропкины, Карповы, Козловские, Ржевские, Дашковы, Кропоткины, Дмитриевы, Аладыны, Касаткины-Ростовские, Лобановы-Ростовские, Белосельские-Белозерские, Вадбольские, Шелешпанские, Ухтомские, Березины, Ляпуновы, Ильины, Гарины, Жилковы и Гундоровы.

Огонёк. 1974. № 15. Вадим Кассис. Разноликое острова

1. Хонсю. По следам адмирала

...Русский адмирал Путятин в 1854 году повёл своё судно в путь к берегам Японии. У него была важная миссия — завязать дипломатические и торговые отношения с дальневосточными соседями Российской империи.

И вот, когда цель похода была, казалось, близка, Путятин потерпел кораблекрушение. Разбушевавшаяся стихия лишила трехмачтовый фрегат «Диана» управления. Волны неистово били его по бортам, погружали в бездну и вновь выталкивали на поверхность. Несколько часов длилась жестокая схватка

команды со стихией. Корабль спасти не удалось, но команда русских моряков высадилась на берег и обрела приют в тихой рыбацкой деревушке Хэда.

Бюст человека с мужественными чертами лица, в мундире адмирала открывает музейную экспозицию, по крупницам собранную и бережно хранимую зрителями. Жизнь русских моряков в японской деревне конспективно читается по их немудрёным карандашным зарисовкам, нескольким личным вещам Путятин, письмам, орудиям труда. С помощью местных жителей они мастерили по собственноручно вычерченным эскизам новое судно, чтобы завершить с честью, как подобает русского моряку, поход. Испытав и победив невзгоды, они достойно выполнили свою гражданскую миссию. В 1855 году Путятин подписал русско-японский договор.

Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. XXVA (50) (СПб., 1897). С. 817–818:

Путятин Евфимий Васильевич (1803–1883) — граф, русский государственный деятель; адмирал, генерал-адъютант. Окончив курс в морском кадетском корпусе, в 1822–1825 гг. совершил кругосветное плавание к северо-западным берегам Америки, под командой М. П. Лазарева. В 1827 г. участвовал в Наваринском сражении, в 1838–39 гг. — командир фрегата. Участвовал в высадке при занятии мыса Ажер, местечек Туапсе и Шапсуху, мыса Субаши и здесь был ранен. В 1842 г. состоялась первая поездка Путятин с дипломатической целью, к персидскому шаху. По указанию Путятин была учреждена в Астрабадском заливе военная станция; им были усмирены туркмены; он убедил персидское правительство уничтожить прежние стеснения русской торговли на Каспийском море и в самой Персии; принял меры для разграничения водных пространств и настоял на установлении пароходного сообщения между устьем Волги, Кавказом и Персией. По возвращении в Петербург Путятин председательствовал в комитете по составлению урочного положения для судостроения. В 1852 г. Путятин был командирован с целой экспедицией в Японию, где, несмотря на препятствия со стороны японцев и политические

затруднения вследствие разрыва отношений Англии и Франции с Россией, успел заключить в Симодэ (в 1855 г.) выгодный для России торговый трактат, открывавший русским купцам японские порты. По возвращении из этой экспедиции, важной в научном отношении (см. «Фрегат “Паллада”» Гончарова и «Воспоминания старого моряка бар. Шиллинга» — в «Русском Архиве», 1892, № 5 и № 6), Путятин был награждён графским достоинством. Новые осложнения на Востоке заставили правительство снова отправить туда Путятин. Он заключил с Китаем трактат в Тзын-Тзине (1858), по которому русские приобретали право свободного посещения внутренних провинций Китая и китайских портов для производства морской торговли. В то же время Путятин успел выговорить у японцев новые торговые привилегии — право путешествия русских внутрь Японии и право содержать русского дипломатического агента при японском дворе. В 1858–61 гг. Путятин состоял военно-морским агентом при русском посольстве в Лондоне; в 1861 г. назначен министром народного просвещения, но через 5 месяцев уволен от этой должности, с назначением в члены Государственного совета. Ко времени управления его министерством относятся беспорядки в университетах СПб и московском, вызванные введением матрикулов.

Печатные труды Путятин: «Всепопданнейший отчёт о плавании отряда военных наших судов в Японию и Китай. 1852–1855 гг.» («Морской сборник», 1856, кн. 10.); «Соображения об устройстве морского воспитания в России на новых началах» («Морской сборник», 1859, кн. 11 и 12; 1860, кн. 2); «Проект преобразования морских учебных заведений с учреждением новой гимназии» (СПб., 1860).

О Путятине: некрологи в «Московских ведомостях» (1883, № 294), «Новом времени» (№ 2746), «Кронштадтском вестнике» (1883, № 124). Барон Остен-Сакен «Памяти гр. Е. В. Путятин» («Известия Импер. Географ. об-ва», т. XIX, № 5), Петриченко «Астрабадская станция и её влияние на развитие края» («Морской сборник», 1863, № 12); «Общий морской список» (т. VIII, 1894); «Морской сборник» (1856 — тт. XX и XXIII, 1859 — т. XXXIX, кн. 1 — известия о путешествиях Путятин).

Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 35 (М., 1955):

Путятин Евфимий Васильевич (1803–1883) — русский государственный деятель. Родился в дворянской семье. Окончил в 1822 г. Морской кадетский корпус в чине мичмана. На фрегате «Крейсер» совершил кругосветное путешествие под командованием М. П. Лазарева (1822–24). Участвовал в Наваринском сражении — 1827 г. В 1842 г. в чине контр-адмирала возглавил русскую дипломатическую миссию в Персии, добившись приемлемых условий для русской торговли на Каспийском море, и установил регулярное пароходство между Россией и Персией. В 1852–55 гг. принимал участие в дальневосточной экспедиции на фрегате «Паллада», возглавляя дипломатическую миссию. Путятину удалось заключить благоприятный для России русско-японский договор в 1855 г. в Симодэ. Экспедиция, кроме того, имела большое научное значение (описание берегов Кореи и прилегающих частей России, открытие залива Посъет и о-ва Римского-Корсакова, залива Ольги), а также послужила материалом для очерков И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”».

В период англо-французской интервенции в Китае в 1857 г. Путятин был направлен с особыми полномочиями в Китай. Он выступил посредником в переговорах Пекинского правительства с Англией и Францией. Подписал Тяньцзиньский русско-китайский трактат 1858 г. и русско-японский — 1858 г., расширивший права России, полученные по договору 1855 г. В 1858 г. произведён в адмиралы. С 1858 по 1861 г. был русским военно-морским атташе в Лондоне. С июня по декабрь 1861 г. Путятин, будучи министром народного просвещения, проводил реакционную политику самодержавия: в это время были запрещены студенческие сходки, кассы, библиотеки. Под давлением общественного мнения Путятин вынужден был уйти в отставку. С 1861 г. состоял членом Государственного совета.

Путятин — посёлок Приморского края.

Путятин — остров в заливе Петра Великого.

Путятин — центр Путятинского района Рязанской области.

Адмирал граф Евфимий Васильевич Путятин — командир фрегата «Паллада», экспедиция которого описана писателем

Гончаровым, — был крёстным отцом моей бабушки Марии Петровны Тырковой (урождённой Назимовой) и приходился ей двоюродным дядей. Некоторые его подарки, привезённые крестнице из плавания в Японию, перешли и ко мне. Например: платки японские шёлковые с вышивкой и бахромой, шкатулка ажурная слоновой кости (сломанная) передана мною в музей ЛВХПУ. Он также приходился двоюродным дядей моему деду Дмитрию Алексеевичу Тыркову и его брату Владимиру Алексеевичу Тыркову — деду моего мужа Колесникова Евгения Евгеньевича.

Последний Путятин, Иван Григорьевич (потомок не графской линии), иногда приезжал в Вергежу — родовое имение Тырковых. Владимир Алексеевич называл его племянником. В 1919 году он приезжал к нам в Лядинку, в имение Веры Дмитриевны Борман (урождённой Тырковой). Это был неказистый, тощий, высокий человек лет 35-ти. Был он какой-то служащий. В связи с общей разрухой он бедствовал, голодал и вскоре умер.

Графская линия, как видно из родословной, после второго поколения продолжения не имела.

Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. II (СПб., 1887. С. 95):**Назимовы**

Существует пять родов этого имени. Один из них происходит от выходца из Греции, поселившегося в Литве в 1320 г., правнук которого в 1409 г. выехал в Россию. Другие же четыре рода происходят от послуживцев Богдана Есипова и Обрамовых, переведённых в 1488 г. на поместья в Вотцкую пятину. (Карамзин. История государства Российского. Т. IV. Прим. 201.)

А. Потомство из Греции Георгия-Гуся Назимова (выборка)**I**

1. Георгий-Гусь Назимов — выехал из Греции в Литву к Вел. князю Гедимину. Ум. в 1340 г.

II

- 2.{1} *Стефан Георгиевич* — в 1320 г. служил Гедимину и Ольгерду. Ум. в 1377 г.

III

- 3.{2} *Глеб Стефанович* — выехал из Литвы в 1409 г. в Москву. Служил Вел. кн. Василию Дм. Пожалован вотчинами в Гусской волости Владимирского уезда.

IV

- 6.{3} *Михаил Глебович* — наместник в Ростове при Вел. кн. Василии Васильевиче.

V

- 8.{6} *Борис Михайлович.*

VI

- 9.{8} *Василий Борисович* — наместник в Опочке при Вел. кн. Иване Васильевиче.

VII

- 10.{9} *Юрий Васильевич Сувор* — служил по Ржеву Владимир. уезда, помещик Псковск. уезда.

VIII

- 11.{10} *Яков Юрьевич (Суворович)* — служил по Ржеву Владимир. уезда. помещик Псковск. уезда. 1541 г.

IX

- 12.{11} *Григорий Яковлевич (Бурда)* — псковский помещик. Участвовал в лифляндских походах при царе Иване Васильевиче. Умер от многих ранений.

X

- 16.{12} *Борис (Прохор Григорьевич)* — служил в царствование В. Шуйского. Убит в 1607 г. под Пчезвою.

XI

- 21.{16} *Тихон Борисович* — остался по смерти отца малолетним. Взят в плен шведами в Гдове. Был в плену 7 лет при Якове де-ла Гарди. По освобождении в 1628 г. получил владения отца во Владимирском уезде. Служил по Пскову городовым дворянином 1 статьи (1632).

XII

- 28.{21} *Иван Тихонович* — дворянин московский (1662–1706), голова и ротмистр у дворян, служил в Новгородском полку (1675). Жалован вотчинами в Псковском уезде (1671–1689). Ертаульный воевода дворянского полка под начальством Б. П. Шереметьева против шведов (1701). Командовал 5-ю полками при нападении и отражении шведов при Печерском монастыре, за что пожалован портретом Петра Великого. За киевскую и крымскую службу пожалован ещё 2-мя портретами. Ум. 7.01.1706 г., погребён в Псковско-Печерском монастыре. (Общий наш предок с декабристом Михаилом Александровичем Назимовым; дальнейшие поколения расходятся.).

XIII

- 41.{28} *Иван Иванович* — жилец в начальных людях (1695). Ротмистр ертаульного полка (1701). Пожалован портретом Петра Великого (1709). Отставлен от службы за ранением.

XIV

- 50.{41} *Владимир Иванович* — инженер, генерал-майор. Был строителем Екатерининского канала в СПб. Жена — Екатерина Лазаревна Пантелеева (Пан Телеев).

XV

- 62.{50} *Иван Владимирович* — коллежский ассессор; прокурор верховной расправы Псковского наместья (1799)

и Псковского верховного земского суда (1793–94). Надворный советник и Порховского уезда предводитель дворянства. Ум. в 1823 г. Жена — Мария Евфимовна Путятинна (У них было 10 сыновей и 5 дочерей, из коих 4 сына и 1 дочь умерли в младенчестве ранее отца).

XVI

Владимир Петрович
Назимов

Петр Иванович
Назимов

72.{62} *Владимир Иванович* (1803–1874) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант, член Госуд. совета, попечитель Московского учебного округа (1853–55). Наставник наследника Александра Николаевича. Жена — Анастасия Александровна Аверкина (дочь сенатора). Ум. в Ницце в 1865 г.

73.{62} *Пётр Иванович* — действительный статский советник, управляющий Псковской казённой палатой. Ум. в 1864 г. Жена — Любовь Фёдоровна Гавриленко. (Гавриленко — дворяне из военных, числятся по Рязанской губернии. — *М. С.*)

Столовое серебро из приданого Любви Гавриленко до сих пор исправно служит своему назначению на столе у её потомков.

XVII

82.{64} *Евгений Петрович* — участвовал в Бородинской битве, где под ним было убито 14 лошадей; подполковник (1816); коллежский советник (1826). Управляющий Архангельской удельной конторой (1824–27). Жена — Анна Ивановна Козина.

92.{65} *Михаил Александрович* (1801–1888) — штабс-капитан лейб-гвардии Пионерского эскадрона. Декабрист, лишён чинов, сослан на поселение (1826); переведён на Кавказ рядовым Кабардинского полка (1837); прапорщик (1843), подпоручик (1845); уволен от службы поручиком (1846). Жил в Пскове. Жена — Варвара Яковлевна Подкалюзина (брак бездетный).

XVIII

104.{73} *Владимир Петрович* — служил в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку. Род. в 1843 г.; холост

{73} *Мария Петровна* (1842–1905) — вышла замуж за Дмитрия Алексеевича Тыркова, капитан-лейтенанта в отставке, помещика села Бабино Новгородского уезда.

* * *

Родословная книга князей и дворян Российских и выезжих. Бархатная книга. Ч. II.

Изданная по самouverнейшим спискам в царствование Фёдора Алексеевича (СПб.: 1787):

С. 350–420. НАЗИМОВЫ

Выехали из Греции. Родословная их под № 347.

* * *

Гербовник Анисима Титовича Князева. 1785. (СПб.: Изд. Тройницкого, 1912):

С. 101

Герба Назимовых в числе Высочайше утверждённых не имеется.

* * *

Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. XX (39) (СПб., 1897).

С. 463:

Назимовы — дворянский род, происходящий по сказанию родословцев XVII в. от выехавшего из Греции в Литву в 1320 г. Георгия-Гуся Назимова, правнук которого Глеб Степанович выехал в 1409 г. из Литвы в Москву. В действительности род Назимовых происходит от «послуживцев» Богдана Есипова и Абрамовых, переведённых в 1488 г. на поместья в Воцкую пятину Новгородской области.

Юрий Яковлевич Назимов убит в 1576 г. под Псковом. Несколько Назимовых убито в Смутное время. Иван Тихонович Назимов (1706), дворянин московский и воевода, с отличием служил в крымских походах и отразил нападение шведов на Псково-Печерский монастырь. Михаил Александрович Назимов — участник событий 14 декабря 1825 г., был сослан на поселение в Сибирь, затем в армию на Кавказ.

Род Назимовых внесён в VI и II ч. родословной книги Псковской, Тверской, Новгородской, Московской и Владимирской губерний.

В Общих морских списках числятся 19 Назимовых, из них представляют интерес следующие персоны.

Ч. II. От кончины Петра Великого до вступления на престол Екатерины II (СПб., 1885):

С. 441

Назимов Савва Максимович. 1763 г. — поступил в Морскую академию; 1775 г. — пожалован в вице-адмиралы; 1776 г. — уволен от службы по болезни, с сохранением жалованья 2160 руб. в год.

Ч. XI. Царств. императора Николая I (СПб., 1900):

С. 3–11

Назимов Николай Николаевич. 1830 г. — поступил в Морскую роту Александровского корпуса. 1834 г. — перешёл

в Морской корпус. 1854 г. — участвовал в экспедиции фрегата «Паллада», командиром корвета «Оливуца». 1886 г. — контр-адмирал с увольнением от службы.

Назимов Павел Николаевич. 1836 г. — поступил в морскую роту Александровского корпуса. 1889 г. — имел чин вице-адмирала. 1892 г. — начальник Гидрографического управления. 1898 г. — уволен от службы. Имел много орденов, в том числе и орден Белого Орла. Писал статьи в «Морской сборник».

Литературное наследство. Т. 59: Декабристы-литераторы. I (М.: Изд-во АН СССР, 1954):

С. 170, 172, 777

Упоминается Назимов Михаил Александрович

С. 751–752

Говорится, что Назимов писал свои записки специально для Некрасова, после прочтения им «Русских женщин». Существовали ещё заметки Назимова (1881) о последних днях Одоевского, написанные для Розена, который и включил их в свой очерк (с. 776, прим. 456 о записках Назимова).

Розен А. Записки декабриста (СПб., 1907):

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ НАЗИМОВ

С. 85

Назимов Михаил Александрович в момент 14 декабря находился в Псковской области, а на следствии Чернышев его спросил: «Что бы Вы делали, если бы в это время были в Петербурге?» Бенкендорф оборвал Чернышева.

С. 99

Назимов Михаил Александрович был очевидцем последних мук и смерти, т. е. казни вожаков-декабристов, так как окна его камеры выходили на плац, где происходила казнь.

С. 111

Штабс-капитана Назимова лишили чинов, дворянства и сослали на поселение.

С. 200

Декабристы старались принести пользу местному населению, чем умели. Назимов чертил планы для обустройства в городе, для сооружения новых церквей в селениях. Начертил план для новой курганской церкви подобно плану храма в селе Большая Каменка в имении Малиновских. Он много читал и писал.

С. 203

В 1834 г. под Курганом были выделены декабристам участки земли по 15 десятин.

С. 205

К Назимову приезжал его родной племянник А. Д. Озерский (сын Варвары, урожд. Назимовой).

С. 211

Полковник Владимир Иванович Назимов, будучи в Кургане в свите цесаревича (Александр II) в 1837 г., навещал находившегося там своего родственника.

С. 212 и 222

В 1837 г. Назимов уехал из Кургана. Ехал на Кавказ вместе с Одоевским.

С. 400

Назимов Михаил Александрович был в Пскове членом Губернского присутствия по проведению в действие положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Ещё четыре декабриста занимались той же деятельностью.

Литературное наследство. Т. 58: Пушкин. Лермонтов. Гоголь (М.: Изд-во АН СССР, 1952):*С. 436 и далее*

Назимов познакомился с Лермонтовым в 1837 году в доме доктора Майера. Полк, в котором стоял Назимов, находился в крепости Прочном Окопе — местопребывание и штаб-квартира генерала Засса (герой необыкновенной храбрости и отчаянных вылазок против горцев).

У Вревского, с которым Лермонтов тоже был знаком ещё по первой ссылке, Назимов возобновил знакомство с Лермонтовым, и вскоре оно перешло в дружбу. (Имеется портрет М. А. Назимова в молодые годы.) Назимов был на 15 лет старше Лермонтова. Службу начал в конной артиллерии, потом был переведён в дивизион гвардейских конных пионеров. Членом Северного общества Назимов стал в 1823 г. Он не играл крупной роли, но и не был пешкой. Он был близок с Рылеевым и спорил с ним. Никита Муравьёв давал ему свою рукопись конституции, желая услышать его мнение. Назимов выразил несогласие с некоторыми параграфами конституции. Он не доверял идеальности конституции Северо-Американских Штатов и советовал послать туда людей для знакомства с положением государственных дел на месте. 14 декабря Назимов находился в своём имении Быстрецово Псковского уезда. С 1826 по 1837 г. Назимов прожил в Кургане в Сибири.

Назимов, по всем отзывам, пользовался большим уважением и авторитетом. По отзывам товарищей, «Назимов по своему уму, высоким моральным качествам, серьёзности, прямоте характера, правдивости слыл и был каким-то мудрецом, которого слово для многих имело большой вес». В трудных случаях к нему обращались за советом, и решения его были непререкаемы.

В 1840 г., наблюдая Назимова, современник отмечает, что он «несмотря на свою скромность, само собой выдвигался на почётное место, даже рядом с Лермонтовым. Никогда не замечал я, чтобы Лермонтов позволял себе насмешливо-презрительный тон по отношению к нему. В своих беседах

Лермонтов характеризовал молодёжь своего времени как пустую и безыдейную, так как годы террора выбили всех мыслящих людей и молодёжь пошла совсем пустая. Назимова такие отзвывы сердили».

* * *

Комлев А. П.

Михаил Александрович Назимов

Михаил Назимов родился 19 мая 1801 года в семье надворного советника Александра Борисовича Назимова, предводителя дворянства Островского уезда. Мать, Марфа Степановна, урождённая Шишкова, в молодости была фрейлиной императрицы Марии Феодоровны, жены Павла. У супругов было семеро детей: пять сыновей и две дочери. Трое братьев Назимовых проходили обучение в Морском корпусе. (В общих морских списках числится девятнадцать Назимовых.) Дочери вышли замуж: Анна — за Николая Александровича Набокова, Варвара — за инженер-генерала Александра Дмитриевича Озерского.

Для получения образования Михаил был определён в частный общеобразовательный институт протоиерея М. В. Каменского (в том же пансионе перед поступлением в лицей учился Александр Тырков). В 1816 году, окончив пансион, Михаил Александрович поступил юнкером в конную артиллерию. Судя по его показаниям на следствии, в это время он познакомился с К. Ф. Рылеевым. В начале 20-х годов они встретились вновь и подружились. При формировании в 1820 году Конно-пионерского эскадрона Великий князь Николай Павлович, будучи генерал-инспектором инженерной части, перевёл туда Назимова и в дальнейшем способствовал продвижению его по службе. В том же году Назимов был произведён в подпоручики, в 1822-м — в поручики, в 1825-м — в штабс-капитаны.

В сентябре 1825 года он подал рапорт об отставке, ссылаясь на ухудшение здоровья, и уехал на родину, в своё имение Быстрцово Псковского уезда. В Пскове он часто бывал

*Михаил Александрович Назимов.
Штабс-капитан лейб-гвардии
Коннопионерского эскадрона. Портрет
работы неизвестного художника
начала 20-х годов XIX века.
Оригинал — в Эрмитаже*

в доме на Сергиевской улице, у двоюродного брата Гаврилы Петровича Назимова, отставного штаб-ротмистра, участника Отечественной войны. Наезжая в Псков из Михайловского, здесь проводил вечера Пушкин. (Он проиграл Гавриле Назимову в карты «Большую энциклопедию» Дидро, но откупился другим путём.) Бывал он и осенью 1825 года. Михаил Александрович мог встречаться с Александром Сергеевичем и раньше. В «Записках» Лорера сказано: «Назимов поступил в члены тайного общества вместе с Михаилом Пушиным, родным братом Ивана, и оба они были истинными друзьями А. С. Пушкину» (Лорер Н. И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 261). Михаил Пушин — капитан Конно-пионерского эскадрона, где Назимов был штабс-капитаном. В дальнейшем они были женаты на родных сёстрах, а сестра Пушиных Екатерина Ивановна была замужем за генерал-адъютантом Иваном Александровичем Набоковым, братом Николая Александровича, женатого на сестре Назимова Анне.

В 1820-х годах у Назимова завязалась дружба с братьями Иваном и Михаилом Пушиными, А. А. Бестужевым-Марлинским, М. М. Нарышкиным, а впоследствии с Н. И. Лорером. «Немного людей встречал я с такими качествами, талантами

и прекрасным сердцем, всегда готовым к добру, каким был Михаил Александрович Назимов, — вспоминал о нём впоследствии Лорер, — он делал добро на деле, а не на словах и был в полном смысле филантропом, готовым ежеминутно жертвовать собою для других... Прибавьте к этому, что Михаил Александрович обладал многосторонним образованием, читал много и с пользой и постоянно встречал вас с приветливой улыбкою, которая очаровывала вас с первого же раза» (Лорер. С. 251).

В 1823 году Назимов был принят в члены тайного общества полковником тарутинского полка М. М. Нарышкиным. Никита Муравьев познакомил его со своей конституцией. Назимов достаточно хорошо её изучил: брал к себе на дом, переписал и подготовил свои замечания; в частности, он не доверял идеальности конституции Северо-Американских Штатов и советовал послать туда людей для знакомства с положением дел на месте. Он выразил несогласие с некоторыми параграфами конституции. «Я снова заметил ему, что параграф о власти императора как будто приклеен», — указывал Назимов на следствии.

Он был далеко не рядовым членом Северного общества. В апреле 1825 года введён в «первый круг» («убеждённых»). Назимову, по свидетельству Е. П. Оболенского, «предоставлялось право принимать других членов и поверялись все тайны общества». А он стремился «умножить число членов общества, приняв в него подпоручиков М. Д. Лаппу и Н. П. Кожевникова». Весной 1825 года в Петербург с Кавказа приехал Якубович, намереваясь совершить покушение на Александра I. Иван Пущин, считая, как и другие члены Северного общества, этот акт преждевременным, надеялся на авторитет Назимова, который мог отговорить Якубовича. Это видно из настоятельной его просьбы к брату Михаилу в письме от 30 мая 1825 года свести Назимова с Якубовичем. (Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма... М., 1956. С. 95). На следствии всплыли слова, сказанные Михаилом Пушиным Александру Бестужеву (Марлинскому) накануне 14 декабря: «Жаль, что Назимова здесь нет!». 12 декабря 1825 года, когда был окончательно решён вопрос о выступлении в день присяги, И. И. Пущин отправил

письмо М. Ф. Орлову в Москву с просьбой прибыть в Петербург, а М. И. Пущин — Назимову в Псков.

Михаил Назимов вернулся в Петербург 21 декабря, а 25 декабря был арестован. Как член тайного общества он был назван в показаниях Рылеева 24 декабря и Никиты Муравьева 25 декабря. 27 декабря Назимов был допрошен самим Николаем I. По свидетельству Лорера, на вопросы царя Назимов отвечал смело, даже дерзко. «Тайному обществу я не принадлежал и ничего о нём не знаю». За отсутствием улик по приказу царя он был освобождён, но 24 января вновь арестован — по показаниям от 21 января Оболенского и Нарышкина. Этот случай запомнился Николаю I. Когда в 1832 году Илья Александрович Назимов обратился с прошением о смягчении участи брата, Николай I наложил резолюцию: «Он более виноват, чем другие, ибо мне лично во всём заперся, так что, быв освобождён, ходил в караул внутренний и был на оном даже 26 января 1826 года» (ГБЛ. Ф. 859. Карт. 2. Ед. хр. 13. Л. 11).

3 марта 1826 года Назимов под тяжестью предъявленных улик изъявил готовность дать подробные и откровенные показания, назвал некоторых, уже известных следствию, членов общества, а своё прежнее заpiresательство объяснил тем, что «от страха потерял рассудок», и просил следствие «о снисхождении». Верховный уголовный суд над декабристами в приговоре от 8 июля 1826 года отнёс Назимова к восьмому разряду осуждённых и приговорил «к лишению чинов, дворянства и ссылке на поселение». Николай I в указе-конфирмации оставил приговор без изменения, указом в день коронации 22 августа 1826 года срок ссылки в Сибирь был определён для Назимова в двадцать лет. В воспоминаниях А. Е. Розена сказано, что «Назимов был очевидцем последних мук и смерти, то есть казни вожаков-декабристов, так как окна его камеры выходили на плац, где происходила казнь».

После недолгого пребывания в Верхнеколымске Назимов был переведён в Витим, где 7 мая 1829 года вместе с Загорецким, Заикиным и Аполлоном Веденяпиным участвовал в коллективном прошении на имя Николая I об отправке их рядовыми на

Кавказ. На просьбу их высочайшего соизволения не последовало. В результате прошения матери Назимова от 19 апреля 1830 года (ЦГАОР. Ф. 109. 1 эксп. 1826 г. Д. 61. Ч. 41. Л. 2–3) он в августе 1830 года был переведён в город Курган Тобольской губернии. Туда к нему приезжал его родной племянник А. Д. Озерский (сын Варвары, урождённой Назимовой). В 1834 году под Курганом были выделены декабристам участки земли по пятнадцать десятин. А. Е. Розен вспоминал, что Назимов «своими правилами, действиями, образом жизни приготовил для вновь прибывающих товарищей самый лучший приём и самое выгодное мнение со стороны местных жителей. Всегда утешительно было иметь вблизи и ввиду такого товарища, с которым изгнанник, даже одинокий, не может скучать или сказать, что он один» (Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск. 1984. С. 291). Назимов «много читал и писал», как знающий и опытный инженер много делал для благоустройства Кургана, «чертил планы для обстраивающихся в городе, для сооружения церквей в селениях...». Начертил план для новой курганской церкви Рождества Богородицы, подобный плану храма в селе Большая Каменка в имении Малиновских.

В начале 1837 года наследник престола Александр Николаевич, путешествуя вместе со своим воспитателем поэтом В. А. Жуковским, посетил Курган. Со стороны Жуковского, вероятно, была предпринята попытка ходатайствовать перед царской семьёй о смягчении положения декабристов. В письме к императрице Александре Феодоровне от 24 июня 1837 года он сообщал, что видел в Кургане ссыльных Бриггена, Лорера и Назимова и что его поразила их «смирная покорность судьбе своей, в то же время признание вины своей» (Русский архив. 1874. № 1. С. 61–62). Розен свидетельствует, что сопровождавшему наследника полковнику Владимиру Ивановичу Назимову было дозволено навестить своего ссыльного родственника. Розен далее указывает, что будто бы наследник послал с фельдъегерем письмо императору с ходатайством о возвращении на родину находившихся в Кургане декабристов, на что царь ответил, что «этим господам путь в Россию ведёт через

Кавказ», и «всемиловейше повелеть изволил» назначить их «рядовыми в Отдельный Кавказский корпус и немедленно отправить на службу!» (Розен. С. 318). 21 июня 1837 года последовало повеление о переводе находившихся в Кургане Розена, Лорера, Лихачёва, Нарышкина и Назимова на службу в Отдельный Кавказский корпус.

По пути из Тобольска на Кавказ Назимов особенно сдружился с Александром Одоевским. Хотя Одоевский был всего на год моложе Назимова, тот относился к поэту как старший к младшему, проявляя о нём заботу. За это его горячо благодарил отец поэта генерал-майор Иван Сергеевич Одоевский в письме от 1 октября 1837 года. (Старый князь познакомился с Назимовым в Казани, куда приезжал для встречи с сыном, отправляемым на Кавказ. За недолгие часы знакомства Михаил Александрович произвёл на князя такое сильное впечатление своим умом и трезвостью суждений, что тот просил его заботиться о сыне.) В этом письме князь просил прислать обещанный им портрет сына. Назимов просьбу исполнил. Это видно из письма Александра Одоевского к нему от 21 июня 1839 года: «Мой добрый, мой нежный отец попросил перед кончиной моего портрета. Ему подали сделанный Волковым. “Нет, не тот”, — сказал он слабым голосом. Тот портрет, который ты подарил ему, он попросил положить к нему на грудь, прижал его обеими руками — и умер. Портрет сошёл с ним в могилу...».

В октябре 1837 года декабристы, находившиеся в Ставрополе, были отправлены в назначенные для них полки: Нарышкин — в Навагинский, Лихарев — в Куринский, Лорер и Черкасов — в Тенгинский, Назимов — в Кабардинский егерский, Одоевский — в Нижегородский драгунский. Последним (22 октября) вместе с Лермонтовым в свой полк отправился Одоевский... Ссыльные декабристы, в том числе и Назимов, участвовали в качестве рядовых солдат в многочисленных военных «экспедициях» в горы (Зиссерман А. Л. История 80-го Кабардинского полка. СПб., 1881. С. 93). Экспедиции проводились обычно с мая до глубокой осени и сопровождались немалыми потерями. Почти половина сосланных на Кавказ нашла здесь свою гибель...

В 1837 году в доме доктора Майера Назимов познакомился с Лермонтовым. Полк, в котором стоял Назимов, находился в крепости Прочном Окопе — местопребывание и штаб-квартира генерала Г. Х. Засса (герой необыкновенной храбрости и отчаянных вылазок против горцев).

В 1840 году у Вревского, с которым Лермонтов тоже был знаком ещё по первой ссылке, Назимов возобновил знакомство с Лермонтовым, и вскоре оно перешло в дружбу. Назимов был на 13 лет старше Лермонтова.

Об отношениях декабриста и поэта сохранились немногие, но ценные свидетельства современников. А. Д. Есаков, тогда молодой офицер, вспоминал впоследствии: «Всё это общество раза два в неделю собиралось у барона Вревского. Когда случалось приезжать из Прочного Окопа (крепость на Кубани) рядовому Михаилу Александровичу Назимову (декабрист, ныне живущий в городе Пскове), то кружок особенно оживлялся. Несмотря на скромность свою, Михаил Александрович как-то само собой выдвигался на почётное место, даже рядом с Лермонтовым, и всё, что им говорилось, выслушивается без перерывов и шалостей, в которые чаще других вдавался Михаил Юрьевич. Никогда я не замечал, чтобы в разговоре с М. А. Назимовым, а также с И. А. Вревским Лермонтов позволил себе обычный свой тон... (насмешки)». (М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1964. С. 261). Князь А. И. Васильчиков, секундант Мартынова на дуэли с Лермонтовым, вспоминал: «В Лермонтове (мы говорим о нём как о частном лице) было два человека: один добродушный для небольшого кружка ближайших своих друзей и для тех немногих лиц, к которым он имел особое уважение, другой — заносчивый и задорный для всех прочих его знакомых. К этому первому разряду принадлежали в последнее время его жизни прежде всего Столыпин (прозванный им же Монго), Глебов, бывший его товарищ по гусарскому полку, впоследствии тоже убитый на дуэли князь Александр Николаевич Долгорукий, декабрист Назимов и несколько ближайших его товарищей» (Там же. С. 370). Биограф Лермонтова П. А. Висковатый писал: «Князь А. И. Васильчиков рассказывал мне,

что хорошо помнит, как не раз Назимов, очень любивший Лермонтова, приставал к нему, чтобы он объяснил ему, что такое современная молодёжь и её направление, а Лермонтов, глумясь и пародируя салонных героев, утверждал, что “у нас нет никакого направления, мы просто собираемся, кутим, делаем карьеру, увлекаем женщин”... и тем сердил Назимова. Глебову не раз приходилось успокаивать расхрипевшегося декабриста, в то время как Лермонтов, схватив фуражку, с громким хохотом выбегал из комнаты и уходил на бульвар на уединённую прогулку, до которой он был охотник. Он вообще любил или шум и возбуждение разговора, хотя и самого пустого, но тревожащего его нервы, или совершенное уединение. “Я был очень молод ещё, — говорил князь Александр Илларионович Васильчиков, — и на суждения мои имел большое влияние М. А. Назимов. Он научил меня с уважением относиться к уму и таланту Лермонтова”» (Висковатый П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1891. С. 303–304, 401). В 1874 году в журнале «Русский вестник», № 12, была опубликована повесть Б. М. Маркевича «Две маски» с пренебрежительным отзывом о Лермонтове: «Лермонтов, скажу мимоходом, был, прежде всего, представителем тогдашнего поколения гвардейской молодёжи». А. И. Васильчиков выступил в газете «Голос» со статьёй «Несколько слов в оправдание Лермонтова против г. Маркевича», где писал: «Когда в невольных странствиях и ссылках удавалось ему встретить людей другого закала, вроде Одоевского, он изливал всю современную грусть в души людей другого поколения, других времён. С ними он действительно мгновенно сходилась, их глубоко уважал, и один из них, ещё ныне живущий, М. А. Назимов, мог бы засвидетельствовать, с каким потрясающим юмором он описывал ему, выходцу из Сибири, ничтожество того поколения, к которому принадлежал». Письмом «Редактору газеты “Голос”» откликнулся и Назимов (Голос. 1875. № 55 (25 февраля)): «Спешу подтвердить истину этого показания. Действительно, так не раз высказывался Лермонтов мне самому и другим, ему близким, в моём присутствии. В сарказмах его слышалась скорбь души, возмущённой

пошлостью современной ему великосветской жизни и страхом неизбежного влияния этой пошлости на прочие слои общества. Это чувство души его отразилось на многих его стихотворениях, которые останутся живыми памятниками приниженности нравственного уровня той эпохи... Можно ли говорить о такой личности, как Лермонтов, мимоходом, и чем объяснить появление в нашей беллетристике, особенно в таком видном журнале, как “Русский вестник”, такого легкомысленно-бесцеремонного и лишённого всякого основания отзыва о нашем знаменитом поэте, успевшем ещё в молодых годах проявить столько пытливого, наблюдательного ума, оставить столько драгоценных произведений своего поэтического творчества, и память которого дорога всем, умеющим ценить сокровища родного языка, а особенно тем, которые близко знали и любили Лермонтова».

Уважение, которым пользовался у всех знавших его Назимов, выразительно характеризует эпизод с С. Д. Безобразовым. Письмо Нарышкину в ноябре 1843 года Михаил Александрович оканчивает словами: «Прошу принести мою глубочайшую благодарность Сергею Дмитриевичу за благосклонную память обо мне и за живое участие, принятое им в моём производстве. Поздравляю его от души с исполнением того давнего желания его сердца, о котором он однажды говорил мне в Кисловодске и которому я с тех пор не переставал желать полного успеха. Поздравляю его искренне и желаю впредь полного непрерывного супружеского счастья на всю жизнь его» (Письмо 17 // Назимов М. А. Письма. Статьи. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1985).

К этому комментарий О. В. Попова (Там же. С. 201, 204): «Сергей Дмитриевич Безобразов (1801–1879), генерал, командир Нижегородского драгунского полка, в прошлом флигель-адъютант Николая I. Возмутившись тем, что император, пользуясь своим положением, грубо ухаживал за его женой, Безобразов дал ему пощёчину, сломал шпагу и заявил, что “не желает служить подлецу”. Скандал замяли, и Безобразова сослали на Кавказ. После десятилетнего разрыва с женой он, по настоянию Назимова, помирился с ней».

Находясь в отпуске в Петербурге, Безобразов, судя по всему, использовал свои связи для ходатайства о производстве Назимова в офицеры.

Факт, о котором вскользь упоминает Назимов, подробно освещён в воспоминаниях декабриста А. П. Беляева: «Безобразов... дорогой рассказывал мне, с каким настроением он летит в Ставрополь, где ожидала его жена, с которой он был более десяти лет в разлуке. При этом он также рассказывал мне, что в его решимости примириться и вновь соединиться с женой, с которой он так давно расстался, он много обязан Михаилу Александровичу Назимову, одному из наших товарищей, пользовавшемуся большим уважением всех знавших его. По своему уму, высоким качествам, серьёзности, прямоте характера, правдивости Михаил Александрович Назимов слыл и был каким-то мудрецом, слово которого для многих имело большой вес. Много раз он уговаривал Безобразова и убеждал примириться с женой, и, вероятно, сильны и вески были его доводы с религиозной и нравственной точки зрения, что, как говорил Безобразов: “я вполне согласился с ним, и тем более что доводы эти проникали в сердце его любовью и искренним благожеланием мне добра, и я всегда буду ему сердечно благодарен”» (Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. СПб., 1882. С. 494–495).

С нетерпением ждали сосланные на Кавказ декабристы производства в офицеры, что давало им право на отставку и возвращение на родину... Наконец, 17 октября 1843 года «за отличие в делах против горцев» Назимов произведён в прапорщики. Одновременно его переводят в 9-й Грузинский линейный батальон, расквартированный за Кавказским хребтом. Он снова в походах, снова бивачная жизнь и боевая обстановка. Военная служба, хотя теперь в офицерском чине, становилась всё тяжелее. На второе прошение 22 июня 1846 года подписан приказ об отставке Назимова с «производством в поручики». Таким образом, он полностью отбыл двадцатилетний срок наказания по приговору Верховного суда. Из числа сосланных на Кавказ декабристов Назимов позднее всех был произведён в офицеры, последним получил отставку и право возвращения на родину.

Как значилось в приказе об отставке, Назимову позволялось проживать в городе Пскове, но с воспрещением ему въезда в Москву и Петербург. В декабре 1847 года после длительной переписки между шефом жандармов А. Ф. Орловым и военным министром А. И. Чернышевым Назимову было дано разрешение на проезд в Москву, но одновременно последовало указание о секретном за ним надзоре (ЦГАОР. Ф. 109. Эксп. 1826 г. Д. 61. Ч. III. Л. 27–31).

Встретившись в 1847 году с давним другом и сослуживцем Михаилом Пуциным, он познакомился с сестрой его жены Варварой Яковлевной Подкалюжиной. Осенью 1847 года они поженились.

Местные псковские власти относились к Назимову благожелательно. В ноябре 1853 года по ходатайству псковского губернатора Черкасова он был освобождён от полицейского надзора и получил разрешение на въезд в Петербург, однако «с тем, чтобы он каждый раз испрашивал на то разрешения» (Там же. Л. 37). Кстати, в своей «Автобиографии» Александр Блок писал: «Женат был мой дед на дочери новгородского губернатора Ариадне Александровне Черкасовой». Не прадед ли Блока ходатайствовал за декабриста Назимова?

Тяжёлая для России Крымская война не оставила Михаила Александровича равнодушным. Несмотря на преклонный возраст и подорванное здоровье, Назимов обратился с просьбой записать его в ополчение, использовать его знания и военный опыт для защиты Севастополя. Ему было отказано (ГБЛ. Ф. 133. М. 5821. Ед. хр. 3. Л. 10). В ноябре 1854 года он писал Нарышкину: «Право, лучше быть в такую пору под ружьём, чем оставаться вдали и в неизвестности о том, что делается в армии: душа изноет» (Письмо 35 // Назимов М. А. Указ. соч.).

В 1858–59 годах в губернских комитетах и в печати проходили дебаты между крепостниками и либеральными помещиками об условиях освобождения крестьян. В полемику включился и Назимов, опубликовав статью «Об оброке или ренте с сельскохозяйственных земель в России вообще и в Псковской губернии в особенности». Он требовал предоставить крестьянам надел

земли в собственность, а не в пользование. Оброк за землю должен устанавливаться только на переходный период. По мнению Назимова, «достаточный» для крестьян надел обеспечит и «благосостояние и прочность их оседлости», в то время как нарезание недостаточных наделов приведёт к разорению и массовому уходу их из деревни... Оброк на переходный период должен быть установлен, по Назимову, в виде натурального сбора в расчёте «пятого снопа» от урожая. Он принял предложение войти членом от правительства в состав псковского губернского комитета «Об улучшении быта помещичьих крестьян, выходящих из крепостной зависимости»...

Из журнала Псковского по крестьянским делам присутствия за 1864 год:

«19 июня... Большинство членов, в том числе и М. А. Назимов, высказались в пользу крестьян против жалобы помещика Кругликова...

3 июля... Жалоба помещика Нелидова на перевод временнообязанных ему крестьян на оброк без предварительного заявления ему о том. Губернское присутствие поручило 22 мая расследовать дело члену присутствия М. А. Назимову, который тщательно и добросовестно выполнил поручение и составил акт о правомерном поведении крестьян, который подписал и помещик, дав дополнительную подписку о желании прекратить иск» (Псковские губернские ведомости. 1864. Часть официальная. № 51 и 57). Сам Назимов уже в начале 1861 года завершил составление уставной грамоты, не ущемляя интересов крестьян и уничтожив барщину.

Во время польского восстания симпатии Назимова были на стороне Польши. Известно, с каким сочувствием и уважением относился он к ссыльным полякам, с которыми познакомился в Кургане. Однако его отношение к восстанию 1863 года было иным. Назимов считал, что рядовые повстанцы были обмануты руководителями, заботившимися, как он полагал, в основном о достижении своих личных интересов. Возможно, сказалось и неприятие Назимовым главного требования повстанцев — восстановления Польши в границах 1772 года, что означало

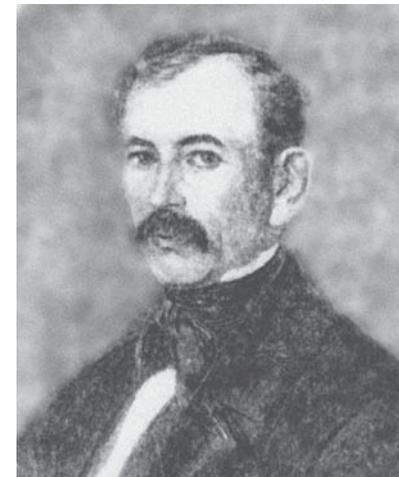
отторжение от России литовских, белорусских и украинских земель, против чего особенно возражали в своё время декабристы. Но жестокое подавление восстания виленским генерал-губернатором М. Н. Муравьёвым, прозванным за это «Муравьёвым-вешателем», вызвало резкое осуждение Назимова.

В 1865 году Назимов был избран председателем Псковской губернской земской управы. Он выступал за равномерное между всеми сословиями распределение земских повинностей, добивался права надзора со стороны земства за местной торговлей и промыслами. Большую заботу проявлял Михаил Александрович о распространении школ в губернии. Видя в просвещении народа важное условие его гражданской свободы, он ещё в 1856 году в своём имении открыл школу для крестьянских детей. Его школа была своеобразным интернатом, где ученикам предоставлялись и ночлег, и питание. Это была единственная школа такого типа во всей губернии. Назимов добивался открытия новых народных школ, настаивал на увеличении ассигнований, присутствовал на школьных экзаменах.

В 1866 году его избрали в мировые судьи Псковского уезда. Факт этого избрания вызвал переполох в бюрократическом мире. Напоминали о прошлом Назимова. Последовали запросы, справки, в дело вмешалось Министерство юстиции. Об избрании в мировые судьи «государственного преступника», хотя и амнистированного манифестом 1856 года, было доложено Александру II. Тот решил, что спустя сорок лет данное обстоятельство не может считаться препятствием для занятия должности мирового судьи. Через начальника III Отделения была передана резолюция царя: «Государь император всемилостивейше разрешил не считать бытность поручика Назимова под судом препятствием ко внесению в упомянутый список».

11 сентября 1865 года умерла жена Назимова. «Но никакое горе не вызвало у этого кроткого, незлобивого человека ропота на провидение и на людей»... Жизнь же в селе Быстрецове, где всё напоминало о покойной, стала ему тягостной. В 1868 году он продал это имение и купил в Пскове на Великолуцкой улице небольшой домик, в котором провёл последние двадцать лет жизни.

Михаил Александрович
Назимов

В начале 70-х годов Назимов несколько раз приезжал в Петербург. Здесь зимой 1872 года при посредничестве А. Н. Пыпина он познакомился с Салтыковым-Щедриным и Некрасовым, который собирал тогда материал для поэмы «Русские женщины». Некрасов просил Назимова написать всё, что тот знал и помнил о жёнах декабристов. Назимов позже передал ему свои записки-воспоминания об А. В. Розен и Е. П. Нарышкиной. Эти записки не сохранились. В 1881 году он написал заметки о последних днях Александра Одоевского, по просьбе Розена, который и включил их в свой очерк.

9 августа 1888 года на 88-м году жизни Назимов скончался, пережив почти всех своих товарищей-декабристов (в живых оставались лишь П. Н. Свистунов, скончавшийся год спустя, и Д. И. Завалишин, умерший в 1892 году). Назимов был похоронен на Дмитровском кладбище Пскова рядом с женой. На его похоронах были и губернское начальство, и земские деятели, и окрестные помещики, но более всего было простого народа, хорошо знавшего Назимова как доброго и отзывчивого человека. Некрологи, помещённые в «Историческом вестнике» (1888. Т. 34. С. 260) и «Псковском городском листке» (1888, № 63), отдали должное всем видам деятельности Назимова: «...он был

полезен, как сведущий пионер, при постройке мостов и сооружении военных дорог на Кавказе... но, участвуя в сражениях, предводительствуя отрядом, он, из убеждения, никогда не обнажал оружия», возвратясь на родину, «Михаил Александрович, со свойственной ему энергией, принялся за сельское хозяйство и довёл его до возможного в тогдашнее время совершенства; вместе с этим он заботился о материальном благосостоянии и нравственном развитии своих крепостных крестьян... В Псковском земстве он особенно поработал над вопросами о равномерной раскладке земских сборов, о возможно лучшей организации народного образования и призрения неимущих... Несмотря на преклонный возраст, Михаил Александрович постоянно интересовался всем, касающимся народного благосостояния и просвещения, причём отличался щедрой благотворительностью... Среди псковичей М. А. Назимов пользовался большим уважением и любовью за его доброе сердце, светлый ум и светлые нравственные принципы».

Гессен А. И. «Всё волновало нежный ум...»

(М.: Наука, 1965):

Упомянуто, что Пушкин играл с Гаврилой Петровичем Назимовым в карты и проиграл Большую энциклопедию «Дидро». Но впоследствии откупился другим путём.

Гордин А. М. Пушкин в Псковском крае

(Л.: Лениздат, 1970):

Подробно описывается дружба Пушкина с Гаврилой Петровичем Назимовым, который упоминается как двоюродный брат декабриста Михаила Александровича Назимова. Имеется фото дома Назимова Г. П. в Пскове.

Все перечисленные Назимовы не могут считаться нашими прямыми предками. Но они относятся к тому же роду и тянутся также от Гусь Назимова (XVII век).

Кроме того, из прямых родственников Назимовых интересен Владимир Иванович, который приходился моей бабушке Марии Петровне родным дядей.

Новый энциклопедический словарь.

Т. XVIII (Пг., 1916):

Назимов Владимир Иванович (1802–1874) начал службу в Преображенском полку и участвовал в Турецкой кампании 1828 г. В 1836 г. назначен состоять при наследнике в должности инструктора по военной части, и завоевал привязанность своего воспитанника.

В 1841 г. назначен председателем следственной комиссии в г. Вильно для расследования дела о тайном революционном обществе, якобы возникшем после казни Конарского. Назимов пришёл к выводу, что общество это существовало только в воображении некоторых боязливых людей. Тогдашний генерал-губернатор Миркович, по наветам окружающих его людей, просил отозвать Назимова и поручить другому. Назимов был оставлен лишь членом комиссии, а председателем назначили Кавелина А. А., который вполне подтвердил выводы Назимова. Такое решение дела привлекло к Назимову и Кавелину горячие симпатии местного общества. В ноябре 1849 г. Назимов назначен был попечителем Московского учебного округа. Он любил иногда оборвать подчинённых, назначал директоров гимназий из военных, в гимназиях заводил военные порядки, но заботился об улучшении быта питомцев в гимназических пансионах. В конце 1855 г. Назимов был назначен виленским военным губернатором и гродненским, минским и ковенским генерал-губернатором. В мае 1857 г., проезжая через Брест-Литовск, император Александр II поделился с встречавшим его Назимовым как с близким другом своей скорбью по поводу косности великорусского дворянства в вопросе освобождения крестьян. Назимов предложил государю начать это с северо-западных губерний и, получив одобрение, добился, что к нему поступило от дворянских собраний ходатайство о дозволении возбудить вопрос о крестьянах. Это ходатайство Назимов представил в Петербург, и в ответ на него последовал ответ на имя Назимова — рескрипт 20 ноября 1857 г., положивший фактическое начало крестьянской реформе. Деятельность Назимова во время мятежа 1863 г. вызвала двоякую оценку современников. Муравьёв в своих

записках говорит, что Назимов «человек недалёкий, слабый при всей своей добросовестности, не понимал положения края и не находил никаких разумных мер к подавлению мятежа». Митрополит Иосиф Семашко тоже даёт Назимову нелестную оценку, называя его «двуличным, фальшивым и интриганом». Последняя оценка объясняется тем, что митр. Иосиф подозревал (неосновательно) Назимова в сообщении Герцену напечатанного в «Колоколе» письма Иосифа к митрополиту Филарету. Совершенно иначе относится к Назимову адрес, представленный ему уже по увольнении его от должности генерал-губернатора 20 декабря 1863 г. Здесь Назимова называют «вестником мира и царской милости», а деятельность его, направленная к сближению и примирению враждебных народностей, оценена так: «Говорят, это была ошибка, заблуждение. Да, это было заблуждение, но заблуждение великодушное, которое Вы разделяли с самим правительством и всеми благомыслящими русскими людьми». См.: А. С. Павлов. В. И. Назимов. Очерк из новейшей летописи северо-запада России // Русская старина. 1885. Т. XV–XVI; некролог с присоединением виленского адреса — там же, 1874, апр.; письма к Назимову Императора Александра Николаевича в бытность наследником — там же, 1883; П. Д. Шестаков. Воспоминания о В. И. Назимове // Исторический вестник. 1891.

Приложение 1

ТРИ РАССКАЗА

После бабушкиной смерти в её бумагах нашли два рассказа о жизни её и её семьи в начале XX века и в тридцатые годы. Хотя сама бабушка не поместила эти воспоминания по каким-то соображениям в книгу, я считаю, что теперь нужно это сделать. Кроме того, что эти рассказы имеют непосредственное отношение к теме книги, они ещё и являются литературными произведениями, образно и живо описывающими картины прошлого.

История нашей семьи и обстановка моего детства

Опекуны моей матери дали ей разрешение на замужество, только когда отец закончил своё медицинское образование и получил звание врача. В связи с замужеством мама на один год не закончила Бестужевские высшие женские курсы. Отцу надо было отбывать военную обязанность, и они уехали в Бессарабию. Имеющий высшее образование не обязан был отбывать службу, но отец мой имел склонность к авантюризму и в какой-то момент своих молодых лет записался добровольцем. Он вообще был большой патриот, несмотря на своё немецкое происхождение.

После того, как отец закончил срок службы и вышел в отставку, он разочаровался в своей специальности, расхотел заниматься медициной и стал искать другие пути в жизни.

Мечтал как-нибудь разбогатеть необыкновенным коммерческим предприятием. Он сперва поехал на Алтай за дешёвыми мехами, но не хватило оборотного капитала, и из этой затеи ничего не получилось, кроме тех мехов и маминых соболей, которые нам служили многие годы и остатки которых и сейчас попадают в наших вещах. Потом он работал на кондитерской фабрике сводного своего брата Жоржа Бормана в Харькове. Там я и родилась уже третьим ребёнком. Старшие братья Пётр и Георгий — один родился в Бессарабии, второй в Бабине. Когда мне было два года, мои родители возвратились на житьё в Петербург. В 1903 году отец ездил за границу для усовершенствования медицинской специальности. На Невском, 102, была снята квартира, и он занялся частной практикой. Так мы там жили около года.

Началась японская война, и папу мобилизовали. Он уехал на Дальний Восток полковым врачом. Интересны его письма с фронта, сохранившиеся у меня до сих пор.

Во время японской войны, в отсутствие отца, мама с детьми, гувернанткой и прислугой жила в бабинском большом доме. В бабинской усадьбе было два дома. Первый, не очень большой, был построен дедом, временно, пока строился большой настоящий помещичий дом. Ко времени раздела имения между всеми наследниками в этом флигеле обосновалась семья Сергея Дмитриевича. Все остальные братья с семьями приезжали в «большой» дом. Летом за столом собиралось больше двадцати человек своей семьи. Годы японской войны наша семья жила зиму и лето в этой усадьбе.

Дом стоял на крутом берегу речки Равани. Станция железной дороги была недалеко, и по речке сплавляли много дров и брёвен, которые частично выгружали на противоположный берег от усадьбы. Кругом у дома не было парка, а просто поля, и подходили они к самой усадьбе, территория которой ограничивалась, с одной стороны, речкой, с двух других сторон — еловыми рощами, и с четвёртой был въезд с берёзовыми аллеями. Ещё перед домом был круг — площадка соток на десять, обрамлённая аканиевыми кустами. Внутри круга росли яблони и большие

липы, под ними стоял столик. Был там ещё домик (сажень на сажень) для наших детских игр и игрушек. Это было владение нас троих — Борманов. У детей дяди Коли (больше мы имели дело с тётёй Верой), их тоже было трое, «домик» стоял за кругом и за огибавшей его дорогой. Там были основной фруктовый сад и ягодные кусты. Третий «домик» принадлежал Верочке Тырковой — дочери дяди Володи. Он стоял в роще с правой стороны от дома. В основном мы дружили с «Тырчатами», а Верочка воспитывалась как-то обособленно. Нас пасли наши наставницы, по очереди всех шестерых, и можно себе представить, как этим «фрейлинам» было от нас весело!

Из усадьбы, с берега речки можно было видеть поезда, проходившие по Николаевской железной дороге. Я помню, как в дни революции 1905 года мы стояли на опушке рощи и все говорили: «вот пошли поезда». Очевидно, это было после перерыва в движении поездов, в связи с революцией. Революцию 1905 года мы пережили в этом доме в деревне. Никаких эксцессов с крестьянами не возникало. Зато из города иногда приезжали люди в панике. Один знакомый, доктор Зив, демонстрировал, как он научился бегать на одной ножке — на случай, если его подстрелят во вторую ногу. Очевидно, в городе была стрельба. Иногда по вечерам мама выходила на мостик через речку и из малюсенького револьвера стреляла в воду. Это чтобы доказать, что она — барыня, хотя и живёт здесь одна, но имеет оружие и способна защищаться.

После заключения мира отец ещё ездил как турист по Японии, и потому его возвращение несколько задержалось. Наконец всё успокоилось, и мои родители вновь обосновались в Петербурге, сняв квартиру из 5-ти комнат на Невском, 98.

В Бабине собрались все братья-наследники, и произошёл раздел всех бабинских земель и усадьбы. Флигель со скотными дворами закрепился за Сергеем Дмитриевичем. Большой дом и к нему новые скотные дворы и хозяйственные постройки остались за Николаем и Владимиром, так как у Николая был наследник, а Владимир не соглашался выезжать из отцовского дома. Впоследствии дядя Коля, а главное тётя Вера, создали

своё отдельное хозяйство в трёх километрах от села и назвали его «Грядка» как называлась речка-ручей, там протекавшая.

Константин Дмитриевич обосновался за линией железной дороги и назвал свою усадьбу «Маячок».

Маме достался кусок земли в 125 десятин (почти столько же гектаров), близ деревни Вороний Остров в восьми верстах от Бабина и на пять вёрст в сторону от Московского шоссе. Были ещё назимовские земли в Псковской губернии, но их впоследствии продавали тамошним же крестьянам, и мы ими не интересовались.

Наш хутор был назван «Лядинка», что означает полянка среди леса. Эти места ещё до нашего внедрения носили название «лядиши». Говорили: пойти на лядиши, растёт на лядинах. С 1908 года завертелось новое колесо в судьбе нашей семьи. Новые условия и обстановка сложились в связи с Лядинкой. Отец мой был самого незнатного происхождения, и даже не русский, к тому же он не преклонялся перед аристократией, но женился он на русской, дворянке, достаточно родовой. Всю жизнь ему хотелось доказать, главным образом самому себе, что он достиг известного общественного положения собственной личностью. Кусок земли, хотя и принадлежавший его жене, делал его всё же помещиком. Кроме того, сама по себе эта земля никакого дохода не приносила. Надо было в неё много вложить, чтобы потом получать барыши. Но можно было уже называться «землевладельцами» и «помещиками». На постройку усадьбы с небольшим временным домом ушли деньги от заклада земли в банке — три тысячи рублей. От продажи земли в Псковской губернии к первоначальному участку постепенно ещё прикупалась прилегающая земля, которую продавали после вырубki отдельными участками. В семнадцатом году было уже шестьсот с чем-то десятин земли. Тут уж был вложен и папин заработок практикующего врача.

С самого начала организации собственного хозяйства для нас, детей, началась новая эра существования. Двадцать лет наша жизнь была связана со всем бытом этой усадьбы и хозяйства, что исключительно повлияло на формирование наших

понятий, привычек и склонностей. Город с его театрами, музеями, концертами оставался для нас абсолютно чуждым, хотя мы и посещали эти места. Но мы всё это как бы презирали, считали накипью и паразитизмом. Истинную жизнь видели только в природе, в охоте, в животных и в энтузиазме работы. С самого начала у каждого из нас появились хоть небольшие, но свои хозяйственные заботы, позже свои лошади, свои собаки. В городе мы только учились; все не учебные периоды — летние каникулы, зимние, рождественские, масленичные, пасхальные (и даже если выдавалось подряд два праздничных дня) — мы уезжали. Со своими соучениками по школе мы не сходились, так как их интересы нам были чужды.

Мама сама не работала, но постоянно присутствовала при всех полевых работах и только иногда ездила на конной грабилке. Зимой, живя в городе, она раз в неделю ездила на проверку всех хозяйственных мероприятий. Не знаю, со скольких коров начиналось хозяйство, но к революции было двадцать коров и десять лошадей. До раздела в Бабине было девяносто пять коров. В Вергеже было сто коров, так что наше хозяйство ещё не было большим. Папа в полевых работах не принимал участия. Он культивировал спаржу, заботился о том, чтобы существовал садовник, который бы занимался огородом и цветами. У нас были лучшие цветники из всех родственных имений. Отец, собственно, подолгу никогда не жил в деревне. У него была большая частная практика, требовавшая его постоянного присутствия в городе. Усадьба отстояла от станции в пяти километрах, да ещё два часа приходилось ехать на поезде, так что часто ездить было затруднительно. Летом обычно он приезжал в пятницу и оставался до понедельника, до утра. Местные крестьяне постоянно обращались к отцу за помощью. Он всегда лечил их даром, но требовал, чтобы они приходили с утра. Таким образом, по субботам, а особенно по воскресеньям, у нас во дворе собиралось много разного народа, и некоторые приезжали даже на телегах. Нам общаться с этими людьми не разрешалось, так как это были больные неизвестно какими болезнями. Папа сам рвал зубы, вскрывал нарывы. Вот в таких случаях мне

разрешалось подавать бинты, вату, инструменты или воду. Эти процедуры выполнялись прямо в саду или на крыльце. Только если надо было осмотреть больного с раздеванием, отец заводил его в дом. Крестьяне часто отдаривались яичками или вышитыми полотенцами, но денег отец не брал никогда, иногда ещё бесплатно давал лекарства.

Из города к нам приезжала папина родня, мамина родня одновременно являлась и соседями. Из не родственников было только имение князей Багратион-Мухранских, и те приходились нам в пятиродном родстве. Деревня Трубников Бор, где была и наша станция, когда-то принадлежала Трубниковым. Одна из девиц Тырковых — Федосья — сюда была выдана замуж. Её внучка вышла замуж за Николая Багратиона, и их внуки были нашими ровесниками. Дружбы мы с ними не вели, но были знакомы и главным образом встречались на станции железной дороги. Из этой семьи у нас бывала София Николаевна Зинкевич, урождённая княжна Багратион, со своим сыном Васей, моим ровесником, кадетом пажеского корпуса. Они были оригинальны тем, что ходили пешком к нам из Трубникова Бора, т. е. четыре километра. А мы даже на один километр ездили на лошадях. Отношение к Зинкевичам было какое-то несерьёзное.

Спортом мы не занимались как самоцелью и рекордсменством, просто зимой ходили на лыжах, катались на коньках на замёрзшем пруду. Летом ездили верхом и на велосипедах. Купаться и плавать приходилось только в мизерных водоёмах, вроде речки Равани и нашего искусственного прудика. Но плавала я отлично. Когда, находясь в Вергеже, мне вздумалось «порачить», я без всякой тренировки переплыла Волхов, а местная молодёжь на это не отваживалась. С семилетнего возраста я самостоятельно ездила верхом. Лошади, правда, были не крупные и не особенно резвые. Но когда мы уже сами стали выращивать своих лошадей даже из местных жеребят, то усиленной тренировкой нам удавалось развить у этих молодых лошадок очень ходкую рысь. У «Тырчат» на Грядке лошади были привозные, крупные типа рысаков, и мы постоянно с ними соревновались на быстроту и не отставали, а даже перегоняли.

Нам давали хорошее образование. Учили нас иностранным языкам и музыке. Всё это мы преодолевали иногда с отвращением, но никакого интереса не вкладывали. К тому времени, как мы обосновались в Лядинке, немецкий язык был нами уже усвоен. Жили у нас гувернантки, и бабушка Тереза Густавовна говорила только по-немецки. В первые годы строительства дома и других построек с нами жила француженка. Мы приучались к французскому языку. Когда мне исполнилось четырнадцать лет, у нас уже жила англичанка.

То, что организация всей усадьбы, всего имения, содержание скота и хозяйственного оборудования происходили непосредственно на наших глазах, оказало большое влияние на умозрение всей нашей последующей жизни. Конечно, от нас, детей, никакой реальной пользы для дела не было, но зато для нас самих получалась большая польза в том, что мы во всём принимали непосредственное участие и видели все сельские работы. Плотники, столяры, печники, кровельщики, канавщики, конопатчики, стекольщики — всем мы ассистировали. Отец считал, что самые порядочные люди выходят из той среды, где дети с самого детства участвуют в интересах и трудах своих родителей, поэтому он нам постоянно давал какие-нибудь поручения и задания. Мама больше внимания обращала на нашу учёбу и приличное поведение.

Отец, кроме культуры спаржи, из которой ничего не получилось, ещё занимался птицеводством. В городе было три инкубатора, из которых иногда выходило по сто цыплят одновременно. Их увозили в деревню и помещали в специальные парнички. Но так как ночи у нас очень холодные и эти парнички были кое-как и недостаточно утеплены, цыплята старались согреться, громоздясь друг на друга, и, таким образом, иногда сидели в два и три ряда — это приводило к тому, что нижние ряды спрессовывались и вовсе дохли. Это была целая проблема, как уберечь цыплят от гибели без курицы-наседки. В этом хозяйстве моих родителей всё делалось очень по-любительски, отчасти из-за недостатка вкладываемых средств, отчасти от избытка фантазии и недостатка опыта. Например, в первый год освоения угодий

было посажено на всех поэтических местах и на полянках в лесу двести пятьдесят молодых яблонь. К весне следующего года они все оказались съеденными зайцами, которыми тогда кишели леса. В следующем году посадили уже только двадцать пять саженцев, и то вокруг усадьбы. Их уничтожили гусеницы, так как кругом был дикий лес с черёмухой, паутиной, тлём и т. д. Так у нас и не получился фруктовый сад. И только в последние годы мама посадила уже в огороде пять яблонь, которые прижились и дали первые яблоки в тот год, когда мы выезжали из Лядинки.

Коров держали не высокопородистых, которые не давали рекордного количества молока, но зато молоко от наших коров было исключительно вкусное и с повышенной жирностью. Породистые коровы были слишком массивны и неуклюжи, чтобы пастись в наших условиях болот, вырубок и лесных полян, зато травы здесь росли самые сочные.

Из всего количества земли обрабатывалось десятина тридцать. Когда мы приехали в эти места, всего было пахотной земли четыре десятины вдоль большой проезжей дороги. Усадьбу разбили отступая на полкилометра совсем в лесу на полянах-лядинах у слияния двух ручьёв: Горного и Лядинского. Тут же был ключ, который бил лето и зиму, не замерзая, и вода была всегда плюс семь градусов. Этот ключ использовался как холодильник. На нём соорудили специальную будку, в которую ставили бидоны с молоком в приспособленные ячейки. На Горном ручье, который потом вливался в Лядинский, был вырыт пруд, в нём мы купались и катались на самодельной лодке. Лядинский ручей не замерзал и зимой, он быстро бежал дальше и за большой дорогой впадал в речку Равань. Через этот ручей был мост, который создавал въезд на территорию усадьбы. Так как его построили к празднику Троицы, то и назывался он в подражание самому большому мосту в Петербурге — Троицким. Ещё был Вознесенский мостик, который вёл к ключу и молочной будке. Ещё была запруда, по которой мы бегали «на ту сторону». На «той стороне» берег был высокий, там предполагалось строить большой дом, а настоящий отвести под людскую. Уже привезли

брёвна и доски, лежавшие там штабелями, но война 1914 года помешала осуществлению планов. Там был построен только ледник, яма которого существует до сих пор. Лёд для его набивки брали из пруда.

Кроме так называемой «обетованной земли», то есть тех тридцати десятин, на которых были посеы и клеверные поля, перемежающиеся небольшими рошицами, расчищенными прорубками и покосами, остальные десятины представляли собой дикий лес. Правда, он не был очень мощный, поскольку ещё до раздела (1906 год) подвергся основательной вырубке, но всё же это был лес и он подступал к самой усадьбе со всех сторон, кроме дороги, которая уходила со двора прямо в поля. На нашей земле, как это ни странно, держалась какая-то избранная порода деревьев. В лесу много было вязов, клёнов, липы и даже встречались дубки и дикие яблони. Почему-то в прилежащих лесах этих пород не было. Вообще-то преобладали ольха, берёза, ель. Вдоль всего нашего участка земли протекал Лядинский ручей и встречалось несколько родников. По всему протяжению можно было ощутить некоторый склон уровня всех полей в сторону ручья. Ручей протекал по илистому руслу, сплошь заросшему ольхой, хмелем, папоротником. Это были девственные заросли, которые нашему воображению, развитому на романах Майн Рида и Купера, давали обильную почву для всяких фантазий.

Старший брат Петя и я были очень начитанны. Жорик совсем не читал, зато он рисовал по нашему заказу всех персонажей разных игр. Вдохновлявшая нас литература сосредотачивалась на приложениях к «Природа и люди» и в этом роде. Конечно, мы читали и всё, что полагалось читать нашему возрасту, но другие темы нас не волновали и не оседали в наших играх. С раннего детства я не умела играть в куклы; я их обычно разбирала на части, изучая, почему у них двигаются руки, ноги, сдирала парики, чтобы посмотреть устройство закатывающихся глаз. Потом такие покалеченные куклы лежали подряд, прикрытые тряпками, и считалось, что они больные и в госпитале. В Лядинке, в этом лесном окружении, было мне раздолье. Там водилось много змей, и притом даже серые

и чёрные гадюки, которые считались ядовитыми, но я не слышала ни одного смертного случая, ни у людей, ни у скота, хотя укусы сопровождалась опухольями и их срочно лечили. Было ещё много всяких осиных гнёзд, и часто осы кусали взрослых и ребят. Я не боялась ни змей, ни ос. Змеи меня не кусали, а осы многократно, но я даже не плакала, а только задавалась. Отец, если на его пути попадалась змея, быстро хватал её за кончик хвоста и очень сильно встряхивал, после чего, если её держать на весу, она уже не могла его укусить, так как у змеи оказывался переломанным позвоночник. Она только вытягивала голову, шипела и показывала раздвоенный язык. После этого требовалось найти палочку вилочкой и пригвоздить её за шею к земле. Папе нравилось проделывать эту смелую процедуру на глазах у гостей — различных дамочек, которые ахали, стонали от ужаса и восторга. Я же усваивала, что ничего нет страшного, если проявить быстроту и решимость.

Единственное, что мешало нашему привольному существованию, — это обучение музыке и летние занятия иностранными языками. Учиться языкам и наукам я считала необходимым, а вот музыке — совершенно для меня лишним. Тем не менее меня учили пять лет игре на скрипке и семь лет — на рояле. Но, благодаря моему упорному сопротивлению, из этого ничего не получилось. Старший брат Петя в связи с заболеванием ревматизмом и отсутствием музыкального слуха был освобождён от уроков музыки. Жорик занимался на скрипке довольно долго, но свободной игры не достиг. Впоследствии, уже в старших классах, Петя выучился играть на балалайке и собрал вокруг себя небольшой оркестр из балалаек, мандолин, домбры и гитары. Но я так к этому и не присоединилась.

Нашими товарищами вскоре стали девочки Полтавцевы. Они переехали из Харькова в Петербург в 1911 году и возобновили старинное знакомство с моими родителями. Их отец был также врач, дружил с нашим отцом, и матери были знакомы. Старшая Леля являлась ровесницей Пети, а младшая Женя была на год моложе меня, так что по возрасту мы вполне подходили друг другу. Они приезжали к нам на рождественские каникулы, на

Масленицу и Пасху. Их мать, Елену Лукьяновну, мы звали «подкидной» матерью, так как наша собственная мама частенько задерживалась в городе при отце и мы оставались под надзором Елены Лукьяновны. Летом они обычно уезжали на юг и только ранней весной недолго гостили у нас в Лядинке.

Нашими излюбленными играми были рюхи и крокет. Но лошади и собаки занимали основное место. Когда мы бывали в гостях на Грядке, то есть у Тырковых — «Тырчат», то основное времяпрепровождение было в конюшне. Хорошо помню этот острый аммиачный запах, к которому требовалось немного привыкнуть. Сидеть приходилось на жёрдочках-перекладинах в стойлах. Я была маленькая, ноги болтались, можно было только придержаться за стойки, в которые вставлялись перекладыны. Я не была в восторге от этой обстановки, но «сдрейфить» представлялось совершенно немыслимым, тем более что я была из младших. У «Тырчат» имелись двоюродные братья — Шура и Сергей Шамовы. (Впоследствии они с ними поженились.) Они были моряки, и, мне кажется, лошадиная тема их мало занимала. Главными энтузиастами были мой брат Петя и Галя Тыркова. На Грядке были крупные привозные лошади типа рысаков, и все разговоры сводились к этим лошадям. У нас лошадки были местные, мелкие, но братья их натренировали на очень ходкую рысь и мы с честью выдерживали состязания. Верхом мы ездили все, притом только в мужских сёдлах. У нас сёдла использовались английские, у «Тырчат» — казачьих. На высоких казачьих сёдлах, на этих больших лошадях, Галя и Зоя в красненьких ермолках производили впечатление и назывались «Тырковские гусары». У мамы было дамское седло, но она тоже ездила по-мужски. Папа окончил в Париже школу верховой езды. Он умел заставить лошадь приплясывать и скакать через барьеры. Не помню, чтобы я видела маминих братьев-моряков верхом, но тётя Вера (Вера Ивановна — жена Николая Тыркова) вспоминалась местными крестьянами уже тридцать лет спустя как барыня-наездница.

Когда брату Пете исполнилось пятнадцать лет, папа подарил ему пятимесячного щенка английского сеттера-лаверака-

блюбельтона. Назвали его Шпик, то есть сыщик. Мне было тогда одиннадцать лет, и с того дня эти собаки всю жизнь мне сопутствуют. Шпик был нашим любимцем. Он ездил с нами на зиму в город, а на каникулы сопровождал в деревню. Мы его называли третьим братцем. Он умер уже после революции, от старости в возрасте тринадцати лет.

Ближе к первой империалистической войне наша компания разрослась. Кроме «Тырчат» и Полтавцевых появились двоюродные Верочки Тырковой — ребята Ратьковы. Около Тырковых — Константиновичей, Муси и Димы, которые были много младше нас, оказались Скороходовы, тоже морская семья. Все они были с нами в одних годах, и мы встречались и в деревне, а потом и в городе. Ратьковых было четверо и Скороходовых — четверо, так что иногда собиралось около пятнадцати человек молодёжи.

Из Бормановской родни у нас в Лядинке иногда гостили только двоюродный брат Феликс Борман, сын папиного брата Эмиля, и Катя Поссе, дочь папиной сестры Альмы. Катя была ровесницей Пети, а Феликс — со мной однолетка. Они были городские, и Феликса мы презирали, так как он не умел отличить мерина от кобылы, не знал, что такое хомут и чересседельник, и в этом роде. Катя была постарше, сама умела поставить нам вопросы, и мы к ней относились по-свойски. Феликса вообще считали дурачком и заучившимся пятёрочником. Однако он окончил все восемь классов гимназии с золотой медалью и так как шёл на класс старше меня, то ухватил и восьмой класс. Впоследствии Феликс окончил медицинский факультет в Дерпте и был профессором в Страсбургском университете. О нём даже имелась статья в нашей газете как о приверженце фашизма и поклоннике Гитлера. Он назывался уже Феликс фон Борман. Куда он девал своё происхождение из России и то, что его мать была чистокровная полька, я уже не знаю. И можно ли считать его преданность Гитлеру признаком широкого ума или наоборот, я не знаю. Возможно, он действительно напичкался знаниями до потери собственного соображения, а может быть, в той газетной статье смешали все понятия. Впрочем,

если существует идеология фашизма, почему бы ему не быть одним из них?

Летом нашими традиционными празднествами были (по старому стилю) 20 июля — Ильин день и неделю спустя 28 июля. В Ильин день было рождение Гали Тырковой, и все съезжались на Грядку. А 28-го — было рождение моего брата Жорика, все собирались у нас. Приезжали в тарантасах, двуколках и верхом. На Грядке, кроме мороженого, ничего особенного для гостей не предпринималось, и мы, как всегда, сидели на конюшне. У нас же мама была затейница, и придумывались разные потехи. Как-то сад весь иллюминировали китайскими фонариками. Устраивали фейерверки. Притом не такой примитив, как сейчас пускают салют на Неве, а были какие-то сложные крутящиеся комбинации разноцветных огней. Какую-то вертящуюся ракету даже пускали на плотике по пруду, и она сразу выпускала множество разноцветных колёсиков, которые в свою очередь рассыпались звёздочками. Один год убрали гумно зеленью и гирляндами и там устроили танцы, туда даже был перенесён рояль.

С двенадцати–тринадцати лет братья мои начали работать в поле. Они выполняли посильную по возрасту работу. Укладывали возы с сеном или снопами, ездили на грабилке, водили лошадей на водопой. Старший Петя любил чинить сбрую и шорничать, а Жорик больше внимания уделял животным и посадкам. Я стала работать позже, так как в пятнадцать лет перенесла операцию по удалению аппендицита и работа физическая была мне запрещена. Папа старался меня приспособить к птицеводству, но я от этого как могла отбрыкивалась, так как куриц не любила, цыплята дохли. Я любила лошадей и собак, и только когда стала сама выкармливать, уже после восемнадцати лет, телят, ягнят и поросят, стала их тоже любить, но судьба их слишком скоротечна и фатальна, чтобы к ним можно было привязываться.

К пятнадцати годам мною было прочитано: весь Тургенев, Чехов, Шеллер-Михайлов, Гончаров, «Анна Каренина», «Камо грядеши» Сенкевича, всё про Шерлока Холмса, весь Майн Рид, Купер, Буссенар, Чарская и многое другое. Из романов

я больше всего любила «Обрыв» — наверное, потому, что все героини жили в деревне и любили своё хозяйство. Но наибольшее и очень вредное влияние на меня оказал Чехов. Чехов слишком много естественных, простых побуждений заклеил «пошлыми». Пошлости я стала бояться, хотелось быть оригинальной, а как этого достичь нарочито, такого рецепта Чехов не давал. В праздники я устраивала стирку, ходила босиком от снега до снега. Требовала, чтобы фасоны платьев мне шились не по моде, а так, как я считаю удобным. Мама очень расстраивалась из-за моего постоянного противодействия. Я её мучила, и это супостатство наплотню вошло в мой характер. Конечно, нельзя приписать влиянию Чехова формирование моей психики, но его саркастические произведения заострили мои собственные природные черты. Вздорные бунтарские порывы заложены в большинстве молодёжи. Поэтому зелёные недоросли, которые ничего не знали, стремились всё сокрушить, воображали, что, совершив революцию и перемену власти, все сразу станут счастливы и найдут своё место в новых условиях. Я как раз была такой, но революция меня обогнала и я не успела стать на путь активной революционерки, но нигилизм стал мне свойственен. Возможно, я бы и не стала участвовать в тайных заговорах, так как никогда не любила ничего скрытного и даже была склонна надумать больше тарарама, чем каких-нибудь отступлений от правил поведения. Сколько я себя помню, у нас дома всегда ругали царское правительство и все его мероприятия. Но политическими партиями никто не занимался. Папин старший брат утверждал, что он социалист, и тут же спор заканчивался тем, что его обзывали дураком. Мама считала революционеров мучениками за идею, очень преклонялась перед ними и вместе с тем очень боялась, чтобы нас, детей, не затянули в политические кружки. В особенности она беспокоилась за старшего. Отец утверждал, что все эти революционеры ничего на земле не создали, что он как врач, а в особенности земские врачи, приносят гораздо больше пользы народу и способствуют прогрессу страны. Также учителя, инженеры и все специалисты. Надо иметь определённое дело и работать добросовестно. И если

каждый будет на своём месте честно выполнять свои обязанности, то все мошенничества, мешающие жить, сразу окажутся на виду и с ними легко будет бороться. Он уверял, что для себя лично он — анархист, и ему не нужна никакая власть, а потому он может подчиниться любому правительству и любому строю. Всегда будут законы, которые надо беспрекословно выполнять. Понятие о законности являлось одним из основных принципов моих родителей. Можешь «считать» как хочешь, а делать — так, как «требуется». Если бы все люди, погибшие в борьбе с существующей властью за торжество революции, занялись бы настоящим делом и своё образование, энергию и честность положили в основу своей работы, то толку для прогресса страны было бы гораздо больше, чем от всех революционных бредней, споров и партийных разногласий. А кроме того, революционеры создавали всю систему жандармерии, которая, в свою очередь, порождала провокаторов и вызывала множество злоупотреблений и притеснений для простого народа.

Перед аристократией папа не заискивал, вернее, был даже дерзким. Были у него пациенты из аристократов, которые претендовали на какие-то особые условия. Он им не шёл навстречу, назначал их в то же время, как и всех остальных. Но вообще он аристократию считал полезной как носительницу высшей культуры, как ценителей и потребителей предметов и произведений искусства. Конечно, в его понимании в «аристократию» входили вообще все очень богатые люди, к ним примыкающие, так как в XX веке у нас в России уже не существовало той обособленности родовитой знати, как это было в XVIII веке. Хорошо образованные разночинцы даже вкрапывались в правящие слои. Отец считал, что в самой сути аристократизма заложены лучшие стремления и идеи человечества: чувство собственного достоинства, благородство, честность, честолюбие. А то, что люди часто извращают эти высокие идеи, не умаляет их истинной ценности.

Мы воспитывались в абсолютном атеизме. Мама в молодости, особенно в атмосфере своего дяди Владимира Алексеевича, несколько придерживалась религиозных обрядов. Её родной отец в церковь не ходил, и братья-моряки не были религиозны. Но

отец умер, когда ей было десять лет. Потом она, конечно, подчинялась всем церковным церемониям, и только. Дядя её был набожный, он даже способствовал и дал средства на постройку церкви в селе Высоком, напротив его имения Вергежа. Папа был совершенный безбожник. Я помню, что читала его письма к маме, когда он был ещё женихом, где он ей категорически запрещает ходить в церковь, так как «не хочу, чтобы моя жена приобщалась к этому ханжеству». Нам, детям, он постоянно изображал библейские истории в опереточном стиле и называл каждого святого с особым ударением: «господин Иисус Христос», «господин апостол Пётр» и т. д. Но с раннего детства нас учили молитвам, и каждый вечер перед сном мы становились на колени и повторяли громко полагавшиеся слова молитв. Но со мной получилось так, что однажды после моего какого-то очередного озорства мама мне сказала, что молиться и грешить одновременно нельзя, что если я молюсь и обращаюсь к Богу, то как же я смею не слушаться и своевольничать. Тогда я пришла к решению немедленно порвать с Богом и отказалась от молитвы. После этого я, хотя и становилась на колени вместе с братьями, но упорно никаких молитв не произносила. Было мне тогда лет пять. Маму потрясло, что я так повернула её воспитательные намерения. Папа был тогда на японской войне. Не помню, как и при каких обстоятельствах закончились эти коленопреклонённые молитвы. Конечно, отец не отрицал, что наша признанная мораль совпадает с принципами той религии, которая уже две тысячи лет навязывается европейским народам. Но есть и другие народы, и другие морали. Восток признаёт многожёнство, а на Огненной Земле считается вполне приличным людоедство.

Мама и мы, дети, были православные, отец был лютеранин. Обрядов мы вообще никаких не придерживались. В церковь не ходили, дома молебнов не бывало. Единственное, что мы выполняли по требованию учебных заведений, — причастия раз в год. Но при этом не постились и на исповеди говорили что хотели. Лишь бы получить справку, что мы говели. Только два раза, я помню, служили молебен. Первый раз, когда освящали

все новые здания в Лядинке, и было устроено большое гулянье с застольем в саду для всех рабочих и подёнщиков, занятых на постройке. Бабы плясали и пели частушки, мужики рвали на гармониях плясовую. Впечатление осталось на всю жизнь. На новоселье бабы дарили вышитые полотенца. Второй раз оказалось не так интересно, был молебен при переезде на новую квартиру и открытии лечебницы. Во всех комнатах были повешены иконки, как говорилось — «для народа».

Самой ханжеской религией отец считал протестантство, хотя сам к нему принадлежал. Все церемонии здесь упрощены до практицизма, весь декорум ритуала, который вовлекает психику человека в какие-то высшие сферы духовности, отбрасывается, и люди, ничем не вдохновлённые, сознательно притворяются верующими и добродетельными. В православном богослужении есть музыка и пышность обстановки, которые отвлекают от повседневности и создают настроение какого-то приобщения к потусторонности. Кроме того, папа из всех служителей культов больше всего одобрял наших русских попов. Они ближе всего сливались со своей паствой. В основном жили в той же обстановке, как и окружающее их население. Они многодетны, работают на своих огородах, любят выпить и не высокомерны. А некоторые из них весьма своеобразно образованны, и много от них пользы народу. После революции все эти вопросы получили новое толкование. В нашей семье судьба церкви оставила нас равнодушными.

Отец мой был очень образованный человек, он знал иностранные языки, писал медицинские статьи в немецкие журналы. При советской власти он имел звание научного работника, так как писал книги, брошюры и статьи по рентгенологии, волосолечению и вообще по своей специальности. В одной из его анкет я прочла, что у него было сорок печатных трудов. Его учебник по рентгенотерапии был признан в медицинском институте, по нему учились студенты. Теперь, конечно, в связи с прогрессом техники он абсолютно устарел.

Отец происходил из музыкальной семьи и сам хорошо играл на скрипке. Нас учили играть на рояле и на скрипке. От этих

занятий я всегда старалась увильнуть. Чётким воспоминанием моего детства у меня проходят постоянное нежелание заниматься музыкой и в связи с этим конфликты с родителями, в особенности с папой. Дело дошло, мне кажется, даже до взаимной неприязни. Когда мне исполнилось пятнадцать лет и я переболела аппендицитом, лежала в больнице и долго ничем не занималась, после этого с музыкой от меня отступились. За пять лет обучения на скрипке и семь лет — на рояле я ничему совершенно не выучилась. Я считала, что это моя победа над родителями. Но главное, вероятно, в том, что во мне нет никакого стремления к музыке. Я могу слушать хорошую музыку с удовольствием, но большей частью это мне скучно. Если мне случалось ходить на концерты, то главным развлечением для меня являлось изучение публики и вообще восприятие всей праздничной обстановки. Мне было лет тринадцать, когда родители взяли билеты на концерт Яши Хейфеца — скрипача-вундеркинда, а я сказала, что не пойду. Конечно, мама настаивала, что я должна подчиниться и пойти, но я устроила такой рёв, что у меня вспухло всё лицо. На меня уже надели нарядное платье, но всё равно я не пошла. Я считала, что принуждать меня к этому даже мои родители не имеют права.

Обстановку, в которой проходило детство моего поколения, современной молодёжи уже себе никак не представить. Мы не были окружены роскошью, но не было и той мизерности масштабов, какая господствует сейчас. Мы жили в домах с отдельными комнатами, теперь это только избы. В городе были квартиры, а теперь комнаты.

В нашей семье отсутствовало стремление к нарядам и модной одежде. Скорее, наоборот, господствовало пренебрежение к своему костюму. Кисейные барышни и «белоподкладочники» — студенты — нами презирались. «Дачники» и «кирпичники» (т. е. горожане) считались позорными кличками. Ухаживание с букетами и конфетами подвергалось насмешкам. Родители наши, правда, думали иначе. Никаких услуг со стороны молодых людей мы, девушки, не допускали. Ни оплату в трамваях, ни билеты в театр. Я всегда за всё платила сама, только мой

будущий муж взял надо мною верх и не позволил мне самой доставать свои деньги. Он меня терроризировал и подчинил. Но ведь до революции нам, девушкам из интеллигенции, надо было доказывать своё равноправие и свою независимость, а когда это равноправие узаконили, отпала необходимость его доказывать.

Революция с её бытовыми трудностями нас не ошеломила. Мы были подготовлены к новым условиям. Такая обстановка, которая порой описывается в литературе, когда помещики после революции голодали и не умели ни пахать, ни сеять, к нам совершенно не подходила. Мы все умели работать, а чего не умели — быстро усвоили. Мы любили работать и не боялись работы.

Революция застала меня и брата Жорика в последних классах гимназии, а старшего Петю — офицером на фронте. К Октябрьскому перевороту Петя приехал домой. Гимназию мы кончали как-то сокращённо в марте, и только семь классов, хотя Жорика полагалось закончить восемь классов, но к тому времени восьмые классы упразднили.

Было у нас ещё одно увлечение — это тяжёлая атлетика. Собственно, зачинщик всему был старший брат Петя. Он был физически очень сильный, и, несмотря на порок сердца, который наблюдался у него с детства, он очень стремился проявить свою богатырскую силушку. В школе он всегда был освобождён от занятий гимнастикой, и в футбол ему играть не разрешалось, а что он проделывал с гирями, на это никто не обращал внимания. Помню, он двухпудовку, на соревнование с нашими рабочими, забрасывал через ворота сарая, и ещё делались подобные глупости. Мне было лет семнадцать или восемнадцать, когда я тоже схватилась за гири. Но я упражнялась только с пудовой гирей. Её надо было ставить «на попа», взводить, толкать и выжимать по сколько-то раз подряд. Пудовую гирю я ставила «на попа» и выжимала. Пятнадцатифунтовую гантель я «взводила» на оттянутой руке сколько-то раз. Вся литература о тяжелоатлетах была изучена чуть ли не наизусть. Имена «дядя Ваня» (Лебедев), Георг Гаккеншмидт, Пытлясинский, Поддубный, братья Елисеевы и другие упоминались как хорошо

известные. Рекорды их обсуждались и анализировались. Жорик этих книжек не читал и потому в спорах участия не принимал, но пыхтел и добивался каких-то результатов. Зато Жорик был прекрасный гимнаст. Бесконечным количеством упражнений он добился того, что прекрасно становился на стойку ногами вверх на любой табуретке. Митя Тырков был младший, он ни с кем не соревновался и не старался кого-то превзойти, но, когда касалось дела, преодолевал все трудности не хуже остальных. Галя и Зоя были уже достаточно взрослые и до гирь не прикасались, а их постоянные спутники братья Шамовы как-то сдрейфили, и, таким образом, гирями особенно увлекались только Петя, жонглируя двухпудовкой, да я со своей пудовкой. Когда мы полностью занялись постоянной работой, гири были заброшены, без них хватало физической разрядки.

Для того чтобы сохранить наши права на усадьбу и всё хозяйство, в первый год после революции была официально создана Трудовая коммуна из 2–3 рабочих, одной бабы-кухарки, всего нашего семейства и ещё наших друзей и сверстников — Володи Меньшуткина и Вади Порсева. Это были интеллигентные мальчишки, так же как и мы, по окончании седьмого класса оказались на перепутье, дальнейшее учение было затруднено. Володя нам приходился свойственником через вергежскую родню, а Вадя был сыном папиной помощницы — фельдшерицы. Окончил он кадетский корпус, и потом дальнейшее учение для него было закрыто.

В Петрограде было голодно, а на юге шла Гражданская война. Мы, зелёная молодёжь, приткнулись на своём хуторе. Мы много работали, но и танцевали, и настроение у нас было весёлое. В нашем распоряжении ещё имелись лошади и уютный дом. Помню такую эпопею. На двух санях Жорик, я, Володя и Вадя поехали на Грядку за десять километров. Погода была мягкая, зимняя с сильным южным ветром. Мы проехали зимником, так как ручьи были замёрзшими. На обратном пути к нам ещё присоединился двоюродный брат Митя Тырков со своими лыжами. Возвращались мы поздно, уже к полуночи. Ехали весело, и вдруг за километр от нашей деревни оказался такой

занос снеговыми сугробами, что лошади увязли и движение наше застопорилось. Оказалось, что, пока мы ездили (туда лес проезжали по этому самому месту совершенно свободно) да там гостили, здесь, между лесом и изгородью, надуло такие горы снега, что преодолеть их казалось невозможным. Но нас же было, кроме меня — девушки довольно сильной, четыре парня. И вот выпрягли лошадей, сами взялись за оглобли, и пустые сани покатались по снежному насту. Лошадей же я вела через лес, где снегу почти не было. Помню, как Митя на своих лыжах ходил по верхнему гребню сугроба и дразнился, что нам к нему не подойти. Вообще смеху и крику было много. Часа полтора мы провозились. А если бы вернулись на шоссе, то потеряли бы, наверное, гораздо меньше времени. Но было очень весело. Домой приехали около трёх часов ночи. Правда, дома беспокоиться было некому — родители наши жили в городе.

Иногда мы собирались компаниями в двадцать — двадцать пять человек и танцевали буквально до упада. Пели хором, дуэтами и соло. На рояле играли некоторые тётки. Однажды летом, в 1917 году, танцы были организованы в помещении гумна. Туда перенесли рояль. Стены задекорировали березняком, повесили гофрированные китайские фонарики, пол посыпали стеариновыми свечками. Танцы были лихие. Я танцевала как одержимая, братья тоже хорошо танцевали: бальные танцы и вприсядку. Танцевала я хорошо, а вот пение мне не давалось. Был у меня высокий и сильный голос, но я фальшивила, и никому не доставляло удовольствия меня слушать.

Зима 1918 года — мы ещё учились в гимназии — прошла в езде из города в деревню и обратно. Сперва был Октябрьский переворот с погромом винных складов, поголовным пьянством и хулиганской стрельбой на улицах. Школы были закрыты, учащиеся отпущены. Потом пришли сильные морозы, школы опять закрыли, учащихся отпустили. В марте нам выдали свидетельства об окончании средней школы, и мы уже совсем уехали в деревню. Летом работали сами в поле, но наймиты ещё оставались. Да и деваться им было некуда. Вся обстановка была какая-то неопределённая. В следующую зиму с ноября

я поступила в Медицинский институт и проучилась до февраля. Учиться мне оказалось трудно. Все программы были ещё построены с учётом того, что студенты имеют аттестат зрелости, т. е. восьмиклассное образование и знание латинского языка.

В феврале 1919 года что-то изменилось в общей ситуации. Вся наша «коммуна» распалась. Брат Петя ушёл в Красную армию, Жорик поступил на военный учёт в какие-то мастерские. Кто-то из нас должен был оставаться на хуторе. Кроме меня ещё остались няня восьмидесяти лет и Семён — лет шестидесяти. Этим ухаживать было некуда, и они присчитывались как старики к членам нашей семьи.

Так я прожила в деревне полных два года. Доила коров, пропускала молоко в сепаратор, сбивала масло. Принимала телят и жеребят от коров и лошадей, ягнят и поросят от овец и свиней. Ещё сидели в клетках около ста кроликов, да в курятнике было штук двадцать куриц. За всеми надо было усмотреть: накормить и прибрать. Брат Жорик приезжал из города раза два в неделю, но в основном всё лежало на мне. За лошадьми смотрел Семён; няня не выходила дальше кухни. Воду привозил Семён. Дрова носила я, убирала весь дом из семи комнат, и много было разных других работ, которые занимали меня с семи часов утра до девяти часов вечера.

В 1920 году открылись новые горизонты, и пошли другие песни.

Вы спрашиваете, внучки, почему у меня нет ювелирной бижутерии, оставшейся от моей матери?

У моей матери, когда она выходила замуж, было в приданом двенадцать золотых браслетов, множество колец, брошек, булавок, серёжек. Частично она их раздарила. Так как серёжек она не носила, переделав их на запонки, раздала своим братьям, а братьев было — семь! Два браслета она отдала своим невесткам — жёнам сыновей (один из этих браслетов можно видеть на фото на руке вашей прапрабабушки Марии Петровны). Два

браслета были у меня. Один как обручеч с двумя камушками в коронках — бирюза и бриллиантик. Я его потеряла в лесу. Второй был массивный, сплошной кольчугой, шириной около двух сантиметров, затягивался в золотую выпукло-фигурную узлом пряжку; весил он двенадцать золотников. У мамы оставались ещё браслеты разные, но из них выдающимся был один в форме змеи из чешуек примерно в сантиметр шириной с бирюзовой головкой, жемчужными глазками, изо рта на тоненьких цепочках свисали три жемчужинки. Ещё были браслеты как ремни из сплошных звеньев, которые можно было скреплять несколькими пряжками: одна была из кораллов, другая — из бриллиантиков. Пряжки были сильно выпуклые, переплетённые. К ним были ещё булавки с такими же бриллиантиками. Кольца и серьги я не помню, так как ни я, ни мама их не носили. Некоторые изделия, по словам матери, были переделаны какой-то бабушкой из орденских звёзд которого-то из предков Назимовых. Все вещи были исключительно художественной ювелирной работы. Современные изделия даже отдалённо на них не похожи. Мама берегла эти вещи и прятала их в разные смутные времена, даже закапывала в землю в бидончике, где они пролежали целый год (1918), вследствие чего некоторые кораллы побелели. Длинную нитку кораллов я отдала Ляле (племяннице — дочери Петра Сергеевича), когда она вышла замуж и уехала в Вильнюс. Конечно, во время войны там она и пропала. Так все эти «мамины игрушки» благополучно существовали в её ведении. Моды на золотые украшения не было, и меня они мало интересовали.

В 1931 году моему отцу предложили профессию в Сталинабаде. Он соблазнился и, забронировав квартиру в Ленинграде, принял это предложение. В сентябре того же года я с двумя мальчиками — сыном Алёшей и племянником Серёжей — поехала их навестить и возвращалась в конце ноября. В дороге, а она длилась восемь дней, было некоторое приключение. В нашем вагоне ехал какой-то финансовый работник с двумя чемоданами-сундуками. Его чекисты сняли с поезда в Актюбинске. Я ехала с двумя мальчишками, и у меня было десять укладок. Когда охранники вошли в вагон, они прямо бросились

на мои пожитки и начали перетрясать ребятишкины штанишки и всякую мягкую рухлядь, которую мы тащили с собой, так как в Ленинграде уже была зима. Мой браслет и ещё что-то из золотишка лежало в одном из чемоданов, но они этого не нащупали. Но я переживала. Скоро, убедившись, что я не тот субъект, которого они ищут, они перебросились с 7-й плацкарты на 17-ю и там схватились с толстым дядькой (финансовым работником), который им свои чемоданы не открыл, его высадили, от его чемоданов у охранников подкашивались ноги. Пассажиры обменивались мнениями, сочувствовали мне, что меня подвергли такому разгрому, и высказывали предположения, что этот тип работал по раскулачиванию баев. В то время в тех местах были ликвидированы басмаческие банды. Так в его чемоданах, наверное, были ковры и, может быть, даже ювелирные ценности, инкрустированное оружие и т. д.

По приезде в Ленинград я стала ходить в институт; перевелась со второго курса техникума на первый курс институтского цикла. Алексей пошёл в школу, притом, не посещая в предыдущем году первого класса, а побыв только несколько дней в подготовительном, сразу был зачислен во второй класс, так как заведующий учебной частью оказался мой и моих братьев домашний репетитор — Кривинг Александр Иванович. Зная нашу среду, он нашёл возможным определить его сразу во второй класс. Лёша проходил в школу три дня и заболел дифтеритом. В декабре приехали в отпуск мои родители.

Не помню, какого числа это было, но дифтерит у Лёши был уже на исходе, т. е., наверное, к концу декабря. Явились какие-то типы к отцу и, предъявив соответствующие документы на него и на меня, потребовали, чтобы мы последовали за ними для дачи кое-каких показаний. Мы с отцом предположили, что это в связи с нашим пребыванием в Средней Азии. Вспомнился случай с высаженным в Актюбинске пассажиром. Но так как у нас никаких дел в этом роде не было, мы особенно не взволновались. Только когда нас посадили в «Чёрного ворона», где было уже немало людей, наши соседи пояснили, что это кампания по изъятию золотых предметов у населения.

В «Крестах» на Нижегородской улице меня сперва оставили в ожидании, а отца куда-то вызвали. Потом позвали меня и стали выпрашивать, какие у нас в семье имеются ценности. Сперва я прикинулась дурочкой и сказала, что у отца есть бобровая шапка. Агент махнул рукой и сказал, что их интересуется только: валюта иностранная, золотые монеты, золотые изделия и бриллианты. Я ответила, что есть материнское приданое, золотые медали отца за окончание учебных заведений и награда матери за работу медсестрой-волонтеркой в войну 1917–1918 годов. Разговор на этом окончился. Нас отправили «пождать». Я очутилась в помещении, которое не могу охарактеризовать как камеру, а просто в большой комнате, какие бывают в учреждении: светлые, крашенные маслом стенки, большие окна. Эта комната (метров 30) была набита женщинами. Одна половина людей стояла, другая половина сидела на корточках. Пальто и ботинки были свалены в одном углу. Раздевалки не предусматривалось. Никакими слухами я заранее не была информирована о таких мероприятиях. Было много евреек. Некоторых держали там уже несколько недель. Были и завшивленные. Сидели по полпалаты по очереди. Я попала в середину, поэтому сидела почти всё время. Кормили два раза в день жидкими кашицами и водянистыми кислыми щами. Пищу передавали по рукам в алюминиевых плошках. Я сразу стала всё есть, несмотря на отвращение. Я плакала, но решила, что надо выживать. Потеря вещей меня не огорчала. Я считала это закономерным. Дворянское наследие должно быть низвергнуто революционными силами. Но мне было жалко времени, так как мне надо было нагонять пропущенную учёбу. Ещё меня беспокоил Лёша, который только встал после дифтерита. Подступал Новый год, который должен был пройти в таком ужасе без папы и меня. Никто дома не знал, что с нами случилось.

Через два дня, не знаю, из каких соображений, меня перевели в другое помещение, где общество оказалось смешанное. Тут уж было просторнее. Все лежали на полу и укрывались своими же пальто. Палата даже подметалась. Для моциона я даже в тюрьме подметала; нашлись подходящие собеседники, чтобы

поговорить о собаках, охоте, деревне. Здесь я провела ещё двое суток. Мой сосед Виктор Васильевич Гришин оказался однокашником следователя, который нас допрашивал. Его фамилия была — Фигура. Они признались один другому, но тем не менее Гришина не отпустили. Гришин и сидел как косвенный свидетель, потому что его сестра Татьяна была замужем за доктором Крыловым, у которого имелась лечебница в нэповские годы, якобы в квартире бывшего ювелира, и они воспользовались найденным в квартире захоронением ценностей. Тут же сидел и второй брат, а Татьяна Крылова сидела в первой камере, и при мне её отправили в «парилку» — камеру, битком набитую людьми, где создавалась искусственным подогревом ненормальная жара. Один молодой человек был одет во фрак с белой манишкой, его привезли прямо с его собственной свадьбы. Ещё сидела одна первоклассная портниха, которая, говорят, много зарабатывала и прикупала золото.

Ночью меня вызвали и повезли домой, с тем чтобы я доставила всё, что у нас есть. Отец был дома. Лежал больной, почти без сознания. Оказывается, когда он пробыл в камере несколько часов, он решил, что так больше продолжаться не может, вышел и лёг в коридоре на пол, сказав, что не встанет, пусть его или судят, или забирают всё имущество, или отпускают. Его вызвали, и какая-то комиссия из семи человек его допрашивала. Почему, мол, у него, популярного врача, петербуржца и т. д., нет сбережений, валюты, монет и т. д.? Он объяснял, что, если бы всё это было, он не поехал бы по вербовке в Сталинабад, а кроме того, он всю жизнь занимался наукой, и она его интересовала, у него много печатных научных трудов, а доходы он проживал вместе с большой семьёй. Тогда они его отпустили домой и сказали, что пришлют меня за золотом (которое они забирали незаконно) и компенсируют талонами на Торгсин (торговля с иностранцами). На эти талоны можно было купить много продуктов и промтоваров, которых в нормальной продаже не было. Я приехала ночью, забрала всё, что мне мама отдала. Но отец не успел мне сказать, что должны быть получены талоны на Торгсин.

Меня сразу привезли в комиссию. Там сидели какие-то типы в штатском, а один старичок в военном. Это был главный эксперт по вещам. Он сказал, что все изделия екатерининских времён. Ничего не ломал щипцами и всё сложил в мешочек. Мне выдали расписки (которые и сейчас у меня хранятся) и спросили, хочу ли я дождаться утра и повидать следователя. Я, конечно, по поводу свидания со следователем восторга не проявила, и мне разрешили выйти за ворота самостоятельно. Как я ночью добралась домой — не помню. Возможно, меня подвёз какой-то заблудший трамвай. Одного чулка, помнится, у меня на ноге не хватало, но я не простудилась.

Так сама я всё отдала и никакого Торгсина не получила. Вероятно, эти талоны перепали самому следователю. После этого мама сказала: «Теперь я могу спать спокойно, мне больше нечего сохранять для своих наследников».

Вот и весь сказ!

О потере вещей никто не рыдал. Только я жалею, что нет их фотографий, так как подобных художественных изделий теперь нигде не увидишь.

Кроме воспоминаний в бумагах бабушки был и этот рассказ, содержащий письмо из Бабина. Бабушка включила его, не изменяя ничего в тексте, и я также перепечатала рассказ, сохраняя орфографию и пунктуацию оригинала.

Как карающая Немезида настигла осквернителей могилы героя Порт-Артура контр-адмирала Тыркова В. Д.

Место захоронения семьи Тырковых в селе Бабино находилось не на общем кладбище, а было совсем рядом с церковью. На этом «господском» месте были похоронены в конце XIX и в начале XX века: основатель помещицкой усадьбы, глава семьи Тырковых Дмитрий Алексеевич, его жена Мария Петровна, несколько умерших в младенчестве их детей и четверо уже

взрослых сыновей — морских офицеров. Последним в 1915 году здесь был похоронен контр-адмирал Тырков Владимир Дмитриевич. Умер он в Гельсингфорсе скоропостижно от разрыва сердца. Для того чтобы перевезти покойника в Бабино, а иначе и не мыслилось, требовался запаянный свинцовый гроб. По приезде в Бабино гроб не открывали. Похороны были очень многолюдные с большим количеством венков. За боевые заслуги в войну с Японией Владимир Дмитриевич был награждён Георгиевским золотым оружием. Слухи о золотом оружии и металлический ящик-гроб, вероятно, произвели на бабинское население известное впечатление и проявлялись как местное предание в людских разговорах даже уже в наше время. Постепенно тырковские могилы оказались заброшенными, так как прямых потомков похороненных здесь судьба разбросала кого куда, а дочь Владимира Дмитриевича Вера (замужем Компаньен), остававшаяся в бабинской усадьбе до самого выселения бывших помещиков в 1926 году, уже в 1933-м со всей семьёй уехала в Голландию. Во время Великой Отечественной войны исчезли все мраморные памятники. После войны церковь переоборудовали под клуб, место, где были могилы, — заасфальтировали.

Письмо из Бабина в апреле 1975 года Марии Константиновне Тырковой:

«Милая Мария Константиновна здравствуй и твоему семейству шлём привет и также сестре Танечке. Как я тебе уже писала, ты должно быть моего письма не получила и потому спрашиваешь меня, что случилось на кладбище, о чём сообщала вам Таля Ионова. Дело было так. Для отопления церкви, теперь клуба, привезли машину дров и сгрузили на той асфальтовой площадке, что на месте ваших могилок. Так как зима нынче очень тёплая и земля плохо промёрзла, асфальт просел и показался угол металлического гроба. Тогда наши бабинские пьяницы-алкаши: Никитин Михаил да сын его Колька 21 года с двоюродным братом семнадцати лет Володей Навиловым на мотоцикле, да ещё Леонов инвалид-запьянцовский решили ту могилу вскрыть и поискать золотой кортик и эполеты. Как ты знаешь, я живу на станции и в тот ноябрьский день пошла

менять газовый баллон у магазина, что по ту сторону моста. Листа на кустах и берёзах уже не было и хорошо видно через речку, что у церкви какой-то народ и что-то кричат. Я подошла, вижу, наши алкаши орудуют лопатой, вынули из гроба череп и повесили его на сучок, перекаладывают кости и ещё что-то копаются. Народ на них ругается и кричит: “от вас нынешних и под землёй покоя не найти!” Велели им всё положить на место, и навести порядок. Так они и сделали. А молодые, что на мотоциклете сели и поехали. Только они выехали за деревню к Трубникову, как столкнулись с грузовой машиной и оба парня оказались убитыми насмерть. Так что приезжай сама, всё тогда обговорим подробно. С приветом, любящая Антонина Щербакова».

Приложение 2

ЕЩЁ НЕМНОГО О ТЫРКОВЫХ...

В сентябре 2001 г. несколько моих родственников во главе с Андреем Петровичем Комлевым приехали навестить меня в Ушаках, сопровождая трёх немецких туристов — сестёр Хофман и мужа одной из них. Они приехали посмотреть на Россию и познакомиться с русскими родственниками. Россия и родственники понравились, и немцы стали приезжать ежегодно и приезжают до сих пор.

Сёстры Хофман — Александра и Элизабет всегда знали, что корни их семьи в России и во Франции. Из Парижа приехала в Санкт-Петербург Александрин Мари Франсуаз Делоз, чтобы служить гувернанткой в одной петербургской семье. В возрасте 36 лет в 1878 г. она родила в Петербурге девочку Селестину. Девочка была крещена в католическую веру, получила отчество Аркадьевна и фамилию Тыркова. По этим данным Александра Хофман сделала запрос в архив СПб. Ей сразу назвали Аркадия Владимировича Тыркова из Вергежи, что неудивительно, так как это был известный деятель борьбы с царизмом, участник подготовки убийства Александра II. Аркадию Владимировичу было в 1878 г. девятнадцать лет, он жил с родными, был холост. В семье ничего никогда не говорилось о ребёнке гувернантки. Александра Хофман делала запросы в разные архивы, я прочитала все изданные воспоминания и письма родственников Аркадия, ни одного намёка на любовную или скандальную историю юного Ади. Устное семейное предание намекает на увлечение соратницей по партии Народная воля Елизаветой

Оловенниковой, исторические романы о Народной воле настаивают на влюблённости Аркадия в Перовскую. Из его воспоминаний о времени покушения никаких выводов сделать невозможно. Он очень ровно рассказывает о своих товарищах по борьбе, включая женщин.

Вполне вероятно, что Селестина — дочь Аркадия Владимировича, много данных за это — отчество и фамилия, имя гувернантки в книге А. В. Тырковой «То, чего больше не будет», воспоминания матери сестёр, о том, что её дед был отправлен в Сибирь. Но это непрямые доказательства, а память семьи, в которой не было католиков, сто двадцать лет молчала. Поэтому у меня остаются сомнения. А так как у автора книги М. С. Борман ничего ни о каких детях Аркадия не упоминается, то я помещаю эту историю в приложении, а не в дополнении к бабушкиному тексту.

Александра Хофман так уверовала в своё родство с семейством Тырковых, что ко всем переснятым у меня фотографиям делала подписи типа: моя прапрабабушка, мой прадедуска и даже на могилу Аркадия Тыркова, которую одну советские власти сохранили из всего прицерковного кладбища, уничтоженного вместе с церковью, прикрепила доску с надписью:

«Здесь вместе с нашим прадедом
Тырковым Аркадием Владимировичем (1859–1924)
Покоятся его отец и брат:
Тырков Владимир Алексеевич (1835–1912)
Тырков Сергей Владимирович (1867–1914)
Alexandra von Hofman
Alexandr von Hofman
Andrei von Hofman».

Поссорившись с сестрой, она отлучила её и её потомство от подписи на могильной плите. Ни с кем из нас эту доску она не согласовывала.

Александра Хофман — энергичная, решительная и авторитарная женщина. Она прекрасно говорит и пишет по-русски. Очень любит животных, к людям относится гораздо строже. Я состояла с ней в постоянной переписке, и если обсуждать

архивные розыски и не касаться тем «неправильного» (по мнению читаемых ею газет) управления Россией и «отвратительного» поведения её сестры, то это было интересно. Изыскания Александры помогли узнать о Кате Лихварь, правнучке Ариадны Владимировны Тырковой-Вильямс, родившейся и живущей в Америке, и её детях.

В одном из писем Александра рассказала историю потомков девочки Селестины. Вот выдержки из этого письма без исправлений, чтобы было видно как хорошо она знает русский язык.

«20.12.2002 г.

...прежде всего — извините мои ошибки. Я никогда не изучала русскому, хотя вам вероятно кажется, что я совсем неплохо... Но я считаю, что не очень хорошо... Но всё-таки надеюсь, что вы меня поймёте. Это ж мой с вами общий язык. Такой звучный, полный мелодии.

Начну рассказывать жизнь моих родителей. Мой отец Владислав Иванович Хофман родился 14.11.1876 г. в Орше. Его отец, Иван Онуфриевич, работал в Орше на желдороге. Кем, чем — не знаю. Его деды-прадеды происходили с Виленской губернии (Мазуришки, Дисна, Поневеж). Отец кончил гимназию в Смоленске, студия в Юрьеве (Дорпате, Тарту), стал ветеринарным врачом, служил в кавалергардском полку в С.-Петербурге. После революции он поступил на службу в Польше — школа кавалерии в Груденце (Висла). В 1932г., будучи полковником, пошёл в отставку и стал работать ветврачом у одного графа в скаковой конюшне в Варшаве. Во время войны — в 1939 г. — немцы вывезли всех чистокровных лошадей вместе с персоналом, значит и мой отец попал в Германию. Для соединения семьи (моя мать, я и мой брат остались в Варшаве) и из-за добросовестной работы моего отца, дали нам немецкое гражданство, и мы с 1942 г. жили уже в Германии. Осенью 1944 г. нас эвакуировали в Тюрингию (потом ГДР), отец уже больше не работал и умер 18.06.1954 г. в Веймаре.

Моя мать, Александра Андреевна Рудченко, родилась 11.04.1903 г. в Петербурге. Отец её, Андрей Филимович

Рудченко, происходил из Бобруйска. Теперь мне известно, что там у них были Immobilien (недвижимость), но какие — неизвестно, адреса у меня нет. По линии матери моей мамы: мать Селестина, родилась в Петербурге 1.06.1878 г., Аркадьевна Тыркова. Мать Селестины Александрин Мари Франсуаз Делоз, французенка, родилась в Париже 13.06.1842 г. Родословную Александрин Делоз прилагаю, но я ещё не всё нашла, до сих пор переписываюсь с французскими архивами.

В 1919 г. в Петербурге был голод. Даже бабушка — французенка жарила лошадиное мясо, но признавалась к этому только после еды. В 1919 г. моей матери было 16, а её младшему брату Аркадию — 12. Их отец повёз детей к своим родственникам в Бобруйск. В это время там находилась польская армия, красные наступали, и отец вывез их последним поездом в Варшаву. Там он их —одних — оставил, а сам вернулся в Петербург к своей жене, которая осталась при своей больной матери.

Моя мать содержала себя и своего младшего брата, преподавая французский язык. Потом она как-то попала в Груденц, познакомилась с моим отцом, вышла за него замуж. Её бабушка и мать умерли от рака. Отец умер от голода в тридцатых годах. Его родственники в Бобруйске боялись его принять в свой дом. Он умер на улице.

Я, Александра, родилась, значит, в Польше 1.04.1924 г., мой брат Роберт 25.04.1925 г. Мы жили в Груденце до 1932 г. Отец пошёл в отставку и нашёл работу в Варшаве. С 1942 г. мы жили уже в Германии. В 1943 г. живя в Германии, пришлось моей матери работать, а так как она владела отлично русским, французским, польским и немецким языками — её направили работать переводчицей в гестапо. В это время, до осени 1944 г. мы жили в Меце (Лотарингия). Она очень переживала и страдала, потому что ей приходилось видеть, как чиновники гестапо били русских или украинцев, бежащих домой. Это была депортированная молодёжь из России и Украины. В 1943 г. брату было 18 лет, и его взяли в армию. Он воевал в Италии (Монте Кассино), потом перевели его на восток. 1.08.1944 г. — восстание поляков против оккупантов — можно

сказать, что первая пуля восстанцев убила моего брата. Осенью 1944 г. нас эвакуировали в Тюрингию.

Я посещала немецкую школу, в июле 1944 г. получила аттестат зрелости. Профессии ни у меня, ни у моей матери не было. Летом 1945 г. Тюрингию оккупировали сперва американцы, а потом советы. Искали переводчиков. Мать нашла себе работу в Министерстве сельского хозяйства и лесоводства — переводчицей. Потом и меня там устроила. 31.01.1945 г. родилась моя сестра Елизавета. После смерти моего отца в 1954 г. мать решила покинуть ГДР и уехала с сестрой на запад.

У меня родился мой сын 5.12.1946 г. Я работала потом ещё переводчицей в советском АО Висмут. С 1.09.1954 г. Я посещала педагогический институт в Эрфурте, экзамен сдала 2 года спустя, работала учительницей возле Франкфурта-на-Одере. В декабре 1956 г. переехала на запад, работала учительницей до пенсионного возраста, 1989 г.

Мой сын стал инженером-строителем-статиком. Он был женат, но жена погибла в аварии. У него двое детей — Андрей и Эдина. Андрей после окончания гимназии служил 12 лет в армии, стал капитаном и у него есть диплом эконома. Теперь он работает в крупной фирме. Эдина выехала в США, там вышла замуж. У неё сын Еремия и второго ребёнка ожидает в мае 2003 г. У Андрея есть сын Никлас. Ему теперь 11 лет.

Моя мать на западе не работала, так как она получала пенсию вдовью по моём отце. Моя мать умерла 7.07.1977 г. В Нортгорне, где и сейчас живёт моя сестра Елизавета Зандшulte. Моя сестра посещала гимназию, получила аттестат зрелости, но профессии у неё нет. Она вышла замуж и родила троих детей: Франка, Мартину и Катю.

Брат моей матери Аркадий Андреевич Рудченко польского гражданства не принял. У него был «нансеновский паспорт». В Польше он работал в сельском хозяйстве, торговал, женился на очень милой женщине Ирэне. Детей у них не было. В 1946 г. он решил вернуться в Россию с женой. Они оказались в Сысерти (Урал), он работал кочегаром, Ирэна — в столовой. В 1974 г. он умер, жена вернулась в Польшу (у неё жили там родственники).

В 1998 г. Я решила написать в архив в С-Петербурге и спросить нет ли у них каких-нибудь данных о моей бабушке Селестине Тырковой. Они мне ответили, что Аркадия В. Тыркова послали в Сибирь на тридцать лет по политическим причинам. Я слышала от матери, что он был отцом моей бабушки, но всегда думала, что они были женаты, и она не хотела ехать в «дикую» Сибирь — она из Парижа, а теперь жила в СПб — большом городе. Теперь я знаю, как это всё произошло...»

Александра посещала Россию раза два-три, но потом ограничивалась перепиской. После смерти в 2011 г. сына, она поселилась в доме престарелых.

Элизабет же приезжает каждую осень, то одна, то с мужем Гюнтером. Как-то их сопровождала дочь Катя, у которой есть уже малышка Майя. Элизабет и Гюнтер очень спокойные, приветливые люди. Они подружились с «бабинской» ветвью Тырковых — потомками двоюродных братьев Аркадия Владимировича — и встречаются с ними каждый год. Я тоже иногда общаюсь с ними, а в 2008 г. мы с сестрой присоединились к поездке большой компании в Вергежу.

Независимо от степени родства, хорошо иметь друзей в разных странах, переписываться, делиться радостью, поддерживать при огорчениях

Елена Сеничева, 2018 г.

Предисловие редактора	5
-----------------------------	---

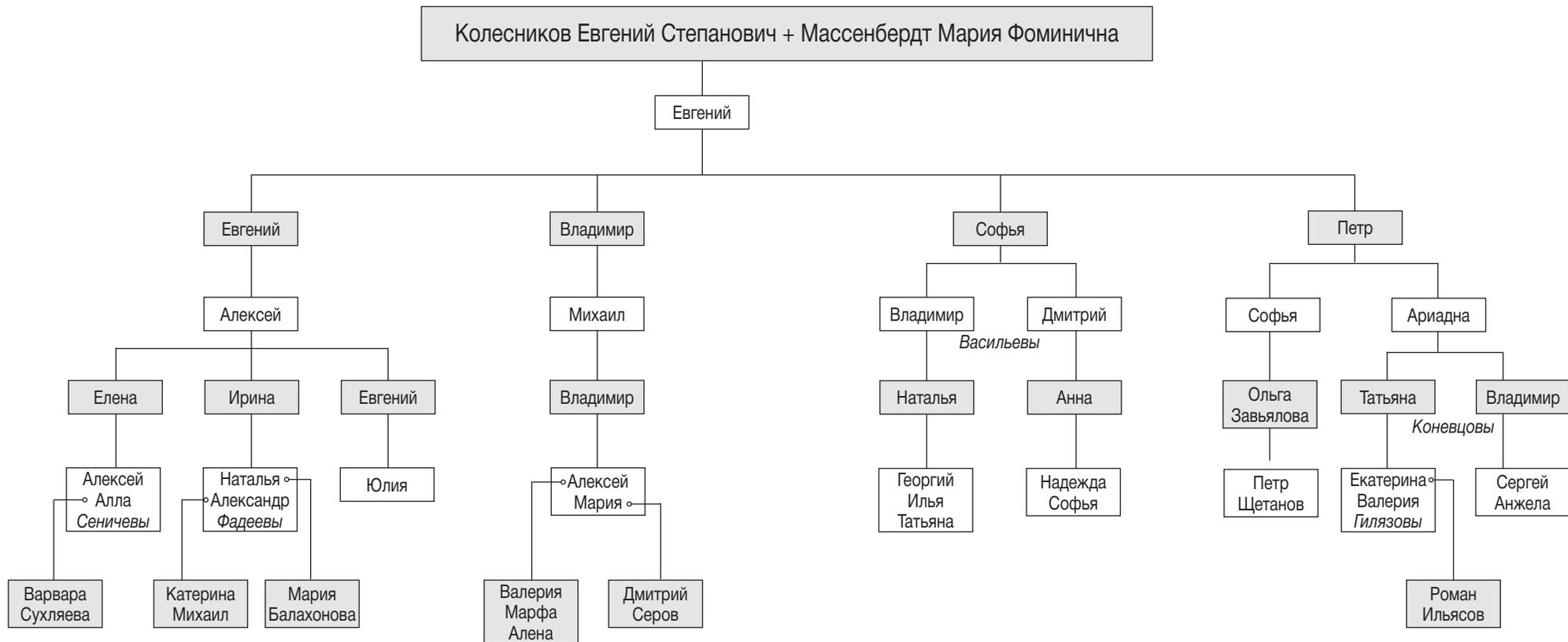
ПРЕДКИ И ПОТОМКИ.
Семейная хроника

<i>Предисловие</i>	9
Мотивы составления данной семейной хроники	15
Завет потомкам	17
<i>Часть I.</i> Родословная рода Тырковых	17
<i>Часть II.</i> Тырковы из Вергежи	25
Алексей Дмитриевич Тырков	25
Владимир Алексеевич Тырков	26
Старшие дети — Виктор и Мария	34
Народоволец Аркадий Тырков	38
Писательница и журналистка	
Ариадна Тыркова-Вильямс	42
Алексей и Сергей	44
Сонечка Тыркова	45
<i>Часть III.</i> Тырковы из Бабина.	
Судьбы семи братьев Тырковых и их сестры Верочки	48
Дмитрий Алексеевич Тырков	48
Пётр и Сергей	51

Михаил и Константин	54
Владимир и Николай	58
Леонид и Верочка	72
Тырковы в настоящее время	78
<i>Часть IV.</i> Борманы. Семья и судьбы её членов	83
Николай Александрович и Тереза Густавовна	83
Старшие дети Н. А. Бормана от первого брака	87
Кондитерский фабрикант Жорж Борман	88
Эмиль — старший сын от второго брака	93
Флора Николаевна Боклевская и её семья	94
Альфред Борман	104
Альма Николаевна и Владимир Александрович Поссе ...	106
Сергей Николаевич Борман	112
Евгения Николаевна	125
Владимир Николаевич и Роза Николаевна	130
<i>Часть V.</i> Колесниковы. Происхождение, семья, хутор Бор, судьбы	134
Происхождение фамилии	134
Мировой судья Евгений Евгеньевич Колесников и его жена Софья Владимировна	136
Пётр Евгеньевич — младший сын	139
Софья Евгеньевна Васильева и её семья	143
Владимир Евгеньевич	146
Евгений Евгеньевич и Муза Сергеевна	148
<i>Часть VI.</i> Как породнились такие древнерусские фамилии, как Тырковы или Боклевские, с безродными разночинцами Борман и Колесниковыми	168
<i>Часть VII.</i> Дополнение к родословной Тырковых (после XI поколения)	175
Потомки рода Тырковых по женским линиям	180
<i>Часть VIII.</i> Сведения о Тырковых из древних летописей и других литературных источников	193
Тырков-лицеист	199
Комлев А. «Жизнь Пушкина» и нить Ариадны	201
Николаева Н. Своя и родная Наташа	205

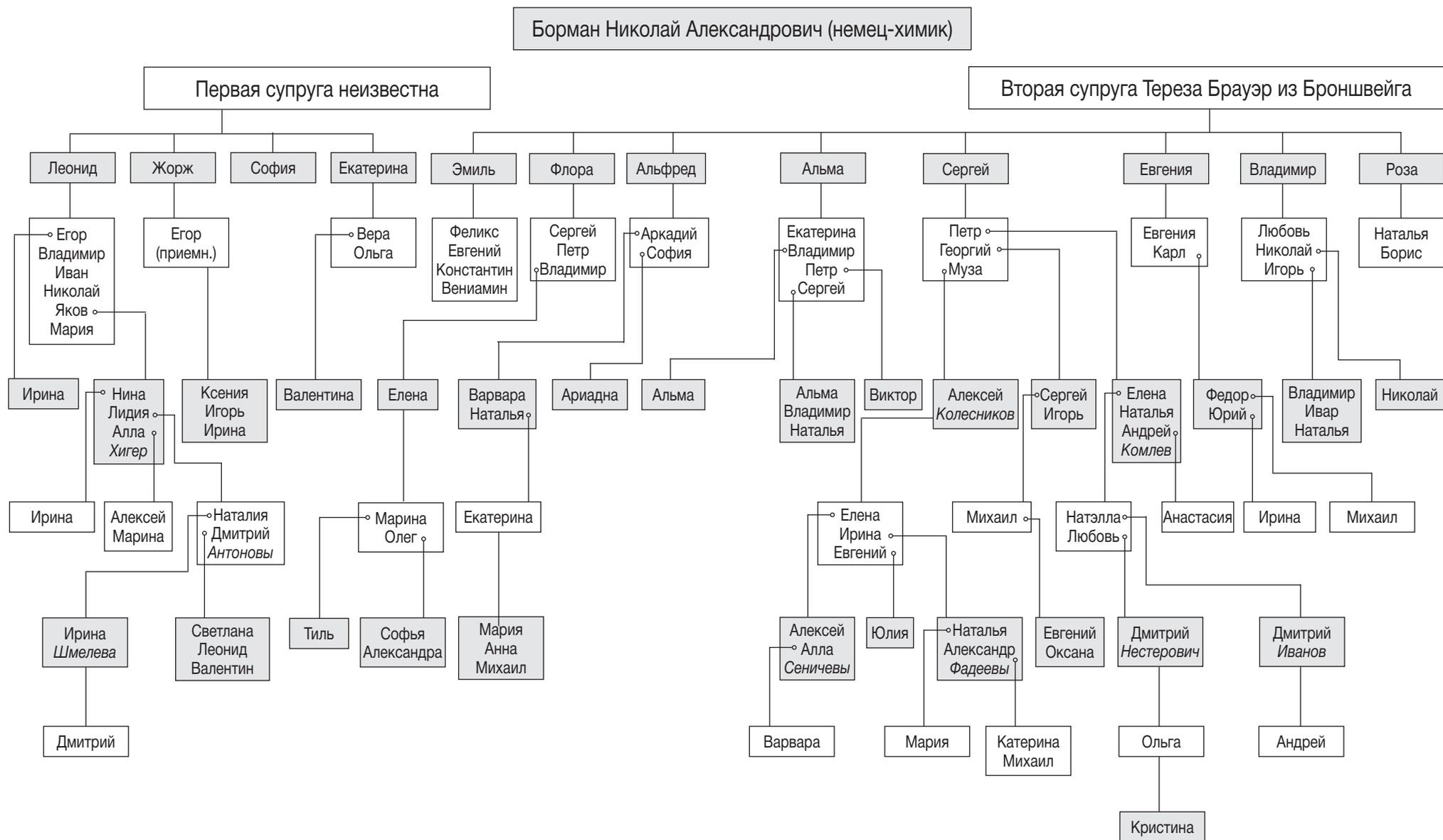
Наиболее ранние сведения о Тырковых-моряках	207
Изыскание смысла гербов	208
<i>Часть IX. О Путятиных и Назимовых, вошедших в основной род Тырковых и их потомков .....</i>	<i>213</i>
Михаил Александрович Назимов	231
<i>Приложение 1. Три рассказа .....</i>	<i>248</i>
История нашей семьи и обстановка моего детства	248
Вы спрашиваете, внушки, почему у меня нет ювелирной бижутерии, оставшейся от моей матери?	269
Как карающая Немезида настигла осквернителей могилы героя Порт-Артура контр-адмирала Тыркова В.Д.	274
<i>Приложение 2. Ещё немного о Тырковых... ..</i>	<i>277</i>

Схема семейства Колесниковых

Схема семейства Борман

Для связи с правообладателем:
e.a.senicheva@mail.ru

ISBN 978-5-91918-969-5

Литературно-художественное издание

Муза Сергеевна Борман-Колесникова

ПРЕДКИ И ПОТОМКИ
Семейная хроника

Технический редактор *А. Б. Левкина*

Корректор *Д. А. Гаврилов*

Дизайн обложки, оригинал-макет *Е. А. Бескорцева*

Подписано в печать ____ .04.2018. Формат 60×88¹/₁₆.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,6. Тираж 150 экз.

Заказ № ____.

Отпечатано в типографии
издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.

Тел./факс (812) 766-05-66

E-mail: book@renomespb.ru

ВКонтакте: http://vk.com/renome_spb

www.renomespb.ru